

Александр Малахов

***Пусть себе
будет меньше***

Александр Малахов

**Пусть себе будет
МЕНЬШЕ**

Проза и публицистика

**Губкин
2016**

ББК 84 (2Рос-4Бел)-4
М 18

Компьютерный дизайн: С. А. Русакова

М 18   **Малахов А. Е.**
Пусть себе будет меньше : проза и
публицистика / А. Е. Малахов ; [комп. дизайн С. А. Русакова] .
– Губкин ; Старый Оскол : Ассистент плюс, 2016. – 344 с.

ББК 84 (2Рос-4Бел)-4

Книга Александра Малахова «Пусть себе будет меньше» состоит из двух блоков: проза и публицистика.

В «прозу» вошла повесть «Пусть лучше мне будет хуже» – о молодости, жертвенности ради любви; рассказы, в которых автор раскрывает слепоперестроенную жизнь села: взаимоотношения людей, отношение их к природе, окружающему миру.

В «публицистике» собраны статьи и очерки, написанные автором в последнее десятилетие.

**ПУСТЬ ЛУЧШЕ МНЕ
БУДЕТ ХУЖЕ**
повесть

*К. М.
посвящается*

I

Начинались вступительные экзамены в институт.

С раннего утра в длинном полутемном коридоре, то здесь, то там, стали появляться взволнованные, отчасти испуганные лица молоденьких девушек, редко – парней, которые внимательно, изучающе рассматривали красочные стенды с умными, ставшими крылатыми выражениями и высказываниями известнейших светил науки, как гуманитарно – духовной, так и технически – прикладной, с обязательным масляным портретом великого их обладателя, к коим некоторые тяготеющие (в художественном смысле) индивиды – студенты посчитали своим неременным долгом добавить, привнести что-то туда, где этого не хватает, не достаёт, и вычеркнуть, убрать (замалевать или сцарапать) то, что по их уразумению является совершенно лишним или даже чрезмерно излишним для данного светила человеческого разума. И потому на четко прорисованных институтским художником портретах появились рыцарские усики, козьи бородки и рожки, об истинной принадлежности коих и поминать не хочется. К крылатым выражениям добавлены не менее «крылатые» словоформы, большей частью употребляемые на заборах и под заборами, а теперь уже, с выдвиганием человеческой расы – цивилизации в новое тысячелетие, громогласно явленные из заплеваных кабаков и подвалов – алкашеприёмников тишайшей части законопослушных граждан, на стены институтов, дворцов культуры и других общественных учреждений, где словесные изыски несостоявшегося поэта или писателя оценят по достоинству народные массы.

Низший из штилей возвращается народу, не подогрето – шаткому и подогрето – падкому, а выученному, образованному и желающему всячески образоваться.

Неспешно проходят по коридору последние проснувшиеся, выпавшиеся и отдохнувшие от научных бдений студенты, отыскивая необходимую аудиторию по знакомым лицам сокурсников.

Еще робкие абитуриенты оттесняются в конец коридора, где горой возвышаются учебные столы, подготовленные для покраски. Свободные пустоты между угловатыми пирамидами занимают поступающими из боязни попасть под окрепшие плечи старшекурсников.

Режет уши оглушительный звонок, и распахнутые двери выпускают в коридор говорливые группки будущих учителей и руководителей учебных заведений, пока еще не приобретших должной важности и солидности и не прочувствовавших всей ответственности перед родителями своих будущих учеников и перед страной в целом за воспитание жизнеспособного подрастающего поколения. И потому они смеются, балагурят, обнимаются, высказывая тем самым молодецкую солидарность и простое единство душ всего студенчества.

Постепенно многоголосая орава рассасывается по аудиториям, затихает шарканье, цоканье каблуков. Снова берет противно высокие ноты электрический звонок, эхо уносит его в глубь коридора.

Рой пылинок, поднятый толчеей и беготней, высвеченный выбравшимся за верхушки тополей уже горячим солнцем, медленно оседает на столах, отчего они кажутся ещё более жалкими и ветхими.

Слышны глубокие вздохи, шуршание страниц. Перебираются, сортируются шпаргалки и рассываются по карманчикам и складкам одежды, дописываются нудные, не

запоминающиеся правила на ещё не загорелых, мечтающих о прохладном песке пляжа ножках и прикрываются до подходящего случая шуршащей юбкой средней длины.

Экзамен – дело серьёзное, и идти на него нужно во всеоружии.

Девушки нервно поглядывают на часы: время экзамена неминуемо приближается. Дрожь в коленях учащается, вместе с частотой сердцебиения. Начинается хождение от одной стены до другой, а перелистывание страниц уже измученных учебников напоминает роение пчёл.

Луч света сквозь пыльное окно косо падает на лицо девушки, стоящей поодаль, высвечивая её большие печальные глаза. По тому как она бегло просматривает страницы учебника видно, что не боязнь предстоящего экзамена печалит её, и потому Олег чувствует, что печаль эта внутренняя, глубинная; какая-то боль мешает большим под редкими длинными ресницами глазам воссиять радостью, для которой они и были созданы: карие, с лучинками изумрудных волн и еле заметными золотыми ниточками – жилками.

Непослушная тоненькая прядь волос падает на книгу. Она легким движением отводит её в сторону, на мгновение отрываясь от чтения, поднимает широко раскрытые глаза, отчего они становятся ещё милее и печальнее, внимает окружающему шуму, суете и витающему в душном воздухе волнению, снова плавно опускает голову.

Она стоит в стороне, совсем одна. Все остальные девушки, разодетые как для показа мод, источая все возможные и невозможные дразнящие, манящие и дурманящие ароматы, стоят шумливой стайкой, больше болтая, чем думая о первом экзамене.

Беспрестанно хлопают двери: приходят и уходят абитуриенты; преподаватели ищут свободную аудиторию для

своих студентов, не особенно жаждущих в такую жару сидеть в классе, мучить свои размякшие, разомлевшие тела и внимать разогретой головой мерному журчанию лекции.

Приемная комиссия заняла, наконец, свое законное место, с опозданием почти на полчаса. Девушки подошли ближе к двери, за которой должна решаться судьба их дальнейшего обучения, теперь уже высшего.

Никто из абитуриентов не рвется первым, но все прекрасно понимают, что от судьбы не уйдешь, и потому даже сквозь кремы и пудры на лицах многих желающих продолжить обучение девушек проступает волнительная бледность.

Она тоже подошла поближе, выступив из полумрака коридора. Короткое, легкое в белый горошек платье свободно облегалo статное тело, поднятое над некрашеным, вытертым, отполированным обувью полом на высоких белых туфлях. Тонкие, чуть подкрашенные розовой помадой губы плотно сжаты. Непослушный локон оказался частью прически, опускаясь слева от глаз каштановой змейкой к лунообразному подбородку. Глаза теперь наполнились светом, ожили и вместе с остальными испытующе смотрели на кричаще белую дверь аудитории.

Только теперь Олег понял, что его взволновали не только высвеченные украдкой солнечным лучом задумчивые её глаза и не только её точёная фигура и непослушный завиток волос – она взволновала его вся в целом, не делимая на отдельные пропорции тела и цветовой гаммы. Она была просто красавица. Нет, не вылепленная граммами косметики, не принявшая так широко везде рекламируемые, сводящие с ума бизнесменов, маклеров пропорции, отбираемые ревностно ими для служебной своей значимости или, как говорят, визитной карточки, старанием массажистов и других всевозможных лепителей сладких куколок.

Ей было лет восемнадцать, и по этой простой причине она вряд ли успела воспользоваться услугами телесных благодетелей. В ней красота была не вымученной сидением на диете, в ней она была природной, естественной: дарственной; той красотой, что не лезет напоказ, а скромно старается не попадать под яркий солнечный свет, чтобы не показаться его ставленницей, наперсницей, несущей кроме умиротворенного тепла ещё и безмерное восхищение в виде раскрытых ртов и одобрительных или завистливых покачиваний головы и, конечно же, вздохов: « Вот бы мне... ». Красота, влекущая естеством, а не плотской похотью.

Что-то подобное промелькнуло и в его ошалевшей голове, и теперь он тупо пялился на неё, может быть и с приоткрытым ртом, ошарашенный таким внезапным явлением. Мысль познакомиться с ней или, на худой конец, узнать хотя бы имя теперь вместе с сердцем рухнула в бездонную пропасть и схоронилась в самом темном углу как крохотный котенок в незнакомой пустой комнате. И он теперь подпирал стену, не в силах от неё (стены) оторваться; рубашка взмокла и прилипла и к стене, и к спине. И теперь только внезапное землетрясение или наводнение могли сдвинуть его с места.

Пришли двое низкорослых мужиков в рабочих спецовках, пахнувшие свежей сосновой стружкой и одновременно затхлым, сырым воздухом непрогретой подвальной мастерской, и природных катаклизмов не потребовалось, чтобы заставить Олега расстаться с невольной облюбленной им стеной. Они выдернули из пирамиды первый попавшийся под руку стол, и один гладко выбритый, улыбочивый рабочий с длинными пышными усами, совершенно закрывающими верхнюю губу, деловито крикнул:

- Па – берегись!

Олег, неожиданно для себя, оказался прямо за спиной прекрасной незнакомки. Ноздри защекотало терпкой ландышевой свежестью: поплыл длинный пыльный коридор, пестрые платья – юбки – брючки. Олег прикрыл глаза, на мгновение забылся, жадно вдыхая неожиданную, ароматно пьянящую свежесть, приподнявшись на носках, и ему нестерпимо захотелось увидеть и прикоснуться рукой к источнику такой обворожительной божественной радости. Он открыл глаза, затаив дыхание, и через её плечо в листке, который она бережно держала в полусогнутых руках прямо перед собой, как билет на редкостное зрелище для придирчивого контролера, высмотрел имя – Олеся.

«Такое же редкое, как и она сама», - мелькнуло в голове Олега.

Больше ничего прочитать он не успел, потому что дверь резко распахнулась, освежив на мгновение стоявших рядом всплеском вытесненного ею воздуха, и секретарь приёмной комиссии в больших затемнённых очках, не глядя в перепуганные, взволнованные лица, куда-то в стену громогласно сообщила:

- Первая пятёрка!..

Повисло тягостное молчание; девушки нехотя переступили через порог, словно их пригласили не для сдачи экзамена, а в пыточную камеру, и дверь, цокнув защелкой, снова пустила по лицам благодатную струю воздуха.

Сердце у Олега ёкнуло, и он машинально отодвинулся к уже знакомой его спине всеми шероховатостями, покрашенной тёмно-синей краской в рост человека стене.

Его двоюродная сестра Наташа, ради которой он здесь, собственно, и находился, помогая ей спокойно ориентироваться внутри институтских корпусов и не плутать понапрасну по знакомым ему за пятилетнее обучение гулким паркетным

коридорам, вошла на предметную беседу одной из первых, считая, что таким образом времени на подготовку ответа будет гораздо больше, чем у следующих испытуемых, и скорее исполнится основная жизненная формула: чему быть, того не миновать. Это её качество Олегу нравилось. Кроме того она была нормального для девушки роста, стройна, правда, излишне худощава, не жалела дорогой косметики для подчеркивания редких стреловидных бровей над васильковыми, большей частью задумчивыми глазами, чуть припухлыми, накрашенными густо ярко-красной с блёстками помадой обиженными губами и узким заострённым подбородком.

Молчание было естественным её состоянием, и Олегу с большим трудом удавалось подыскать подходящую тему и «раскачать» её своими разговорами, чтобы заставить, наконец, раскрыться алым бутончиком, не желающие шевелиться губы. Эта излишняя замкнутость и молчаливость иногда выводила общительного, жизнерадостного Олега из себя, что непременно сказывалось на его настроении.

Когда он очнулся от задумчивости и устремил отрешенный до того взгляд на дверь, Олеси возле неё уже не было.

...Наташа выпорхнула из аудитории раскрасневшаяся, непрестанно улыбаясь, и тут же сунула в руки Олега экзаменационный листок.

- Четвёрка! – радостно и счастливо сообщила она.
- А больше и не надо! – не раздумывая, выпалил Олег.

И она, окрылённая успехом, даже не уловила безразличных ноток в его голосе.

Наташа фыркнула, сдула, выпятив нижнюю губу, волосы со лба и потащила несопротивляющегося Олега к выходу.

Солнце висело уже в зените и палило нещадно, так что даже самые терпеливые, укрывшись в тени старых раскидистых

клёнов, сидели на деревянных скамейках с прищуренными глазами.

Основная студенческая масса, заняв до сумерек ближайшие к переливающейся ослепительными чешуйками волн парной воде места на промытом дождями песке с редкими матового цвета ракушками усердно меняла молочный цвет кожи до болезненного, чувствительного особенно ночью, цвета вареных раков.

На лбу Олега появилась испарина, и густые вьющиеся волосы, нависая над бегающими из стороны в сторону глазами, заблестели, словно смазанные гелем.

Наташа рассказывала о придирчивой приёмной комиссии, и Олег краем уха ловил отдельные фразы: «а здесь запятую зачем поставили,.. что из этого следует,.. кто виновен...», а сам тем временем рассматривал жирного пушистого кота, зорко следящего из-за толстого, морщинистого ствола клёна, поджав уши, готовясь в удобный момент кинуться в стайку худых голодных воробьёв, терзающих, жадно чирикая и напрыгивая друг на дружку, ещё не пожухлую банановую шкурку, брошенную на тротуаре бестолковым свинтусом или специально оставленную для растяпы, не желающего смотреть себе под ноги.

Он думал об удивительном неожиданном чувстве свежести, совсем недавно ворвавшимся в его разогретую грудь глотком живительного целебного нектара, и глаза теперь искали среди аллеи место, где таким же волшебным образом может возникнуть целая поляна изумрудных ландышей с множеством крохотных белых колокольчиков на тонких, но крепких стебельках, источая невидимыми лучами прямо в душу пульсирующую музыку живой природы. Упасть обессиленно в самую гущу цветочной страны и до умопомрачения надышаться

ландышевым ароматом, о всепоглощающей мощи которого он до сегодняшнего дня и не подозревал.

А может быть во всем виновата она?.. Возникшая внезапно в его размеренной спокойной жизни, отчего она наполнилась новым смыслом, природными красками и звуками...

Потные, противно липкие тела вернули Олега из бесконечного необъятного мира мыслей и размышлений в раскалённый, плиточный мир троллейбусной остановки. Втолкнув охающую Наташу в огнедышащий блестящими ртами салон троллейбуса, в железном нутре которого, как в разогретой духовке, ей придется париться до окраины города, до конечной остановки, где жила её родная тётка по отцу, он посмотрел вслед высекающей в проводах косые трескучие молнии машине, и не чувствующие уже угольного жара асфальта ноги медленно потащили его измученное ватное тело в институтскую аллею...

II

В квартире было неестественно тихо и пусто. Олег захлопнул дверь; поток потревоженного воздуха толкнул его в грудь. Сбросил с разогретых ног туфли и, мягко ступая по ковровой дорожке, хотя тревожить было некого, прошёл прямо в зал, сумку поставил у стола, а сам тяжело опустился на стул. Сквозь незашторенное окно балкона было видно, как на пятом этаже дома напротив плотный с залысынами мужчина без рубашки сидит за столом, а чуть полноватая жена его суетится около, видимо, кормит ужином. Олегу есть не хотелось, и он отвернулся от окна, вытянув ноги под стол. Появилось неопределённое желание чем-то заняться. Голова была полна впечатлений от встречи с очаровательной девушкой с редким

именем Олеся, и он, подтянув к краю стола пачку писчей бумаги, попытался облечь толпившиеся беспорядочно мысли в словесную форму, но, перечеркнув несколько патетических строчек и наставив шахматное поле многоточий, резко отодвинул листы на другой конец стола, к стене, и заложил книгами. Сам перевёл отсутствующий взгляд на вылинявший персидский ковёр и замер в таком положении.

Тело немного остыло от душного уличного воздуха, и теперь рубашка, совсем недавно отяжелевшая от пота, снова стала неощущаемо невесомой.

Сквозь стук ровно бьющегося сердца, отдающего в ушах распухающими воздушными пузырьками, он вспомнил её, всю, до мельчайших подробностей, и сердце тут же учащённо забарабанило в ушах. Он ощутил шелест и воздушное плесканье её платья, хлынувшие в его раскалённые и без того ноздри терпкой свежестью росистого утра и, даже воспламенённый живостью ощущений, представил её в своих объятиях, но лишь на мгновение, а потом сразу же появилось совершенно новое, незнакомое чувство физической отстранённости телесной оболочки от духовной её наполненности. Он ощутил её могущество, её музыкальную безграничность, сокрытую в драгоценной шкатулке от въедливых плотских взглядов мелодию, подвластную только одарённому тончайшим слухом мастеру.

От таких неожиданных мыслей Олегу стало ещё грустнее, а мозг хотел уже снова заключить сказочную нимфу в его пламенные объятия, но Олег сильно потрянул головой, не желая вконец испортить и без того паршивое настроение низменными животными повадками.

Без его воли, без его всеодобряющего на то согласия, её загадочный образ отпечатался в мозгу, крепко-накрепко засел в

его пространстве, вытеснив все прежние кукольные образы с глянцевого обложки фирменных журналов.

«И что же делать?» - явилась первая разумная мысль. Внутренний голос, более рассудительный и морально трезвый, решил, что он с нею познакомится, волею случая, и скорее всего она окажется обычной куколкой, хотя и не слишком вымалеванной, но с первых слов сразу же станет ясно её истинное предназначение: туманить мозги и выкручивать шеи падким на клубничку мужчинам, в чём их и упрекать, собственно, нельзя, ведь по утверждению классика красота призвана спасти мир, на худой конец – от нас самих.

Но он чувствовал, что что-то очень важное ускользает от него; ускользает разгадка объявшей внезапно всё его существо тревоги, ускользает, как ускользнула когда-то быстро и неожиданно первая любовь.

...Он вернулся с Севера, где проходил трёхмесячную преддипломную практику. Вернулся бодрый, пропитанный насквозь сосновым запахом бесконечной тайги, вкусив крепость морозов и вяжущий кисловатый аромат растущей прямо у жилого вагончика на моховых кочках клюквы. Он сам попросился подальше от большой цивилизации – поближе к самому краю материка, не закопчённому ещё отбросами газовой индустрии и потому сияющему крахмальной голубиной соединяющего небо с землёй снега.

Захотелось повидать мир. И потом об этом он никогда не пожалел, потому что больше такой возможности ему не представилось...

Он широко шагал по техникумовскому коридору в пышной кроличьей шапке и дутом ватнике нараспашку, ещё чувствуя себя важным полярным медведем, а ему навстречу шла Она с длинными распущенными волосами и неестественно большими голубыми глазами на загорелом лице, быстро

удаляясь, цокая каблучками по молочному глянцу кафельного пола. Она только мельком взглянула на него, даже не повернув головы, а только скосив в его сторону, как для немого приветствия, пламенные голубые хрусталики. И у него почему-то не возникло естественного бессознательного желания оглянуться и с другой стороны оценить промелькнувшее волнительным очарованием стройное грациозное создание. Потом вздохнуть опечаленно по причине столь быстрого возвращения с ангельских высот в пучину серых однообразных будней и жить дальше, даже не помышляя о возврате жизненной киноплёнки назад, чтобы в нужный момент остервенело нажать кнопку «стоп кадр» и замереть навеки с неописуемым ощущением долгожданного бесценного приобретения.

Но этой мимолётной встречи было достаточно, чтобы лишить его покоя.

Почти каждый день у стен общежития, где непременно собиралась молодёжь побренчать на гитаре, позубоскалить и просто убить – скоротать время, появлялся и он с одним единственным желанием: увидеть её. Классная заметила этот факт и подкалывала: «Губа у тебя, Олег, не дура, - отличницу выбрал!» Потом он набрался-таки смелости и пришёл с букетом алых роз поздравить её с днём рождения. Отличница угостила его конфетами и мягко, наверное, чтобы не обидеть, предложила больше за ней не ходить.

До Олега как-то не сразу дошёл смысл сказанных ею запросто, как о смене надоевшего платья или причёски, слов, но ни капли обиды на её неспособность взглянуть в самую глубину чувственной души его сквозь полноватое лицо с маленьким с горбинкой носом и пронизательными зеленоватыми глазами и не обнаружить там ни капли обычного волокитства за юбкой редкостного покроя он не ощутил; решил не навязываться и

исполнить её желание: попятился боком к двери, бросив беззлобно напоследок короткое: «Ладно»...

Через широкую пустынную полутемную улицу с мигающим жёлтым глазом светофора он брёл, не глядя по сторонам, и его чуть не сшиб несущийся на бешеной скорости милицейский «уазик». Появилось настойчивое желание провалиться сквозь землю.

Решил стать военным лётчиком. Прошёл вместе с двумя товарищами дотошную военную комиссию. Но военком перед самой отправкой настойчиво предложил сначала послужить в армии и потоптать кирзовые сапоги, а потом уже решать свою дальнейшую судьбу.

И после года службы он написал всё-таки рапорт о желании стать военным, но на повторную комиссию не поехал – пропало желание. И служить он должен был не в центре России, а где-нибудь в Афганистане, к чему себя и готовил, занимаясь в парашютной секции. Ему казалось, что там, где стреляют, где от тебя одного, восемнадцати – двадцатилетнего человека, может что-то зависеть, он сможет доказать и себе самому и другим искренность всех своих желаний. Но и это намерение не осуществилось. И он уже перестал о чём-либо мечтать, загадывать желания, заранее зная об их несбыточности. Но где-то в глубине души он надеялся, что после полосы неудач обязательно придёт что-то светлое и радостное, что непременно сгладит боль прежних утрат. Нужно только терпеливо ждать и надеяться. Надежды в нём оставалось совсем мало, совсем чуть-чуть. Но он всё ещё ждал...

III

Тетя Вера, хозяйка квартиры, вернулась домой поздно, мягко прикрыв входную дверь. Более десяти лет она жила без мужа, умершего от запущенной язвы желудка; числилась в пенсионерах, но по-прежнему работала в прачечной на кирпичном заводе: копейка лишняя сыновьям не в убыток, а самое главное – не давит на психику постоянно гнетущая молчаливость пустой квартиры. Небольшая тучность нисколько не мешала ей бодро семенить на коротких, бугристых от закупорки вен ножках. Широкоскулое продолговатое лицо, с ярко – красными дорожками проступивших сквозь бледную кожу кровеносных сосудов хотя и было почти всегда задумчиво и печально, зато никогда не вспыхивало румянцем гнева, а опоясанные синюшными волнами глубоких морщин глаза удивляли своей потаённой мудростью, что сразу же поразило Олега, как только он впервые переступил порог квартиры.

Обычно старушки, пережившие не только своих буйных мужей, но и долгие годы лихолетья, становятся желчны, мелочны и частенько брюзжат на квартирантов без всякого на то повода. Старушкой тётю Веру Олег даже и назвать не мог, несмотря на её шестидесятилетний возраст. Всем своим видом она являла образ добродушного зрелого человека, но никак не пожилой женщины, с толстыми серебристыми пучками седых волос на коротко остриженной по-мальчишечьи голове.

Она бесшумно прошла на кухню, выложила хлеб на холодильник и, заметив, что к еде никто не притронулся, тут же отыскала Олега, сидящего понуро за столом, проговорила по-матерински укоризненно:

- Опять ничего не ел!

Олег вздрогнул от громкого возмущённого её голоса, ворвавшегося неожиданно в тяжёлый густой сумрак комнаты, и попытался оправдаться:

- Да я...

- Вот я тебе! - тётя Вера погрозила ему пухлым детским кулачком и улыбнулась.

Олег вытащил из-под стола затекшие от долгого неподвижного сидения ноги и, больше не сопротивляясь, как на ходулях, провинившимся школьником отправился вслед за строгим, но справедливым учителем...

Позже всех домой возвращался старший сын Вадим, который и являлся причиной её постоянной задумчивости: пил безбожно. Работал он сварщиком в выездной ремонтной бригаде, и частые выезды на аварии в городском водопроводе и канализации оставляли достаточно времени для помощи населению, всегда нуждающемуся в ремонте своего небогатого ветшающего скарба. Помощь оказывалась незамедлительно со свойственной широкой русской душе щедростью, и проситель, совершенно счастливый, увозил подновленный велосипед, поставленную на резиновые ноги тачку или уносил под мышкой воссоединившийся с внезапно отвалившейся ручкой совок. А отзывчивый к людскому горю мастер вместе с сотоварищами дегустировал «благодарность», коей за световой рабочий день набиралось штук пять – шесть бутылок.

Домой возвращался сам на «автопилоте» или с посильной, расшатанной до пяти баллов помощью более крепких на ноги после непомерной дозы выпитого товарищей – собутыльников.

Когда ноги доносили его до знакомой двери, обитой вытертым, когда-то ярко-голубым дерматином, он по-кошачьи царапался, ощупывал дверь, отыскивая ручку, хватался за неё, как за спасательный круг, и вместе с открывающейся дверью

оказывался в оклеенном коричневыми под мрамор плиточками обоев коридоре.

Широкоскулое, как и у матери, лицо его, выбритое до синевы, заканчивающееся книзу узким заострённым раздвоенным подбородком, напоминало перевернутую грушу. Взъерошенные, с рыжеватым оттенком волосы, на висках завивались и совершенно скрывали и без того маленькие беличьи уши. Блестящие, отсутствующие глаза выражали такую жалость, что у невольного свидетеля возвращения с работы блудного сына на глаза могли навернуться слёзы.

Тетя Вера, с увлажнившимся взором, молча качала головой, отрывала от двери крепкое тело сына; он громко пыхтел, пытаясь передвигать ноги, почувствовавшие родные пенаты и потому совершенно не желающие нести хозяина ещё целых пять метров до следующей за залом спальни. Там уже, разоблачённый матерью до трусов, он успокаивался и почти не шевелился, только иногда были слышны из-за закрытой двери чмоканье пересохших губ и глухой ухающий кашель.

Вторая жена его Дарья тоже довольно спокойно относилась к «хобби» мужа, лишь при вынужденной транспортировке его обмякшего водянистого тела из одной комнаты в другую, приговаривая на каждом шагу в качающееся перед её лицом ухо: «Ноги передвигай». Никаких оскорблений, во всяком случае, в присутствии Олега, вроде излюбленного сравнения «свинья! опять нажрался, кровопийца» не звучало, но в то же время и безразличия во взгляде настырных смоляных глаз Олег не замечал.

С первой своей женой, выуженной из потаённых городских улиц ещё до службы в армии, он расстался - по обоюдному согласию - сразу же по возвращении на гражданку: двух лет оказалось достаточно, чтобы разобраться в своих чувствах.

Дарья была очень симпатичная огонь-девка: маленькая, юркая, с острым хищным носиком, и совершенно черная, как цыганка. И Олег никак не мог уловить всегда присутствующую схожесть в чертах характера и внешности жены и мужа.

Детей у них не было, да и откуда им было взяться, когда муж бездвижимым тюфяком ежедневно вальяжно заполнял постельное пространство, и только далеко за полночь, разбуженный проголодавшимся желудком, не включая света, шатко отправлялся греметь кастрюлями на кухню. Набив желудок тем, что попадалось под руку, широко распахивал форточку, жадно выкуривал сразу две сигареты и так же на ощупь возвращался в спальню.

Тетя Вера спала на диване в зале, а Олег – в единственной спальне, отгороженный от супружеской пары широким платяным шкафом. Иногда ему казалось, что он своим присутствием мешает их интимным отношениям. Но у кого возникнет хоть малейшее желание, если рядом вместо пламенного трезвого мужа валяется ледяная, плюющая во все стороны сонная бесформенная глыба? Вадим и к Олегу, бывало, обращался за денежной поддержкой, и тот не мог отказать, видя его умоляющий слезливый взгляд приговорённого к вечным мукам каторжника.

Дарья относилась к Олегу безразлично, по-свойски, и он начал подозревать её в совершенном безразличии к мужчинам.

Теперь же, почти уже месяц, Вадим находился в командировке на Украине, и тетя Вера совсем помрачнела и почернела от переживаний...

IV

Ранним субботним утром, когда солнце даже боковыми лучами ещё не скользнуло в окно спальни, а только зажгло красный фонарь ослепительным отражением в окне соседнего дома, распухавший радужными бликами безвредной шаровой молнии, Олег почувствовал на лице неожиданное, не уходящее тепло, проснулся.

Тетя Вера шуршала вещами и пакетами в коридоре, и Олег догадался, что она собирается на дачу. Дарья ещё в пятницу вечером уехала к матери в деревню.

Олег отвернулся от окна.

В прямоугольной раме, выкрашенной под медь, прямо на него взирало проретушированное чёрной тушью серьёзное крупное с двойным подбородком лицо покойного мужа тети Веры. Даже теперь под густыми мохнатыми бровями чувствовался его крутой норов, а тяжелый сверлящий взгляд, подчеркнутый густой качественной краской, не бледнеющей с годами, вызывал гнетущее чувство жгучего холода и вселенского одиночества.

Бесцельно коротать выходной, сидя в комнате и тупо пялясь в телевизор, замечая только мелькание лиц и цветных образов, ему не хотелось, и он попросился пойти вместе с нею. Тетя Вера сразу же согласилась, и не только из-за крепких молодых рук, но и из-за того, что рядом с Олегом в ней забудутся тревожные мысли о сыне...

На улице было ещё безлюдно. Непрогретый воздух легким ветерком приятно щекотал ноздри. Длинный, разбитый тяжелогруженными машинами мост через спокойную неглубокую речку, уже бледно зеленеющую шевелящимися пучками водорослей у берега, осыпанный меловой пудрой соседствующего кирпичного завода, казался сказочно сахарным.

А вдалеке, словно в тумане, вообще ничего не было видно, кроме черного жерла высоченной заводской трубы, нацеленной прямо в небо.

Растущие под мостом тополя тоже были покрыты ватными шапочками мела, отчего возникало ощущение невесомого движения по пухлым, опустившимся на землю облакам.

Шли молча. Олег - впереди, стараясь делать шаги покороче, чтобы не запалить старушку. Краем глаза, когда она оказывалась сбоку, он видел, что долгое молчание вернуло пожилую женщину к её тайным мукам, о чем говорили широко раскрытые, не мигающие глаза.

На крутом глиняном взгорке она негромко попросила Олега взять её на буксир. Он тут же участливо подставил руку.

Сразу на горке начинался густой смешанный лес, с пахнувшей прелью и сыростью землёй; только к осени, когда густые кроны деревьев редеют, она жадно впитывает в себя уже остывающие солнечные лучи. Жирная глина у натоптанной тропинки отливала гляncем. Внизу, по другую сторону холма, тянулись глубокие овраги, пересеченные плавным завитком березовой рощи, упирающейся прямо в городское кладбище, на окраине города.

Крупные полированные могильные плиты и кресты из нержавеющей стали горели мягкими серебристыми огоньками вечной памяти и скорби, видимыми только в этот ранний утренний час.

Тетя Вера остановилась, чтобы перевести дыхание, положив руку на сердце, дыша глубоко и часто. Олег смотрел на высокие отвесные темно-коричневые стены по другую сторону холма, срезанные работающим экскаватором, когда она вдруг спросила:

- А ты знаешь, что соседки говорят?.. Что я с тобой живу как жена с мужем.

Олег обернулся.

- Во как! – хмыкнул он. – Хороший комплимент

Тетя Вера широко улыбнулась, и Олег обрадовался, что у неё поднялось настроение.

На голову, учуяв тепло человеческого тела, запикировали с угрожающим писком комары. Пришлось снова ускорить шаг, чтобы уйти от их назойливого преследования.

...Дачные домики, соседствующие узкой тропинкой, по которой двоим встречным и разойтись-то трудно, с толстой ржавой трубой водопровода по обочине, жались друг к дружке, как от вечного холода. Некоторые домики давно уже состарились одновременно со своими хозяевами, потемнели, заплесневели и заросли бурьяном; а может быть, рачительных некогда хозяев и в живых уже не было, а пустые холодные домики всё ждали и ждали их прихода тёмными, залитыми грязными осенними дождями окнами. Кое-где возвышались одни только голые ящики безглазых деревянных стен, наполовину обложенные почерневшим силикатным кирпичом: по всему было видно, что народ тянется из последних своих жил – силёнок, чтобы облагородить до прихода смертушки спокойное, тихое местечко дачника – огородника, где кроме пышного разноцветья, с Божьей помощью, зарумянятся скоро крутобокие мясистые помидоры, откроет настырные бусинки черных и красных глаз смородина, а потом уже, к самой осени, дозреет и петровский подарок – картошка.

На заросшем молоденькими ивами бережку мизерного прудика, спасающего многоликий урожай при неожиданных недельных отключениях водопровода, неподвижно сидели два загорелых рыбака лет восьми. Лягушки раздували, как мыльные пузыри, зобы, и Олег засомневался, что в этом лягушатнике с

жёлтой затхлой водой может водиться кроме пиявок и рыба. Но у мальчишек, видимо, было на этот счет совсем другое мнение, и они терпеливо взирали на вплавленные в неподвижную мертвую воду красноголовые шапочки поплавок.

Дача тети Веры оказалась ничуть не радостнее остальных построек и недостроек. Изгородь покосилась и осела, Олег с трудом открыл жалобно и протяжно заскрипевшую калитку, пропуская хозяйку вперед.

Маленький одноэтажный щитовой домик с позеленевшим местами шифером скрывал в своем выкрашенном белой краской нутре старый провисший двуспальный диван, застеленный непонятного цвета покрывалом, небольшой коричневый коврик с жёлтыми оленями над ним, которые кочевые цыгане продавали раньше пачками; облезлый раздвижной стол, накрытый куском свежей светло-синей клеенки, полбуханки не съеденного от усталости, задеревеневшего хлеба на нем; пару тарелок, ложек, вилок на металлической полке; серый халат на гвозде и садовый инвентарь, аккуратно сложенный в свободном от хозяйственной утвари углу.

- Ты посиди пока, подыши воздухом, а я помидоры полью, - сказала тетя Вера, накинув халат.

- Как это я буду сидеть! – возмутился Олег. – Я изгородь поправлю и ступеньки сооружу перед калиткой, а то и ноги переломать недолго.

Тетя Вера хотела что-то сказать, но Олег взял лопату и, не оглядываясь, шмыгнул на улицу. Он не слышал, как она вздохнула сокрушённо и, глядя ему вслед, задумчиво проговорила: «Дает же Бог...»

Солнце уже осветило всю крышу домика в изумрудных моховых кляксах и квадратик крылечка, когда Олег дорезал ступеньки в земле лопатой, сложил дерн к изгороди и спрятался

в тень старой-престарой черешни, вытянувшей в небо длинные морщинистые ветки.

Тетя Вера обошла еще раз весь участок, проверяя, не случилась ли где неожиданная оказия, подошла к Олегу и устало опустила на короткую, состоящую из единственной сосновой доски скамейку. Стащила с головы платок и старательно вытерла им потное лицо, так что оно тут же сделалось пунцовым. Поправив волосы растопыренными пальцами, она глубоко протяжно вздохнула и сложила руки на коленях.

- Что мне с Вадимом делать? – ни к кому конкретно не обращаясь, негромко проговорила она, выплеснув наружу горькие тягостные мысли. – Уйдет от него Дарья, чует мое сердце.

Олег вспомнил, что подобная мысль посетила и его, когда он, возвращаясь однажды из института, наткнулся на Вадима, специально ожидавшего его на углу дома. Он так и сказал Вадиму: «Сбежит от тебя Дарья!» Но тот и ухом не повел на предостережение, а только сверкнул мутными глазами при виде драгоценной бумажной купюры.

- Мы уж ему и снадобье на березовой коре варили, - продолжала она размышлять вслух, - всё нипочем. Может работу ему другую подыскать, - то ли спросила, то ли предположила тетя Вера и зачем-то отерла сухое лицо платком.

- Пить везде умеют, - неуверенно вставил Олег.

- Да, видно от судьбы не уйдешь, - не расслышав слов Олега или продолжая его мысль, поглощенная всецело своими думками, горько добавила она.

«От какой судьбы? – подумал Олег. – И кому от неё уходить?.. Вадим пьёт как сапожник. И чего ему ломать голову о существовании другой жизни, совершенно противоположной и намного более сложной, запутанной до головной боли, если ему, с помутившимся заторможенным сознанием, разбирающим

среди множества развлекательных неонов-пестрых учреждений только дорогу до дома, последние самые трудные метры до кровати помогают осилить и аккуратно уложить отяжелевшее тело в горизонтальное положение, и будут приглядывать, чтобы клёкот в горле не задушил его окончательно. А, может быть, он узнал, открыл для себя что-то такое, что трезвому благоразумному человеку с его рассудительностью и не снилось. И понять его может только тот, с кем он соображает на двоих или на троих, ведь к любому действию или поступку, радостному или горестному, понуждает разжавшаяся внезапно тугая или хлипкая пружина болевого порога мироощущения. А как же Дарья? А что Дарья!.. Свекровь на её стороне, но любовь к родному сыну, частице её самой, в продолжении которого она надеялась увидеть и понянчить дрожащими от волнения старческими руками плаксивых, но с таким душевным трепетом ожидаемых внуков, не знает увядания. А Дарья в то же время терпеливо, а может быть и равнодушно, обзаведшись любовником и живя в своё удовольствие, переносит явление мужа, приносящего домой вместо цветов и зарплаты только сопли под посиневшим от пьянки носом. Жалость это или принятие своего мучительного жизненного креста, от которого, говорят, не уйдёшь. И если браки заключаются на небесах, то женщинам, терпеливо сносящим мордобой и пьяные дебоши своего избранника, обеспечено вечное блаженство в неувядающем райском саду...»

- Бросит его Дарья, чувствует моё сердце.

V

Олег уже не спал, когда в щель между неплотно задернутыми коричневыми шторами в комнату проник разгорающийся день. Не вставая с постели и не отдернув штор, Олег решил, что понедельник будет утомительно жарким и сухим.

Сегодня у Наташи второй экзамен. И хотя он начнётся только в девять часов, с шести часов сон с него как рукой сняло. Он хорошо знал эту особенность своего организма, точнее, мозга, не проспать без будильника, когда от него кому-то требуется помощь и поддержка, пусть и не столь значительная. Но Олег прекрасно понимал, что присутствие рядом близкого человека частично снимает волнительный мандраж. Он не забыл, как сам трясся с экзаменационным листком, как ему казалось, больше остальных, ожидая встречи с судьбой, как немел язык и противно холодело от неожиданных мурашек тело. Рядом никого близкого и даже просто знакомого не было, кто мог бы поддержать его, впервые оказавшегося в огромном незнакомом городе в одиночестве.

Входной тамбур института не был ещё освещён солнцем: огромный клен напротив не пропускал сквозь свою кудрявую пышную крону даже юрких солнечных бликов, и потому в огромные стекла тамбура можно было смотреться как в зеркало.

Рядом никого не было, и Олег несколько минут строил мутному двойнику в стекле рожи, пока не обратил внимание на косо приклеенные липкой лентой на стекле листы бумаги с отпечатанными колонками фамилий абитуриентов, сдававших первый экзамен.

Палец Олега пополз снизу вверх по буквам, лихорадочно отыскивая так сильно взволновавшее его имя Олеся. В колонке оказалось две Олеси. У одной напротив фамилии стояла

«тройка», другая дотянула до «четверки». Олег, не желая зла ни той, ни другой, безумно захотел, чтобы «четверка» принадлежала именно его Олесе. С тройкой было мало шансов поступить, а он не мог просто так расстаться с взволновавшим всё его существо образом. Он чувствовал, что это не просто желание присоседиться, очаровать красивую девушку, это было желание понять внезапно появившуюся в его нескладной жизни гармонию, когда внутренний мир человека являет собой зеркальное отражение чистого прекрасного внешнего. Он должен был перекинуться с нею хотя бы парой фраз, чтобы убедиться, что чудеса природы, воплотившиеся в ее грациозной внешности, не являются модным теперь желанием выделиться. Он желал убедиться, что не перестал понимать людей только по одному взгляду, иначе его стремление к целостному пониманию прекрасного умрёт вместе с ушедшей Олесей...

Наташа примчалась в половине девятого, коротко поздоровалась с Олегом и повела его за собой.

Они шли по второму этажу, но сердце Олега потерялось где-то на первом, как у мальчишки, спешащего, спотыкаясь, на самое первое в его жизни свидание, и потому кроме возлюбленного прекраснейшего во всём мире образа никого и ничего не замечающего. Олег издали сузил глаза, не привыкшие еще к полумраку коридора, отыскивая знакомое лицо. Сумрак коридора скрыл ошалелое выражение его лица, иначе он не простил бы себе, что волнение, не свойственное его спокойной натуре, взяло верх над благоразумием.

У уже знакомой больнично-белой двери стояли несколько девушек. Когда они подошли к ним, Наташа поздоровалась, а Олег только кивнул головой, убеждаясь, что Олеси среди них нет. Той прежней мертвенной бледности на лицах девушек не было, а некоторые даже хихикали, вспоминая, видимо, все страхи и ужасы первого экзамена. Судьба оказалась

снисходительной: дело сдвинулось с мертвой точки, и теперь можно было слегка расслабиться. Завязались новые знакомства, объединенные общностью волнений и переживаний.

Девушки, увидев угрюмого парня, примолкли.

- Никак мужичка к нам, Наталья, привела? – прищурился глаза, поинтересовалась круглощекая черноволосая девушка в больших овальных очках, которую звали Вика. – Новеньким будет!

- Скорее стареньким, - промямлил Олег, к которому возвращался дар речи, и натянуто улыбнулся.

Олеси не было, и сердце его с первого этажа поднялось на второй, воссоединившись с телом; холодная волна, накатившаяся было на тело колкими ледяными иголочками, отступила под натиском заработавшего в полную силу сердца. Олег вернулся к своему обычному состоянию весельчака и говоруна и спустя несколько минут уже был окружен со всех сторон любопытными девушками и отвечал, жестикулируя руками, на бесконечные их вопросы относительно нравов преподавателей, особенностей обучения и очередного экзаменационного испытания.

Олег снова был в своей стихии и бесконечно дурачился и острлил, когда за спиной послышалось звонкое: «Привет». Он обернулся, чтобы не показаться невежливым, и уже на полуобороте выдохнул:

- Привет!

Прямо перед ним, в том же платье в горошек, с распущенными каштановыми волосами и сияющими глазами, стояла Олеся. Сердце Олега снова захотело сбежать на первый этаж, чтобы скрыться там от чуть удивленного взгляда ее больших, ловящих каждое мгновение жизни глаз.

- А я думаю, кто это здесь такой умный, - улыбнулась Олеся.

Сердце от такого милого, без тени иронии и сарказма приветствия тут же успокоилось, и Олег почувствовал, что знакомство состоялось.

Перед глазами Олега распускались душисто и белоснежно ландыши, когда без пяти минут девять секретарь приемной комиссии открыла дверь и пригласила всех занять места за столами. На этот раз на очередную встречу с судьбой девушки двинулись смелее.

Олеся не торопилась войти, словно чего-то ожидая. Через порог она переступила последней, мельком взглянув на Олега, и ей досталось место за первым столом, так как все остальные были уже заняты шустрыми её сверстницами: подальше сядешь от стола комиссии, сможешь при случае улучшить момент и чего-нибудь содрать с заранее приготовленных шпаргалок.

Дверь была приоткрыта, и Олег видел посерьезневшее лицо Олеси.

- Пишут? – глухо спросил, старательно вытирая лысеющую голову большим носовым платком, подошедший к нему грузный мужчина лет пятидесяти.

- Только сели, - уточнил Олег.

- И долго будут сидеть?

- Четыре часа.

Мужчина взглянул на часы, попыхтел, как трогающийся с места паровоз, и сказал вслух сам себе:

- Успею пива попить...

Олег пиво не особенно жаловал, как некоторые мужчины, готовые цедить его бочками, особенно если имеется ещё и лепёшка леща или другой манящей солёными боками рыбёшки, но чего-нибудь прохладненького выпил бы.

Время тянулось неестественно медленно. От долгого сидения стали затекать ноги, и рубашка то и дело прилипала к

спинке стула. Но вставать не хотелось, и Олег наклонялся вперёд, забрасывал ногу за ногу, чтобы хоть как-то облегчить телесные страдания.

Дверь в аудиторию была по-прежнему открыта, оттуда доносились изредка шелест бумаги и скрип шариковых ручек, от слишком усердного нажатия на них. Олеся сидела неподвижно, слегка склонив голову набок, сосредоточившись и собираясь с мыслями. Он не видел её лица и не знал, о чём она сейчас думает. Но ему страстно хотелось, чтобы она хоть на мгновение вспомнила, что совсем рядом, за дверью, сидит он, мучает своё тело и сознание, чтобы только видеть её.

Внезапно и совершенно бесшумно из аудитории выпорхнула девушка с бледным испуганным лицом, плотно прикрыв за собой дверь. Олег укоризненно посмотрел ей вслед, вздохнул и, откинув голову назад на прохладную гладкую поверхность стены, закрыл глаза. Он любил в тягостные и долгие часы ожидания сидеть вот так с плотно закрытыми глазами и всматриваться в темноту, изредка двигая глазами из стороны в сторону, отчего в бесконечном мраке вспыхивали расплывчато, но ярко, словно первые звёзды на темнеющем небосводе, розовые огоньки. Создавалось впечатление, что ты умер, но глаза твои, уже бестелесные, улавливающие теперь всё до мельчайших подробностей, ведут измученную душу к чему-то загадочному и несбывшемуся, отчего ей становится легко и радостно, и не хотелось возвращаться, открывать глаза, чтобы прервать этот бесконечный, сказочный полёт...

Безжалостно грубо и шумно в его затянувшийся полёт ворвался стук двери, и Олег нехотя раздвинул слипшиеся веки. Девушки одна за другой, со вздохами облегчения и редкими улыбками, выходили в коридор. Олег ощутил, что совершенно не чувствует своих ног. Он попытался пошевелить ими, но конечности отказались выполнять его желание. Тогда он руками

раздвинул их в стороны и почти тут же почувствовал движение крови по венам, прилив жара, словно их обдали кипятком, и тупую, медленно нарастающую боль. Олег стиснул зубы, чтобы не застонать, и замер, терпеливо ожидая конца пытки.

К нему подошла Наташа.

Олег поднял голову.

- Подожди, я сейчас оживу, - проговорил он сквозь зубы, сильно нажав ладонями на колени.

Видя, что Олегу немного не по себе от долгого сидения, Наташа, не дожидаясь расспросов, заговорила сама:

- Вроде бы написала. Темы, конечно, не самые лёгкие, но и – и – и...

Она замолчала, не находя подходящего выражения, нервно поправила и так аккуратно уложенные волосы на голове и продолжила:

- Вообще, я думаю, что написала неплохо.

Ноги Олега наконец-то вернулись во власть его мозга, и он медленно встал, заглядывая в открытую настежь дверь аудитории. Олеси за столом не было.

«Неужели ушла?» - тут же молнией пронеслось в голове, и холодок прогулялся по телу.

- А как остальные? – спросил Олег, прерывая затянувшееся молчание.

- Не знаю, - безразлично ответила Наташа, - ещё не все вышли.

- И кто же выйдет последней, - не то спросил, не то просто сказал, чтобы хоть что-то сказать, Олег.

Последней вышла Олеся. Олег обрадовался, что не проспал её, и хотел было улыбнуться, но, увидев бледное лицо и уставшие, потухшие глаза, сдержался.

Олеся медленно вышла из аудитории и вполборота остановилась возле них.

- Тяжко? – спросил он, понимая, что ей сейчас от усталости просто не хочется говорить.

Олеся кивнула.

- Тогда давайте немедленно покинем эту камеру пыток, - попытался поднять настроение Олег.

В глазах Олеси, внимательно взглянувшей на него, блеснули было радостные искорки, но тут же безвозвратно погасли, не в силах побороть усталость.

На улицу вышли молча и двинулись к остановке, стараясь держаться в тени развесистых, измученных жарой берёз. Ручьи народа текли во все стороны, сталкиваясь, гневно растекаясь и снова набегая друг на дружку. Напрасно пытался Олег держаться ближе к Олесе. Пышущая жаром безмолвная человеческая масса безжалостно оттесняла его, но он не злился и не отставал, сопротивляясь более мощному встречному течению. Когда пробрались-таки к остановке, Наташа вдруг сказала восхищённо:

- А знаете что!.. Нужно нарушить традицию насчёт одежды, в которой везёт на экзаменах и срочно купить на последний экзамен что-нибудь новенькое. Едем на рынок.

Олег ненавидел рынки за постоянную толчею и возню у прилавков, но сейчас появилась возможность подольше не расставаться с Олесей, и он ухватился за эту неожиданную Наташину идею как за спасательный круг.

- Поедем, Олеся, - робко предложил он.

- Я придерживаюсь старых правил, - после небольшой паузы ответила Олеся.

- Ещё что-нибудь себе присмотришь, - умоляюще предложил Олег и тут же возненавидел себя за свою настойчивость.

- У меня всё есть, - так же тихо добавила Олеся. – Я очень устала, извините. Мой троллейбус подходит, я поеду.

Она подняла на Олега ставшие ещё более печальными глаза и коротко помахала рукой. У Олега внутри что-то оборвалось.

Олеся уехала, и теперь идея поехать на рынок за какими-то новыми тряпками стала ему просто противна, но он дал своё согласие при Олеся и теперь не мог отказаться. Он хотел было предложить Наташе отложить эту никчёмную утомительную поездку, но удержался, в сердцах махнул рукой и пошел вслед за ней в другой, подошедший следом троллейбус.

VI

Следующие два дня перед последним третьим экзаменом Олег отходил от поездки с Наташей на рынок. Чего только она там не перемерила! Трижды они обошли и пересмотрели все прилавки. Продавцы уже их приметили и стали искоса подозрительно поглядывать, опасаясь, что под видом привередливых, интеллигентных покупателей скрываются обычные уличные воришки, которые высматривают, что бы стащить, что плохо, без присмотра лежит. И когда, наконец, Наташа купила малиновый костюм, прежде в течение получаса со всех сторон его осмотрев и ощупав, он вздохнул с облегчением, как, наверное, и торговцы, заподозрившие было неладное.

На последний, решающий экзамен она, как того и хотела, в нарушение всех правил и традиций, пришла в обновке. Костюм на ней, к слову сказать, сидел просто великолепно, подчёркивая со всех сторон её миниатюрную худощавую фигуру. Девушки, от которых редко ускользает малейшая новизна туалета, тут же принялись ощупывать и расхваливать обновку, что привело Наташу в ещё больший восторг. Олег был

грубовато вытеснен к окну собравшимися на обсуждение девушками и даже почувствовал себя здесь лишним. Он немного смутился, но не только оттого, что про него забыли, а ещё и оттого, что Олеси среди девушек не было. Он опёрся на подоконник и посмотрел в окно. Несколько дней подряд солнце палило нещадно, словно где-то там, наверху, неожиданно сломался термометр и невозможно было теперь установить более терпимую температуру. Сквозь радужные разводы стекла Олег видел, как скручивается в спираль не вовремя умерщвлённая, посеревшая трава. Горстка ромашек прямо под окном опустила свои крупные цветки к земле, преклоняясь перед величием и несокрушимой силой светила, на которое они немного похожи, и стараясь хоть ненадолго сохранить белизну тоненьких нежных лепестков. Ветра совершенно не было, и клёны ни одним выцветающим листиком не подавали признаков жизни, и казалось, что трава, цветы, деревья и бледная голубизна высокого неба были нарисованы на стекле одним единственным мазком невидимого, но очень талантливого художника, для которого нет в мире ничего невозможного, как и нет ничего тайного.

Девушки на мгновение примолкли, и Олег повернулся к ним. Они уже перестали обсуждать Наташин костюм и теперь внимательно изучали какие-то листы бумаги. На лице Наташи не было теперь той первоначальной бледности и растерянности, которая вначале немного пугала его, и он побаивался, что Наташа не так скоро, как хотелось бы, привыкнет к суете и напряжёнке студенческой жизни. Но этого, к счастью, не произошло, а то, что она поступит, Олег не сомневался, только бы нервишки не подкачали.

Только теперь, неожиданно для себя, он заметил, что рядом с Наташей, спиной к нему, стоит Олеся. Его как токомшибануло, он мгновенно оказался рядом.

- Последний бой, он трудный самый, - пропел Олег, выделяя каждое слово.

Олеся повернулась к нему и негромко поздоровалась. Она мило улыбнулась, и глаза её засияли так же, как они светились при их знакомстве: неподкупной радостью общения. И у Олега на душе стало тепло и радостно, и он готов был стоять вот так рядом и смотреть в эти удивительные глаза хоть целую вечность, только бы никакие горести и печали не отобрали у них неземного их сияния.

Олеся слегка покраснела от такого пристального взгляда и опустила глаза к листам бумаги в руках, завиток волос дрогнул и сдвинулся к переносице.

Олег придвинулся ближе, вдохнул свежий ландышевый аромат, закрыв глаза от наслаждения, а потом спросил:

- Это что за научные труды?

- Вопросы к экзамену по истории, - ответила Олеся, отведя непослушный завиток волос в сторону.

- И чего там пишут? – стараясь быть как можно более равнодушным, спросил Олег, придвигаясь вплотную к ней.

- Смотри, - ответила Олеся и протянула ему уже слегка помятые листы с вопросами.

Историю Олег любил больше всех предметов и довольно неплохо знал (поэтому, наверное, и любил), и он стал припоминать, читая бегло строчки, даты и соответствующие им события, стараясь вкратце их пересказать.

- Откуда ты всё это знаешь? – перебила его Олеся.

- Ну я ж ещё не совсем старый и извилины кое-какие сохранились, - отшутился Олег.

Олеся звонко засмеялась, забыв, что совсем рядом за дверью идёт экзамен, но тут же спохватилась и виновато прикрыла рот ладонью.

Из аудитории выплыла напыженная, со сдвинутыми на краешек носа очками Вика. Волосы её из чёрных превратились в рыже-алые: то ли краска подвела, то ли она невнимательно прочитала инструкцию. Девушки тут же ринулись к ней узнать результат.

- Моя очередь, - сказала Олеся и вздохнула.

- Всё будет хорошо, - попытался успокоить её Олег.

Она благодарно взглянула на него и бесшумно скрылась за дверь.

Как бы он хотел сейчас войти вместе с нею, сесть рядом и крепко держать её за руку, чтобы она чувствовала и знала, что и за неё кто-то волнуется и переживает. Но это было, к сожалению, невозможно. Жизнь зачастую сводит нас нос к носу с судьбой, и никто не знает, какой стороной эта самая судьба к тебе повернётся.

Олег нервно засунул руки в карманы и отошёл в сторону. Наташа ещё не вышла из аудитории, и он не хотел, чтобы она видела его таким взволнованным. Он опёрся было ладонями на освещённый солнцем подоконник, с видимыми теперь самыми мелкими трещинками, но тут же отдёргнул их: так раскалён он был солнцем...

Минут через пятнадцать выпорхнула из дверей сияющая Наташа, и только дурак не догадался бы, что у неё всё хорошо.

Она пробилась к Олегу сквозь кольцо плотно обступивших её девушек и громко воскликнула:

- Всё, конец моим страданиям!

- Мо-ло-дец! – пропел он и обнял её. – Не хочу тебя огорчать, - задумчиво продолжил он, - но это далеко не конец твоим страданиям и разочарованиям, это только начало.

- Ну, это будет потом, – фыркнула Наташа, сморщив нос, - а сейчас я наконец-то могу расслабиться.

- Кто там за тобой сел? – как бы невзначай поинтересовался Олег.

- Кажется Олесюка. А ты никак переживаешь? – ехидно проговорила Наташа и толкнула его в бок.

- Просто поинтересовался, уж и спросить нельзя! – попытался возмутиться Олег.

- Да ладно, не оправдывайся, - успокоила его Наташа и стала складывать в сумочку все свои бумаги.

- Надо экзаменационный лист в приёмную комиссию сдать, - вдруг вспомнила она, - сходишь со мной?

- Нет уж, - добродушно сказал Олег и кивнул головой, - ты теперь без пяти минут студентка, привыкай сама.

- Ладно, буду привыкать, - согласилась Наташа, - жди меня здесь.

Она подпрыгнула на месте, взмахнула руками и почти побежала по коридору, звонко цокая каблукочками.

Скоро из аудитории вышла и Олеся. Она отыскала глазами Олега и виновато улыбнулась. Он подошёл ближе. Девушки уже терзали её экзаменационный листок.

- Ну как же, - возмущалась больше всех Вика, которой и самой фортуна не улыбнулась, - «тройку» вклеили! – Ты такая красивая, а они тебе «тройку»!..

Олесе стало неудобно от её слов, и она опустила голову.

- Не всё, к сожалению, в нашем мире решает красота, - вмешался Олег, взял Олесю за руку и отвёл в сторону.

Она послушно пошла за ним.

- Что мне теперь делать? – почти прошептала Олеся.

Олег прочёл в её широко распахнутых глазах мучительную безысходность. Ей хотелось заплакать, но она мужественно держалась. Он готов был успокоить её, спрятав в своих крепких объятиях, чтобы она поскорее забыла об этих проклятых экзаменах. Но кругом были люди, и он еле сдерживал

себя. Да и как бы сама Олеся восприняла его неожиданный душевный порыв. Он лихорадочно думал, что ей ответить, что предпринять, чтобы успокоить её, хотя и понимал, что сделать это практически невозможно. А тут ещё внезапно нахлынувшее чувство сострадания мешало мыслям войти в нужное русло.

- Знаешь что, - наконец нашёлся он, - давай я узнаю всё в приёмной комиссии, ты отдохнёшь, а потом мы с тобой встретимся – он мельком взглянул на часы – часа в два у центрального входа. Сможешь?

Олеся кивнула.

- И на пляж можем съездить. Ты только не расстраивайся.

Она попыталась улыбнуться, но от этого выражение лица её стало ещё печальнее.

- Тебя проводить?

- Нет, спасибо, Олег, не надо. Ты Наташу дождись, ты ведь с ней пришёл, а я не потеряюсь.

Она нехотя повесила сумочку на плечо и, не оглядываясь, медленно пошла к выходу.

VII

Время тянулось невыносимо медленно, испытывая терпеливость Олега. Ещё не было и двенадцати, а он уже сидел на скамейке перед центральным входом в институт, спрятанный от жары огромным молчаливым клёном. Крутил головой из стороны в сторону, слушал разогретый недвижимый воздух и размышлял, что он скажет Олесе, ведь в приёмной комиссии ему ничего конкретного не сказали, но однако же и не отбрили коротким, лаконичным «нет».

Беспокойство в нём нарастало: он резко вставал со скамейки, ходил, то засовывая руки в карманы, то, как приговорённый к вечным мукам арестант, складывая их за спиной; на часы старался не смотреть, но рука, опережая его желание, руководимая теперь неподвластным ему подсознанием, то и дело подносила циферблат часов к глазам, и он впивался в него, силясь ускорить ход замерших на одном месте стрелок; отрываясь от часов, нервно запрокидывал голову назад, вглядываясь до рези в глазах в бездонную голубизну неба, у которого была одна забота: вовремя сменять день ночью да томить впечатлительные души пиитов, изматывающих себя вечным поиском решения неразрешимого.

Внезапно возникшее на небосводе лёгкое облачко прикрыло солнце, и оно резко очертило свой правильный контур. Сила света уменьшилась, и на землю опустилась серая тень.

Олег снова тяжело опустился на скамейку и замер. Стайка воробьёв шумно опустилась прямо перед ним и деловито стала выбирать из толстого слоя пыли драгоценные крошки хлеба. «Жить для того, чтобы жить», - подумал Олег и резко забросил ногу за ногу. Воробьи мгновенно метнулись в сторону, сели поодаль и снова принялись решать свою единственную проблему выживания...

Без пятнадцати два он уже стоял на тротуаре, внимательно вглядываясь в равнодушные лица прохожих, быстрым движением смахивал стекающий на глаза пот, перекидывал в другую руку пакет с полотенцем и снова терпеливо ждал.

Так он простоял на одном месте до половины третьего: Олеси всё не было. Тогда он стал придумывать ей оправдание за опоздание, додумавшись только до как назло сломавшегося троллейбуса и характерной извечной черты большинства

женщин – не приходит вовремя. Но когда время приблизилось, наконец, к трём часам, в голове у него стали появляться совсем иные мысли. Всем своим существом он противился им, но действительность была неумолима. От мысли, что она не придёт вообще, ему стало на мгновение холодно. А потом он почувствовал себя окончательно брошенной на улице собакой. Это уже было выше его сил, хотя в глубине души он знал, что она не придёт. Как же он стал противен и ненавистен сам себе, что поддался её чарам и стоит теперь как деревянный истукан на перекрёстке дорог, одинаково ведущих в пропасть. Он до боли сжал кулаки, чтобы сдержать рвущуюся наружу нечеловеческую злость, но злость только на самого себя, безумно понадеявшегося на неожиданное счастье. «Я ей был нужен только тогда, когда она сдавала экзамены, а теперь... теперь она поняла, что её надежды на будущую учёбу не оправдались, и она просто-напросто... не пришла», - не только подумал, но и почувствовал каждой клеточкой своего тела Олег, и окружающий мир померк в его глазах.

Он машинально взглянул на часы: двадцать одна минута четвёртого, повернулся в пол-оборота, замер на мгновение и медленно поплёлся через аллею к дороге. Краем глаза он уловил непонятное движение на тротуаре, снова бессознательно остановился и повернул голову. Расталкивая прохожих, ему навстречу не бежала, а почти летела Олеся. Он тряхнул головой, не веря своим глазам, но это была действительно она. Чуть не наткнувшись на Олега, она, взмокшая, с пылающим лицом, резко остановилась и, часто, глубоко дыша, затараторила:

- Троллейбус сломался, пробка, два километра шла пешком.

Олеся смахнула со лба мокрые волосы, шумно выдохнула воздух и продолжила:

- Я ключи оставила в квартире и захлопнула дверь, а хозяин с дачи приедет только завтра.

- Я думал, что ты не придёшь, - выдавил из себя Олег.

- Нет, пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому, - твёрдо сказала Олеся, поправляя сумочку на плече.

Никогда ещё Олегу не доводилось слышать таких слов. И не встречал он до сих пор человека, который бы о других, совершенно чужих людях, заботился больше, чем о себе самом. Такого просто не могло быть. «Хозяин приедет только завтра», - напомнило ему ожившее сознание последние слова Олеси, и он сказал:

- На улице ты не останешься. Подожди пять минут, а я сейчас решу эту проблему.

Он опрометью помчался к размещавшемуся в институтском общежитии профилакторию, в котором жили его однокурсницы. «Пусть лучше мне будет хуже», - молнией мелькало в голове.

Обратно он нёсся так же ошалело, совершенно не глядя под ноги.

«Пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому»...

VIII

Привокзальная площадь гудела как пчелиный улей. Приходили и уходили поезда, протяжным львиным рыком оглашая очередную пяти – десятиминутную остановку, для приема раскрытыми чёрными пастями купе новой потной массы тел, покидающих без сожаления на целый месяц, на время отпуска, пыльный загазованный город, чтобы потом, по приезде, со спокойным лицом, стиснув зубы, терпеть давку и беспардонные тычки по самым чувствительным местам более

нервных невольных соседей, обзолённых селедочной наполненностью салона автобуса или троллейбуса; милостиво переносить придирки и меркантильные замечания начальника; глотать невкусные, но дорогие лекарства, сетуя на магнитные бури и повсеместную загаженность окружающей среды.

Но теперь, когда легкие уже почти ощущали упоительную морскую свежесть, никто из счастливых не обращал внимания на нестерпимую нагретость воздуха, и потому взмокшие, пестрые, широкие и узкие спины быстро исчезали в темноте тамбура, словно боялись внезапного отхода поезда или сумочно-чемоданного затора.

С шумной привокзальной площади, с трудом пробившись сквозь толпу провожающих, отъезжающих, из-за тяжести и объёмности поклажи не имеющих возможности варьировать движение и потому прущих напролом, они, держась за руки, по гулким железным ступеням взобрались на мост. Впереди, над бледно-зеленой листвой тополей и дубов, витая невесомым голубым пятном с серебристыми блестками волн, словно огромное облако, опустившееся на верхушки высоченных от постоянного избытка влаги великанов-деревьев, виднелся пляж.

Наверху ветер был чуть прохладнее и сильнее. Олеся одной рукой придерживала набегающие на лицо волосы, а другой крепко сжимала руку Олега.

Внизу грохотал локомотив, загоня сцепку вагонов в тупик. Пахло смолой, углем и ржавчиной. Отутюженные многотонными колесами рельсы отражали прямой солнечный свет, ослепительно сияя бесконечными серебряными жилами.

Через несколько минут они спустились с другой стороны моста у длинного кирпичного забора и ступили на узкую, с редкими травинками в трещинах асфальта тропинку, ведущую на пляж. Посыпанная крупным речным песком, местами

чернеющая пятнами густого мазута, тропинка оказалась в тени, скрытая от солнечного пекла высоким забором. Захотелось замедлить шаги, чтобы отхлынула от разморенного тела сонная усталость. Густые оскари, свесившись через забор, как через перила, старались дотянуться до её головы, заглянуть в лицо бесконечным множеством зеленых глаз и коснуться её кожи. Где-то сзади уже тише заголосил тарабарщиной репродуктор над дверью вокзала, потянулся вслед уходящему поезду звонким эхом, и стало слышнее шуршание острых песчинок под туфлями.

Две тени, широкоплечая, чуть сутуловатая, и безупречно стройная легли на широкую асфальтированную дорожку, постоянно сокрытую шатром листвы; скользнул мимо свежий ветерок с пляжа, и потревоженные листочки дружно захлопали в ладоши, удивляясь, наверное, природной несовместимости вливших под шатер теней.

Впереди замаячил маленький, похожий на избушку на курьих ножках, домик лодочной станции с красным спасательным кругом на дощатой крыше. Стали слышны глухие шлепки по волейбольному мячу, залиvistый смех детей и громкое буханье о воду погрузивших за долгое зимнее сидение тел.

Тень листвы неожиданно кончилась, и остывшие тела сразу же обожгло кипятком воздуха.

Они шли молча. Мысли Олега витали неизвестно в каком измерении, и ему думалось, что такая необычная, сказочная девушка родилась явно раньше предназначенного ей времени. Он по-прежнему крепко держал её за руку, как маленького ребенка, чтобы она, не дай Бог, не потерялась среди сверлящих жадных взглядов и слюнявых ртов; он пытался оградить её от жестокого, привыкшего только брать мира; но это была жизнь, частицей которой являлась и она.

Олег купил у плотной разомлевшей лоточницы, читавшей до того тоненькую книжицу и ею же разгонявшей обступивший её со всех сторон раскаленный воздух, большую бутылку лимонада, ласкающую приятной прохладой горячие ладони, и четыре аппетитные сосиски в булочках, прекрасно зная, что после принятия водных процедур желудок обязательно попросит подкрепления.

Олег повернулся к Олесе от безразличного лица продавщицы.

- Я быстренько, - кивнула она в сторону прямоугольного лабиринта раздевалки.

Олег подошел ближе к воде, расстелил махровое полотенце и положил на него покупки. Место было не самое лучшее: берег резко обрывался в воду, и песка на пограничной полосе было мало, но зато кругом была целая поляна свежей, непрямой травы. Олег разделся, облегченно опустил на траву и почувствовал живительную свежесть напоенной речной влагой, примятой его телом травы. Он поджал под себя ноги, примятые травинки вздрогнули и стали медленно выпрямляться.

Недалеко от берега на лодке проплывал пожилой мужчина с впалой, густо заросшей седыми волосами грудью, усердно налегая на весла, и Олег почти почувствовал напряженность сухих жилистых мускулов. Сам он грести не умел, и ему никак не представлялось возможности хотя бы попробовать сесть за весла. Он представлял, как овальные деревянные лопатки плавно скрываются в чуть желтоватой и от света и от поднятого со дна ила воде, как отброшенные волны, всхлипывая, тупыми мордочками тыкаются в берег. И вода уступает силе настойчивых мышц, растекаясь с обоих бортов лодки закрученными струями вздыбленных волн...

- Вот и я! – раздался восторженный голос за спиной.

Олег нетерпеливо обернулся. Открытое, еще более стройное, чем казалось, сокрытое под совершенно ненужной оболочкой платья, скрывающей истинную естественную красоту, тело, заставило невольно широко распахнуться глаза; губы захотели вытянуться в трубочку, чтобы восхищенно воскликнуть «о – о – о!», а руки – схватить это чудо природы, забыв обо всем на свете, только кружиться и кружиться единым целым с бесценным подарком милостивого, любящего Бога, напоминающего, что счастье не может и не должно быть одиноким.

Олеся лукаво склонила голову набок, отчего пышные распущенные волосы мягко стеклись на одном плече и превратились в сплошной каштановый водопад.

Олег неотрывно смотрел на её чуть тронутое первым загаром тело, стараясь высмотреть еще какую-то не замеченную ранее деталь. Олеся же рассеянно, немного задумчиво, смотрела мимо него.

- Наверное им хорошо, - сказала она с легким вздохом.

Олег тотчас остро почувствовал, что это хорошее, присутствующее где-то совсем рядом, никогда не сможет совершиться с ним. Что ее такая неожиданная близость и затаенный блеск в глазах, взволновавшие его душу как никогда раньше, теперь приобрели обычный вид заинтересованной женщины. Он невольно повернулся к предмету ее интереса. Метрах в трех на огромном светло-коричневом покрывале сидели парень с девушкой, судя по золотым кольцам на безымянных пальцах и бурному поведению – молодожены. Как дети, они слегка толкали друг друга в бок, заглядывая при этом в искрящиеся неопишуемой радостью глаза, потом, взявшись за руки, делали минутную передышку, любясь то чистым безоблачным небом, то искристым отражением солнечных лучей в теплых барашках волн. Окружающие люди их абсолютно не

волновали. Они всецело были поглощены радостным чувством безграничной любви, разделенной поровну в ликующих до приятного волнения сердцах.

Олегу показалось, что и Олеся по-доброму завидует их счастью, отыскивая в глубине своей наполненной до краев нерастраченной любовью души подобные минуты обоюдного счастья.

- Окунемся? – робко предложил Олег.

Не сводя внимательного, изучающего взгляда со счастливой пары, Олеся, ничего не ответив на его предложение, подошла и присела рядом с ним. Эта волнительная близость жгла его сильнее солнца, отчего он шумно дышал, бессознательно перекладывая руки с одного места на другое. Минута молчания растянулась в вечность.

Олеся вдруг резко повернулась к нему, заговорщически прищурила глаза и, не говоря ни слова, потащила его в воду. Олег и не думал сопротивляться. Они одновременно плюхнулись в воду, скрывшись в брызгах. От резкого перепада температур на несколько мгновений перехватило дыхание, мурашки лавиной рассыпались по телу, жар отхлынул, уступая мощному натиску воды, и остался над поверхностью, прогревая намокшие волосы.

Олег смахнул мешавшие смотреть капли воды с глаз и взглянул на Олесю. Она по плечи скрылась в качающейся воде, на шее, поигрывая солнечными лучами, висели, как намагниченные, крупные капли воды. Волосы веером рассыпались вокруг тела, и она, как цветущая кувшинка, стояла с запрокинутой назад головой и смотрела в бездонное голубое небо.

- Поплаваем? – предложил Олег. – Я так давно не плавал.

- Ты поплавай, а я пойду позагораю, - ответила Олеся, моргнув ему обеими глазами.

Олег оттолкнулся и поплыл прочь от берега, сильно загребая руками, отчего вода вздыбливалась перед его лицом и норовила затечь в нос. Когда напряженные мышцы стали ныть от усталости, он остановился, положил руки на воду и обернулся. Олеся сидела на берегу и смотрела в его сторону. Забыв об усталости, он быстро поплыл назад, изредка поднимая голову над водой, пытаясь разглядеть берег сквозь стекающие с мокрой головы тонкие струйки воды.

Пошатываясь от усталости, но чрезвычайно довольный, с освежённым водой телом, он подошёл к Олеся и плюхнулся рядом на полотенце. Олеся ойкнула от попавших на её разогретое тело прохладных водяных капель и вскочила.

- Хорошо, - бодро сказал Олег, - а значит – не грех и подкрепиться!

Он протянул Олеся сосиску, толкнул её, как стаканом, своей, отчего Олеся залиvisto рассмеялась, и стал с жадностью её уплетать. Сделав то же самое со второй, он вытер ладонью губы и произнёс многозначительно:

- Эх, жить хорошо!

Олеся смотрела на воду, но поняла его восклицание и улыбнулась.

Олег лёг на живот, подставляя жаркому солнцу совершенно белую спину, скрестил руки и опустил на них подбородок.

- А хочешь, я тебе массаж сделаю? – предложила вдруг Олеся.

- Ещё как хочу! – встрепенулся Олег, вытягивая руки по швам.

Олеся стряхнула оставшуюся влагу с волос, собрала их в пучок и, чего Олег никак не ожидал, стала ими медленно водить по его спине. О таком массаже он и не слыхивал. Но так хорошо ему стало от мягкого, прохладного, нежного прикосновения её

волос, что ему стало казаться, что тело его расплывается вслед за её плавными движениями, всецело растворяясь в её волосах и навечно соединяясь с нею...

IX

Время пролетело незаметно. Жестокое время не уступает, когда для полного наслаждения не хватает всего одной только минуты, одного долгожданного мгновения, когда глаза смотрят в глаза, но сознание мешает безрассудно наслаждаться отведенными минутами душевной благодати.

По земле широкой полосой, всё больше захватывая побережье пляжа, поползла вечерняя тень. Ярко красное солнце уже коснулось горизонта и часто мерцало, проглядывая сквозь кроны деревьев. А гладь реки превратилась в огромное прямое безжизненное зеркало, отражая всё до мельчайшей травинки, и опустевшее без солнца небо. От травы повеяло вечерней прохладой, и захотелось закрыть глаза и забыться. Откуда-то из вершин прибрежных дубов соскользнул к земле легкий ветерок, листья тут же стали шептаться, пока он не удрал на противоположный берег, отметив путь свой зыбкой дрожью на воде.

Последняя лодка причалила к берегу, глухо ткнувшись острым носом в гладкие доски причала, около которого слегка раскачивались на волнах и скрипуче терлись боками четыре разноцветных кораблика...

Перестали грохотать поезда, не так сильно, как днем, тревожил обоняние разлитый мазут, и люди медленно, нехотя, молчаливо тянулись через мост редкой вереницей. Зато на троллейбусной остановке было не протолкнуться. Показался из-за деревьев троллейбус, и людская толпа так сильно

уплотнилась, что выбраться из неё теперь не было никакой возможности. Олег старался держаться рядом с Олесей, прикрывая её от безжалостных тычков в спину, но уже в салоне неизвестно откуда между ними возникла, пыхтя и охая, низкая, но крупная, как колобок, старушка. Находящиеся на улице, но не желающие оставаться и ждать прихода следующего троллейбуса напирали. Олег мертвой хваткой вцепился в сиденье, чтобы не задавить приютившегося сбоку шести-семилетнего мальчонку в белой с длинным, закрывающим лицо козырьком кепке. В сиденье что-то хрустнуло, но оно не сломалось. Двери наконец медленно, со скрипом захлопнулись. Все почти одновременно с облегчением вздохнули, и в салоне сразу же стало душно. Троллейбус глухо заурчал, качнулся и стал набирать скорость. Никто в салоне не разговаривал, не желая, видимо, понапрасну выплескивать полученный на пляже заряд энергии, предпочитая вместо пустой болтовни просто спокойно стоять, погрузившись в добрые воспоминания или в безрадостные думы о предстоящем рабочем дне и нескончаемых житейских проблемах и заботах.

Олег повернул голову к Олесе. Она спокойно смотрела в окно на сгушавшиеся сумерки, на опустевшие улицы и на замершие, уснувшие на всю ночь деревья. Троллейбус иногда останавливался, но только для того, чтобы обозначить остановку, потому что никто больше не садился, а все отдохнувшие и оставившие невзгоды и печали трудового дня в живительной прохладе воды, ехали до центра города. Олеса не поворачивала головы, и Олегу не хотелось ее тревожить, ведь и у нее могли быть свои девичьи заботы, мечты, желания, вторгаться в которые без разрешения никто не имеет права. Но он и не собирался вторгаться в ее личную жизнь, ему хотелось только взять в свою мужскую руку ее теплую ладонь и никогда больше не выпускать. Он тихо, но глубоко вздохнул и тоже стал

смотреть в окно на проплывающий мимо, успокаивающийся город.

Олег от долгого неподвижного стояния и безразличного глядения в окно погрузился в сладкую дремоту, когда почувствовал, как что-то теплое опустилось на его похолодевшую от металлического хромированного поручня сиденья руку. Он вздрогнул и резко повернул голову. Прямо в его немного испуганные глаза внимательно смотрели добрые, спокойные глаза Олеси. Это она, соскучившись без него, как хотелось думать Олегу, положила на его руку свою ладонь. Олеся моргнула ему обеими глазами и плотнее прижала ладонь. Олег тут же расплылся в улыбке и наверное рванулся бы к ней, но путь был наглухо перекрыт похрапывающей, убаюканной плавной ездой старушкой. Он нетерпеливо пошевелился, разминая затекшие ноги, готовый бесконечно долго ехать в этом душном, пыльном троллейбусе, только бы всегда чувствовать бесконечную энергию ее доброго сердца...

Держась за руки, не говоря ни слова, они стояли на остановке. Слов для разговора не находилось, да и зачем нужны были слова, если двум людям и так было хорошо просто стоять, держась за руки. Их не тревожили редкие, проезжавшие мимо машины, и в тишине теплого вечера не хотелось думать ни о расставании, уже привыкнув друг к другу, ни о чем другом, что могло бы неожиданным образом помешать им.

- Я пойду, - виновато, опустив глаза, сказала Олеся, - не провожай меня.

- Да, конечно, - грустно ответил Олег и нехотя отпустил ее руку.

Олеся отошла на несколько шагов назад, помахала ему рукой.

- Заходи, - крикнула она на прощание и побежала через аллею к светящемуся огнями профилакторию.

Х

Уже совсем стемнело, и притихшие улицы и тротуары осветились холодным неоновым светом фонарей – жирафов. Густо посаженные тополя и клены слились в сплошную черную гороподобную массу, и только их пики – верхушки, отчеркнутые от чуть мутноватого, искрящегося калейдоскопа звезд неба, были покрыты теперь молочными шапками лунного света.

Олег дважды прошелся вдоль аллеи институтского профилактория. До самой крыши все этажи общежития были залиты светом. Из окон слышались смех и иностранная бубнящая музыка, в которую, в паузах, вплеталась слезливая русская «попса». И там, среди всей этой мешанины звуков, скрывалась теперь Она.

Олег завернул за угол, отыскал окно на втором этаже, где Олесю приютили его однокурсницы. Свет в нем не горел. «Неужели уже спят?» - Олег взволнованно посмотрел по сторонам и вернул взгляд на черный квадрат окна. Он понимал, что давно уже пора отправляться спать, но никак не мог сдвинуться с места: она ведь сказала «заходи»...

Смутная тревога мешала ему принять наконец правильное решение, и вообще какое-либо решение, отчего он ещё больше разволновался; засунул руки в карманы, не сдвинувшись с места, всё сильнее вдавливая ребристые подошвы туфель в асфальт, отчего ступни стали теплеть и по ним побежали колкие мурашки. «А почему бы не зайти?» - подумал Олег.

Время шло, и мозг лихорадочно искал выход из затруднительного положения, чтобы не наградить нерешительного хозяина головной болью на всю ночь. «Пройти мимо вахтерши вряд ли удастся, но это если пойти одному. А

если к нему выйдет кто-нибудь, кто здесь живет и имеет соответствующий пропуск,.. остальное – дело техники».

Олег отыскал у тротуара несколько осколков щебня, подошел ближе к стене и метнул каменную дробь в окно. Стекло дзинькнуло отрывистой трелью, камешки один за другим зашуршали в траве у ног. Окно по-прежнему безмолствовало. Олег повторил попытку привлечь к себе внимание. Снова в окне никто не появился. Видимо, еле слышное царапанье камешков по стеклу не могло прорваться сквозь ревущую музыкальную какофонию. Тогда Олег набрал побольше воздуха в легкие и крикнул.

Рядом на улице никого не было, а если бы и были, то вряд ли обратили внимание или даже испугались его призывного протяжного крика, приняв сей бессмысленный громкий звук за победный клич восхищенного музыкального фаната.

Олег хотел уже подыскать камешки потяжелее, но тут окно закрипело и через узкий подоконник свесилась взъерошенная худенькая фигурка Ольги.

- Олежка, ты?

- А кто же еще! – обрадованно воскликнул Олег. – Вы что, дрыхните уже?

- Придумашь тоже. У соседей анекдоты травим. Я за кофе забежала, потому тебя и услышала. Заходи к нам, у нас весело!

- Я и собираюсь, - согласился Олег, - только если вы мне поможете.

- Старуха сидит?

- Ещё как сидит, - вздохнул озадаченно Олег.

- Ладно! – решительно заявила Ольга. – Бери шоколадку и жди нас у входа.

Её невесомые плечики вместе с кудрявой головой мгновенно растворились во мраке комнаты.

Ларек – сваренный из железных листов ящик – располагался прямо через дорогу, и Олегу не пришлось далеко ходить. Как только он своими широкими плечами закрыл свет фонаря, пластиковое оконце тотчас распахнулось ароматом жевательно-шоколадной снеди.

- Две шоколадки.

Олег подал в окошко деньги.

- Вам Россию, Питер или Германию? – поинтересовалось со знанием дела заискивающе-вежливое личико в белом высоком накрахмаленном чепчике.

- Любые, желательно только с орешками.

Улыбчивая продавщица пошуршала на полке, и тоненькая ручка с длинными музыкальными пальцами и крупным овальным опалом на указательном пальце протянула покупку, и Олег услышал негромкое: «Приятного аппетита». Олег поблагодарил, подумав: «Вежливо и приятно».

Волнение улетучилось, он присвистнул и зашагал своими обычными метровыми шагами, коих не выдерживал ни один его попутчик, к обитой паркетными дощечками двери с квадратным мутным оконцем посередине.

У двери его уже ожидали шупленькая Ольга и пышнотелая Лена.

- Как пойдем? – тоненьким голоском поинтересовалась Ольга.

- Я дума – ю,.. – протянул Олег, - что посередине, за вашими ширю – кими спинами... меня не так будет заметно.

- Да уж! – мотнула головой Лена и заключила: «Пошли!»

Тыл прикрывала, понятное дело, она.

Вахтерша сидела метрах в пяти от входной двери и что-то читала; как только поверх очков узрела необычно тихо шествующую компанию, тут же рывкнула:

- Куды!

Олег аккуратно обошел миниатюрную Ольгу и, хватаясь за шаткие перила, прыгая через две ступеньки, влетел на второй этаж, на цыпочках одолел длинный, с единственной лампочкой в конце коридор, завернул за угол и оказался прямо перед знакомой дверью с номером «28».

... А внизу старушка мертвой хваткой вцепилась в Лену, которая и не пыталась удирать, повертела, проверяя на достоверность, в руках ее пропуск, и через пять минут девушки были уже в комнате...

Олег тихонько постучал в дверь, на случай, если не все еще готовы к его приходу, потом толкнул тоненькую фанерную дверь и, переведя сбившееся уходом от погони дыхание, выдохнул:

- Всем привет!

Чаепитие, после недавнего, по расписанию, сравнительно недорогого легкого диетического ужина, от количества калорий которого особенно не раздобреешь, было в полном разгаре. В самой середине исцарапанного, когда-то полированного стола блестел хромированным гляncем парящий чайник с розовыми чашками на круглом черном подносе, рядом лежало в разорванных пакетиках разномастное печенье, начатый блок сигарет «LM» и громоздились, сдвинутые на край, вперемешку с тетрадами, довольно увесистые учебники.

Кто-то уже пытался уснуть на одной из двух положенных в комнате кроватей, отвернувшись к стене, по-детски поджав ноги.

- Присоединяйся, предложила круглолицая дюймовочка – блондинка Света и зачем-то стыдливо запахнула на груди воротник длинного кремового халата.

- Благодарствую, полчашечки хлебну, - согласился Олег, усаживаясь на кровать рядом со Светой, и выложил на стол шоколадки

Предмета его вожаделенных мечтаний в комнате не было.

В комнату вошли, освободившиеся из цепких рук вахтерши Оля и Лена.

- Это ж мои любимые, с орешками! – хлопнула в ладоши Ольга, завидев зеленую обертку шоколадки на краю стола. – Спасибо, Олежик.

- Ну, я ж знаю, чего дамы желают! – иронически вскинул голову Олег и, кивнув в сторону Лены, добавил: «А заслуженным работникам тыла сладкое даже рекомендовано».

- Все-то ты знаешь, только заглядываешь редко, - укоризненно отпарировала Лена, отчего веснушки на её молочном лице стали заметнее, и вытащила из пачки сигарету.

- Я ж, аки пчела, - все в трудах да в трудах.

- Оно и заметно! – поддержала подругу Ольга.

- А куда это вы Олесю подевали, не замуровали ли? – как бы невзначай поинтересовался Олег.

- У меня она, в «32», - выпуская колечки дыма сложенными в трубочку губами, ответила за всех Лена. – По просьбе трудящихся могу уступить свое любимое место. Она заговорщески подмигнула Олегу и продолжила:

- Иди, иди, а то она уснет, а девичий сон ух! как сладок. Вскинула руки кверху, потянулась и с закрытыми глазами повалилась на кровать.

- Загляну на огонек, - пропел Олег, допил еще не остывший кофе и встал.

- Смотри, огонек там через раз загорается: выключатель баракхлит, - предупредила Лена.

- Главное, чтобы ручки не баракхлили, - хихикнула тоненько Света и отвернулась.

Олег воздел указательный палец к потолку и нарочито серьезно, как профессор на лекции, проговорил:

- Истину глаголит!..

За дверью было тихо. Олег приложил ухо к шероховатой грязно-белой поверхности и на секунду затаил дыхание: ни звука. «Спит», - мелькнула в голове единственная, объясняющая тишину за дверью мысль. Ему было жаль тревожить ее сон, но и просто так взять и уйти – он не мог: после стольких сомнений и переживаний, после партизанского прорыва на запрещенную территорию. Он постучал несколько раз по косяку костяшками пальцев; звук содрогнувшейся двери оказался сильнее, чем он ожидал. Через минуту дверь медленно открылась, и слабый свет коридора, ворвавшись в темную комнату, вычертил на полу неровный четырехугольник и осветил Олесю с прищуренными глазами. Она натянуто улыбнулась, приложив ладони к разомлевшим щекам, и Олег почувствовал себя самым последним идиотом на земле.

- Я тебя разбудил? – дрогнувшим голосом вымолвил он.

- Чуть-чуть, - не совсем проснувшимся детским голосом ответила она, поправляя волосы, и отступила в сторону, пропуская посетителя.

Олег разорвал полосу света на полу на две неровные части, нашарил сбоку выключатель и с силой надавил на клавишу. Дверь за спиной звонко цокнула. Язык у него приобрел свинцовую тяжесть, и он впервые в жизни не знал, с чего начать разговор и что сказать, хотя днем, на пляже, он совершенно освоился с ее близким присутствием, быть может оттого, что кругом были люди, занятые только мыслями о своевременном охлаждении разомлевших тел и количестве ультрафиолета, льющегося с ясного безоблачного неба. А сейчас была ночь: спокойная, тихая, лунная, когда мимолетные чувства и желания, не стесняемые дневной ограниченностью мира – домами, улицами, стенами квартиры, - могут перевоплотиться в невидимую, растворившуюся в маслянистой газовой саже ночи страсть, вырывающуюся сквозь телесную оболочку только

тогда, когда не будет видно её страха не осуществиться, остаться только болезненным чувством буйствующей плоти. И рядом, кроме очаровательной нимфы в купальнике и прежнего аромата свежести с легким придыханием речной влаги, никого и ничего не было.

Олег украдкой взглянул на нее и заметил по опущенным глазам и грациозной скованности движений, что и она взволнована его неожиданным визитом и даже немного напугана. Чтобы унять противную холодную дрожь, он засунул руки в карманы и подошел к окну. Молчание затянулось; он понимал, что должен что-то усилием воли выдавить из своего онемевшего горла, но даже внутренний голос подозрительно безмолвствовал.

Как последняя надежда на спасение сама собой погасла голая, без абажура, на спирали провода лампочка под потолком. Он услышал, как жалобно запищали пружины за его спиной. И он, так и не издав ни звука, быстро разделся, лег на свободную кровать и замер.

В комнате воцарилась гробовая тишина, и если бы где-то на бездверном шкафу или трехногом столе стояли часы, то их строгое размеренное тиканье наполнило бы пустой сумрак комнаты неизбежным течением времени, - но их не было, потому бесконечная темень комнаты поглотила до утра все угловатые и плавные изгибы редкой мебели в комнате, смазала выцветшие, частью оборванные обои на стенах с недосягаемым теперь потолком, окрасив все вокруг в непроглядный цвет бесконечности, границы которой определить может только неуловимая человеческая мысль.

Олег лежал с закрытыми глазами и не мог даже приблизительно определить, сколько времени продолжается это бессознательное лежание, утопая в пустых глазницах ночи: время остановилось.

Наконец он глубоко вздохнул, поднялся и сел в кровати. Снова глубоко вздохнул и отодвинул толстую тяжелую штору. Только теперь он словно очнулся от забытья и явственно услышал и ощутил всеми клеточками тела голос уснувшего города; возможно, это тишина давила на барабанные перепонки, вызывая слуховые галлюцинации и ощущение присутствия жизни вокруг, но как бы то ни было, Олег слышал слабое жужжание электрического фонаря на столбе у дома, чуть подрагивающий матовый свет которого сделал на негативе асфальта паукообразный отпечаток редких листьев клена; лапки – листья еле заметно шевелились, вплетая в бесцветную паутину ночи всплески отрывистого лепета, похожие на шлепанье босых ног ребенка по мокрому асфальту.

Из-за неизвестно откуда взявшегося на вороненом небе белесого облака выглянула еще ущербная луна, и сразу же перекрестье оконной рамы отделилось и медленно растянулось на байковом одеяле, высветив бархатные шахматные квадратики.

Осветилась стена соседнего дома, на которой крупной прямоугольной пуговицей выделилась еще работающая телефонная будка с выбитыми стеклами и незакрывающейся дверью.

Лунный свет серебрился на одеяле, изредка скатывался на край кровати ровной, слепящей глаза волной и снова замирал пушистым котенком на коленях. Олег взглянул на соседнюю кровать, где лежала Олеся. Он чувствовал, что она лежит к нему лицом. Но она утонула во всепожирающем мраке ночи, так что Олег, как ни вслушивался, не мог уловить даже ее легкого дыхания. И ему стало казаться, что рядом, на расстоянии вытянутой руки, осталась только бесформенная ее тень, а он сошел с ума, сидит и по-идиотски пялится в бессмысленные глаза ночи, все еще надеясь, что ему здесь рады.

Он хотел было встать, но не смог. Тело не повиновалось сознанию, которое не желало смириться с его безысходным чувством одиночества, неуместного присутствия в этой комнате, уже занятой ранее прекрасным живым существом, не издающим ни единого звука своего присутствия. Олег обозлился на себя, что притащился сюда, что поддался магнетическому её очарованию, не найдя сил сопротивляться внезапному, пусть и мимолетному вниманию к своей персоне. Может быть она тоже не спит? И теперь, слегка бледная и прекрасная, лежит рядом и наблюдает за его бессловесными, освещенными луной мучениями.

Олег взглянул в лицо луны, укоризненно смотрящей на него слепыми, всепроникающими глазами, невесомо плывущей и бодрствующей над спящим городом, бросая причудливые пятнашки света на грязные крыши домов, и твердо решил подняться и тихонько уйти. И в это мгновение уставшее от неподвижного сидения тело сделалось невесомым и поплыло навстречу бессовестной луне. Мрак исчез, и Олег увидел под собой пульсирующие голубые жилки рек, окаймленные изумрудной страной лесов, тянущихся с востока на запад к пустынной безбрежной шире океана. Среди спичечных коробок домов он различил муравьиные передвижения людей, кажущиеся совершенно беспорядочными сверху, искристые разноцветные, с радужными бликами огоньки светофоров на перекрестках дорог, и семафоров на крохотных железнодорожных лесенках. И где-то среди этой муравьино-черепашьей возни была сокрыта и его жизнь, бестолковая, но для какой-то цели задуманная Творцом. Где-то был его дом, где эта самая жизнь начала свое произвольное течение, и где она, вполне возможно, и оборвется в не известный никому час душевной печалью несбывшихся надежд и мечтаний. Останется только луна, неизменная и сонная, укоряя кого-то другого в

медлительности, бездействию и бесцельности молодой жизни, не желающей воспользоваться предоставленной возможностью испытать волнительные и упоительные минуты счастья...

- Почему ты не спишь? – вырвался из темноты робкий голос.

То, что она первая нарушила тягостное бесконечное молчание, тронуло сердце Олега, он пожал плечами и тихо ответил:

- Не знаю... Я не могу спать, когда ты рядом, не могу лежать здесь один.

Снова воцарилось молчание. Луне надоело наблюдать за этим бессмысленным разговором, и она унесла свой матовый фонарь в окно другой комнаты.

- А ты почему не спишь?

Темнота не ответила.

- Я, наверное, пойду, - грустно сказал Олег и скинул ноги с кровати.

- Не уходи, - заволновалась тишина и с дрожью в голосе добавила:

- Думаешь, мне легко быть наедине с мужчиной?..

- Можно к тебе? – робко спросил Олег.

Рядом закрипела кровать, и Олег в одно мгновение оказался под одеялом.

Железная кровать противно закрипела.

Его тело соприкоснулось с горячим, вздрогнувшим телом Олеси. Он почувствовал её тёплое дыхание и уже еле уловимый запах пляжа. Сердце его волнительно затрепетало, охваченное бездной чувств, и ему не хотелось выбираться из этой бездны, хоть она и страшила его.

Олеся молчала. Она замерла в ожидании, боясь пошевелиться.

- У тебя был кто-нибудь? – вдруг спросил Олег и закусил губу.

- А ты как думаешь? – тут же вопросом на вопрос ответила Олеся.

- Я не знаю, - замялся Олег, - но... я хочу тебя.

Как только он сказал это, сердце его отозвалось в голове мощным толчком крови и замерло.

Олеся ничего не ответила, но Олег почувствовал, что с ней что-то происходит. Он медленно приподнял руку с её плеча, отчего она снова вздрогнула, и осторожно опустил её на щеку. Щека стала влажной. Он не видел, он чувствовал пальцами, как крупные слезинки катились из глаз, но она даже не всхлипывала, она плакала молча, словно это душа её обливалась слезами, тронутая словами Олега.

- Ты плачешь, Олеся? – взволнованно зашептал он. – Прости меня дурака.

Он погладил её по щекам, вытирая слёзы, но они всё катились и катились, крупные и горькие, изливая наружу тайную, мучительную печаль.

- Меня мой парень однажды чуть не изнасиловал, - прошептала Олеся и уткнулась мокрой щекой в его плечо.

- Прости меня, идиота, прости, - затараторил Олег и стал нежно целовать её в солёные щёки и нос.

Олеся вздохнула глубоко и перестала плакать. Он гладил её по плечам и спине, успокаивая, как маленького ребёнка, которого он только что, сам не желая того, обидел. Всё тело его горело, кровь шумела в висках, и он гнал от себя страстное желание овладеть ею. Он знал, что она не будет сопротивляться, потому что только что доверила ему самую сокровенную и мучительную свою тайну. Она доверилась ему, выплеснув наружу глубоко сокрывшуюся боль, и он просто не имеет права предать это доверие.

Олеся уснула и стала еле слышно посапывать, а он всё гладил и гладил заморожено её упругое тело, не в силах остановиться. Он был несказанно счастлив, что она именно ему доверила свою боль, и он не смел теперь даже думать о том, чтобы обидеть её своей похотью...

XI

Начало светать. Олег осторожно, чтобы не потревожить спящую Олесю, слез с кровати, стараясь не шуметь, оделся, взглянул ещё раз на её спокойное, размлевшее лицо и пошёл на квартиру приводить себя в порядок.

Было ещё рано, поэтому вахтёрши за столом сквозь стеклянную дверь он не увидел: никем не потревоженная, она тоже спала.

Квартира его находилась недалеко от профилактория, поэтому вернулся он скоро. Вахтёрши по-прежнему не было на рабочем месте, и он беспрепятственно мог подняться на второй этаж, но, потоптавшись несколько минут на одном месте, передумал и вышел на улицу.

Утро разгоралось. Солнце ещё не поднялось из-за густых развесистых клёнов, проблёскивая сквозь листву жёлтыми маячками. Телу было приятно тепло, но не жарко. Прохожих не было, и рассыпавшиеся по тротуару густо воробьи громко наперебой чирикали, радуясь прекрасному тихому утру, и тому, что их никто не беспокоит.

Примерно через час вышла Олеся. Она была пышна, свежа и прекрасна, и на лице её не осталось и капли той печали, которая заставила её прошедшей ночью так горько плакать.

- Я даже не заметила, когда ты ушёл, - сказала Олеся, подходя ближе.

- Я ходил побриться.

- Я подумала, - сказала Олеся и опустила глаза, - я подумала, что нужно ехать домой. А ты, если что-нибудь узнаешь, - заговорила она быстрее, как будто боясь передумать, заглянув Олегу прямо в глаза, - то позвонишь мне. Да?..

На автовокзале было на удивление мало народа, и поэтому билет Олеся взяла сразу же, не выстаивая привычной длинной шумной очереди.

Олег совсем опечалился, но изо всех сил старался не подавать виду, как сильно ему не хочется её отпускать. Он прекрасно понимал, что, оставшись здесь, она будет переживать и волноваться, как бы ни хотел и ни старался, ничего с этим поделать. Неудачу и поражение человек переживает и перебарывает сам, один на один с собой, потому что никто, даже самый близкий и родной человек, не сможет влезть в его шкуру и почувствовать то, что чувствует он.

Олеся купила несколько тоненьких кроссвордов, чтобы, как она сказала, дорога не показалась слишком долгой.

Они вышли на перрон. Длинный «Икарус» уже стоял на крытой платформе с распахнутой настежь дверью, и пассажиры неторопливо один за другим занимали указанные в билетах места.

Олег с Олесей стояли чуть поодаль. Он рассеянно смотрел то на Олесю, то по сторонам, не зная, что сказать. Рядом с ним стояло самое прекрасное в мире существо, впервые настолько сильно поразившее его, что он до сих пор не верил, что это явь, а не сон. Олеся заметила его волнение и потому с надеждой в голосе сказала:

- Мы ведь встретимся снова?

- Обязательно встретимся, - неуверенно ответил Олег и, взяв её за руку, добавил:

- Мне тяжело с тобой расставаться.

- А мне легко, потому что я знаю, что мы обязательно встретимся.

Она легонько сжала его руку, встала на подножку, бегло окинула Олега взволнованными сияющими глазами, точно желая запомнить его всего перед долгой разлукой, и, с улыбкой помахав рукой, почти шёпотом повторила:

- Мы обязательно встретимся.

ХП

Опечаленный тягостным расставанием Олег проехал свою остановку, не заметив знакомого высоченного тополя, расколотого надвое смертоносным лучом молнии или собственной старческой тяжестью и теперь одноруко нависающего почерневшей рваной культёй над бледно – розовым козырьком автобусной остановки.

Он равнодушно вышел на следующей, глядя рассеянно под ноги; вышел совсем один на бесконечно – длинную узкую ленту тротуара среди молоденьких молчаливых тополёво – кленовых посадок, уже пыливших в этом году противно – въедливой ватой липкого пуха с ленивой мошкаррой, катающейся на этом невесомом пухе и катящейся нескончаемым чёрным дождём по лицу.

От точечного, тучного соприкосновения со шквальным их напором, от их вездесущего присутствия невозможно было никуда скрыться, как нельзя было избежать и горести расставания, вкравшейся в самое горячее и больное место молодого одинокого сердца.

Пух весь облетел, сохраняясь мелкими обрывками в побледневшей от жары траве, сказочными игольчатыми желтоватыми комочками, и противная ленивая

микроскопическая мошкара тоже исчезла, потому что не на чем ей стало передвигаться. Но Олег сейчас бы наверняка не обратил внимания на живой дождь при ясном безоблачном небе, настолько неожиданно сильно подействовало на него вынужденное расставание, о котором он уже просто не мог не думать. Но когда оно только в мыслях, его можно отодвинуть на неопределённый срок единственным желанием безмерной душевной радости от чувства непреходящего блаженства близости к чему-то таинственному, непостижимому, являющемуся только в мечтах идеалу, и вдруг такому естественному в человеческом обличье и такому понятному и близкому, что, однажды встретившись с которым, почувствовав разгорающийся в сердце всепобеждающий огонь неземной любви ко всему живому, ко всему горемычному, грешному человечеству за этот незаслуженный Божий подарок, оплатить который просто невозможно мгновением человеческой жизни, но за который можно всю мучительно – томительную жизнь благодарить Создателя тайной душевной добротой и щедрой безответной любовью. Непреходящая печаль мучительно давила на голову снизу вверх, толкая тело в вакуум внезапно обрушившегося одиночества, и Олег наконец сдвинулся с места в ту сторону, куда повлекло его качнувшееся от волнения тело, споткнулся на ровном месте, так что если бы рядом оказались прохожие, они вполне могли бы счесть его за бедолагу – пропойцу.

С опущенной головой он добрёл до радужно раскрашенных зонтиков выездного кафетерия, около которого никого не было, кроме буфетчицы с кислым обиженным лицом, с крашеными пепельными с голубым оттенком волосами, выглядывающими озорно кудрявой челкой из-под ярко голубого чепчика, что никак не соответствовало очерченным жирно зелёной тушью тусклым карим глазам, отразиться в которых и

заставить блеснуть радостным огоньком можно было, наверное, только зелёной бумажке иноземного производства; но зелёная птица счастья новых русских в такие далеко не «еврозаросли» вряд ли залетала, и уголки толстых малиновых с черной обводкой губ досадливо глядели в землю. Олег непременно обратил бы внимание на такое монументальное творение рук неопытного ленивого подмастерья, но сейчас он медленно нехотя уходил от болезненного чувства невозвратимой потери, засунув до упора кулаки в карманы. Долго стоял, прислонившись к дереву, у центрального входа в институт, где совсем недавно наблюдал за пушистым котом – охотником до воробьиных крылышек. Теперь же он и доисторического мамонта не заметил бы в метре от себя. Он тупо пялился на стеклянную в металлической раме входную дверь, в которой мутно отражались жаждущие спасительной влаги, задыхающиеся от разлитого по всему пространству едкого запаха плавящегося асфальта, противно липнущего к подошвам и протяжно, скрипуче квакающего, отчего непременно хотелось посмотреть: не оторвалась ли это подошва.

Олег неотрывно смотрел на испытующе неподвижную дверь. Вот сейчас качнутся и уплывут куда-то в сторону печальные деревья, сопровождаемые кивком блеснувшего ясно и ярко, вынырнувшего из мути огромного, криво отлитого стекла бездонного неба, прихватив с собою заодно и чёткое отражение обломка верхней круглой рейки деревянной скамейки, и в дверном проёме возникнет невесомо в полупрозрачном платье в чёрный горошек сказочная добрая фея, излучая подобно долгожданному весеннему солнцу даже сквозь ненужную, мешающую оболочку одежды чистоту душевной щедрости и ласки, и мудрые глаза её отразятся в глазах в упор смотрящего на неё долгим ожидающим взглядом счастья.

Такое не забывается, такое помнится всю жизнь, даже если от неизмеримого счастья в сердце останется только острый огненный осколок расставания. Со временем, которое, как известно, лечит, хотя некоторых и безвозвратно калечит и уродует, боль потери притупляется, медленно отпускает крепко скованное одиночеством сердце, и человек живёт дальше, но уже не так, как он жил раньше. Настоящая, благостная любовь не забывается, будь она первая, вторая или пятая. Но понять это удаётся только спустя много лет, когда осознание жизни входит в иное русло. Мудро устроил нас Творец, что, только потеряв самое дорогое, единственное в своём роде, неповторимое создание, мы становимся чище и добрее. Не правы те, кто утверждает, что умирают от любви. Умирают не от любви, а от осознания этого божественного чувства. Но осознать это чувство, жить с ним и в нём желает далеко не каждый по той простой причине, что «любовная лодка» разбивается о быт...

Дверь наконец открылась, отбросив в сторону качнувшийся отпечаток деревьев и верхней части скамейки. В проёме возникла грузная вахтёрша с мусорным ведром.

Так жизнь возвращается на круги своя.

ХIII

С отсутствующим взглядом, задумчивый и растерянный, Олег приплёлся на другой день, в субботу, неизвестно зачем в институт. Его чуть не сшиб длинный, жилистый, с седоватой бородкой преподаватель древнерусской литературы Владимир Павлович Карчагин.

- Ты чего такой смурной? – поинтересовался он, переводя дыхание.

Олег очнулся. Он увидел сначала рвущиеся потёртые кроссовки, затем помятые, вытертые донельзя на коленках джинсы, распахнутую клетчатую рубашку и, наконец, горящие не то от безмерной радости встречи, не то от ещё чего-то глаза, бледность коротенького тонкого носа, лёгкий румянец на впалых щеках и растрёпанные длинные русые волосы. Олег уважал Карчагина за прекрасное знание предмета и уважительное, отцовское отношение к студентам.

- Да – а – а, - протянул Олег и пожал плечами.

Как вовремя я тебя встретил! Ты ничем сегодня не занят? – с надеждой глядя прямо в глаза, спросил Владимир Павлович.

План ещё не составлен, - окончательно возвращаясь на грешную землю, медленно проговорил Олег.

- Поможешь мне сегодня вечером? Я, понимаешь,... Он слегка замялся, мельком глянув по сторонам. С женой я развожусь, кое-какие вещички нужно перевезти на новую квартиру.

- Конечно, Владимир Палч, помогу, без проблем!

- Вот и ладненько! Виктор обещал подъехать. Машину грузовую я заказал на шесть. Если Дробинина увидишь, прихвати с собой, быстрее погрузим пожитки. Значит будешь?

- Буду! – утвердительно кивнул Олег.

- Ты же адреса не знаешь! – спохватился Карчагин.

Резким движением он выхватил из бокового кармана рубашки всегда носимый им толстый чёрный блокнот с вложенной в него серебристой ручкой, открыл его наугад, размашисто написал адрес и подал Олегу.

- Это сразу за гастрономом, второй подъезд, третий этаж.

Олег кивнул.

Владимир Павлович дружески хлопнул его по плечу и быстро зашагал к выходу, сильно размахивая руками и мотая из стороны в сторону головой.

Олег постоял немного, раздумывая, как скоротать оставшееся время, и медленно поплёлся в библиотеку.

* * *

Виктор Меньшов и Дробинин, которого тоже звали Олегом, были единственными однокурсниками Олега мужского пола. Всё остальное пространство курса занимал цветущий женский пол, и поэтому мужская тройка никогда не оставалась без внимания.

Круглолицый Виктор был широк в плечах. Маленькая голова, при низком росте, придавала ему солидности, к тому же и ходил он почти всегда в костюме. Передвигался неспешно, бесшумно помогая движению короткими, по-детски пухлыми руками. И он вполне сошёл бы за преподавателя, но, быстрые глаза, лукавый взгляд, короткий розовый нос, маленький рот с припухлыми губами сразу же выдавали в нём не очень усердного студента. И это на самом деле было так. Особенно не любил Виктор писать столь частые контрольные и курсовые работы. И всю эту работу делала за него жена Света, с которой он жил уже два года, успев обзавестись и ребёнком. Преподаватели, завидев в его трудах далеко не мужской почерк, интересовались данным несоответствием. Но узнав, что это жена старательно изучает вместе с мужем все серьёзные науки, умилялись столь дружному семейному обучению, и аккуратный женский почерк никак не снижал оценки за работу.

Дробинин был выше Олега на целую голову, немного сутулился при ходьбе, выбрасывая далеко вперёд длинные крепкие руки. Носил однотонные футболки и спортивного покроя брюки. При встрече он резко склонял набок голову, и редкие, торчащие в разные стороны каштановые волосы вздрагивали, как от дуновения ветра. Он всегда смотрел в глаза

собеседнику, стараясь, видимо, поглубже вникнуть в ход его мыслей, продолговатое лицо втягивалось в плечи, и он часто, громко и отрывисто смеялся, вздрагивая всем телом, широко растягивая тонкие губы, причём верхняя каким-то невероятным образом выгибалась кверху, почти касаясь длинного толстого носа, показывая крупные жёлтые вставные передние зубы. Говорил медленно, словно взвешивая каждое, приготовленное к высказыванию слово, отчего первоначально могло возникнуть ощущение преднамеренной лживости и высокомерия. Но Олег за годы учёбы хорошо изучил Дробинина и прекрасно знал, что это была всего лишь необычная его манера общения, без всякой двусмысленности, и потому всегда общался с ним по душам. Дробинин был чрезвычайно доверчив, просто уважал, любил людей, и этим драгоценным его качеством пользовались девушки. Он рассказал Олегу, что сейчас живёт с очень хорошенькой Галей и даже собирается на ней жениться. Олег, зная его любвеобильность, по-дружески предостерёг от необдуманного, скоропалительного принятия столь важного решения. Дробинин выслушал Олега, задумался на мгновение, а потом, широко улыбнувшись, сказал:

- Но она такая хорошая девчонка!

Олег тоже улыбнулся, не найдя, что ответить. Да и что можно было возразить на его лёгкое и естественное принятие жизни.

* * *

На помощь Карчагину Олег выехал в начале шестого, не зная, куда ещё себя деть, и не напрасно: по дороге почти на полчаса застрял в пробке из-за аварии на перекрёстке, отчего разволновался, сильно взмок, и от духоты, и от волнения, но около шести всё-таки оказался у означенного гастронома.

Обойдя стороной шумно толпившийся у магазина народ, Олег обогнул ещё и пятиэтажку и оказался недалеко от края оврага. В нос ударил резкий, щекочущий запах сухой полыни. Олег подошёл к краю. Овраг был довольно глубок, изгибался круто и исчезал за пригорком в густом непроглядном лесу, на опушке которого кое-где зеленели редкие сосны. Со дна оврага потянуло сыростью. Олег пошёл по дороге и на углу дома увидел ярко голубой «ГАЗон» с огромной прямоугольной будкой, подогнанный прямо к обвисшей, изуродованной чем-то острым двери. И ни одной живой души кругом, словно всё вымерло или покинуло безвозвратно это унылое, не пригодное для жизни место. Ни номера подъезда, ни номеров квартир нигде не значилось, да это Олегу и не нужно было, потому что других грузовых машин рядом не было.

Олег вошёл в подъезд. Отпечатки грязных ботинок на изодранных и исписанных различными изысками потустороннего вроде бы человеческого разума говорили, нет, кричали о том, что в этом сарае конца двадцатого века просто не могут жить люди. Но они здесь всё-таки жили и даже заводили детей, подтверждением чему служила новенькая пёстрая детская коляска у обитой чёрным дерматином двери с жёлтой цифрой «8» над глазком.

Олег поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру была распахнута настежь. Из глубины доносились глухие хлопки и громкие непонятные возгласы. Из квартиры напротив вкусно пахло готовящимся ужином. Олег тряхнул головой, отгоняя внезапный приступ голода, и двинулся на шум, миновав осторожно, чтобы ни на что не налететь, узкий тёмный коридор. Открыл широкую стеклянную дверь и вошёл в комнату. Прямо перед ним стоял Виктор и держал мешок, в который стоявший на коленях Карчагин ловко сбрасывал сваленные на полу книги.

- Вот и подмога подоспела! – попытался улыбнуться Владимир Павлович, но тусклые глаза его сказали о том, что большой радости от этого переезда он не испытывает.

Слева от двери Олег увидел старый покосившийся диван, с когда-то лакированными, а теперь стёртыми до текстуры дерева подлокотниками; белый, служащий письменным, кухонный стол у окна с громоздкой жёлтой настольной лампой на нём, заваленный бумагами, папками и газетными вырезками. Всё остальное пространство комнаты занимали... книги. Многие были уже беспорядочно уложены в мешки и составлены в угол у двери, но много ещё и оставалось на самодельных, сколоченных из струганных досок стеллажах. Никогда ранее Олегу не доводилось видеть такое богатство книг вне библиотеки. Видно было, что книги эти не были собраны только ради их наличия, потому как корешки на некоторых совершенно отсутствовали, а чтобы листы не распались, - заменены скотчем или простой белой бумагой. Каков же должен быть мозг, чтобы вместить в себя всё это бесконечное богатство человеческого опыта и мудрости, переварить, осмыслить и умело делиться этим с другими.

Карчагин или устал от однообразной работы, или почувствовал мысли Олега, но вдруг громко выдохнул:

- Перекур!

Поднялся с колен и плюхнулся, разбросав руки, на диван, отчего тот глубоко просел под худым его телом, грозно рыкнув растянутыми пружинами. На несколько секунд прикрыл глаза, словно задремав, а потом снова широко раскрыл их, взглянув поочередно на Виктора и Олега.

- Такова правда жизни, - заговорил он, и лёгкий румянец от работы исчез с лица, и оно стало бледным и холодным.

Никто его ни о чём не спрашивал, но ему необходимо было высказаться, хоть малую часть наболевшего выплеснуть

наружу, чтобы испытать кратковременное облегчение от резких перемен в жизни, и он продолжил спокойно и грустно, как будто читал в книге отрывок из чужой несложившейся жизни:

- Ну вот не нравится ей, что я люблю книги, что я сутками просиживаю в этой комнате, а теперь, как видите, и живу здесь, вернее сказать, жил. Не могу я не читать и не писать, не мо – гу. А она твердит, что ей муж нужен, а не писатель. Сама по ночам на телевидении пропадает, это, видите ли, её работа. А у меня, значит, хобби получается. Но меня это хобби с каждым днём тянет всё больше и больше. Может быть, это уже болезнь. Но мне нравится так болеть и жить, поэтому пришлось сделать выбор.

Олег заметил, что Карчагин ни разу не произнёс имени своей бывшей жены, настолько сильно задето было его самолюбие и редкое в наше время желание саморазвиваться.

В комнату заглянул худой, коротко остриженный, большеглазый паренёк лет двенадцати, в белой футболке и робко спросил:

- Пап, помочь?

- А, Антошка, заходи, заходи, - оживился Карчагин и, звонко хлопнув себя ладонями по коленям, резко поднялся, снова заставив диван проскрипеть жалобно и протяжно. – Это мой старшой.

Антошка вошёл в комнату, тихо переставляя худые, плотно обжатые чёрными джинсами ноги, крепко поздоровался со всеми за руку, но при этом печальные голубые глаза его неотрывно смотрели на отца. И ему в такие юные его годы пришлось делать серьёзный, даже для взрослых, выбор: с кем из родителей жить. Он был почти точной копией отца, только щёки его были по-детски припухлы и розовы, наполняемые безудержной энергией юности.

- Так, - решительно сказал Карчагин, - давайте-ка мы потихоньку начнём освобождать эту комнату.

Слова «эту комнату» он особенно выделил, и Олег почувствовал, словно и он сам вместе с несколькими квадратными метрами жилплощади потерял намного более весомый отрезок человеческой жизни.

- Загружаем в лифт сначала то, что покрупнее, а потом – что под руку попадётся.

Под руку, кроме книг, особо и попадаться-то было нечему. Только грозно рыкающий диван никак не хотел переезжать, цепляясь обветшавшими своими частями за дверные косяки и стены лифта.

Работа заняла намного больше времени, чем Олег предполагал, и уже на последних потяжелевших мешках противно заныла спина, и мешок стал поминутно выскользывать из ослабевших пальцев.

Тут из соседней комнаты вышла жена Карчагина и негромко поздоровалась. Среднего роста, в бархатном вишнёвом халате, с аккуратно подстриженными и пышно уложенными пепельно-жёлтыми волосами она выглядела моложе Карчагина. Приятное загорелое лицо влажно поблёскивало, а печальные зелёные глаза смотрели в упор на мужа, ожидая ответного взгляда или каких-то важных слов, на которые не нашлось сил и не хватило времени раньше.

Она плотно сжала бледно-розовые губы, от волнения, или, боясь сказать что-то неуместно грубое и лишнее. Карчагин исподлобья бросил на неё холодный взгляд и быстро потащил последний мешок к лифту, не в силах уже оторвать его от пола.

И они разошлись, как в море корабли, и каждый продолжит идти дальше своим обновлённым курсом, вычерченным на карте жизни борением мнений, желаний, разочарований, неустроенностью быта и слабостью

человеческого характера к преодолению этой самой неустроенности, сложностью выбора между желаемым и возможным. Они даже не попрощались, не сказали друг другу привычного «до свидания», словно и не было двадцати лет совместной семейной жизни.

Но что же тогда это было?.. Обман себя и своих детей?! Но ведь были же томные взгляды, вздохи, долгие мучительные часы ожиданий и безмерная радость встреч, даже очень коротких – случайных, мимолётных. Увлечение друг другом, уважение и симпатия, переросшие в большую дружбу, принятую ошибочно за любовь, за счастливое воссоединение двух страждущих покоя и умиротворения одиноких сердец.

В один миг любовь друг к другу улетучилась и разделилась непонятным, но собственническим образом: у него – к бесконечным книгам, у неё – к телевидению. И даже не осталось тех слов, которые произносят при расставании и родные, и совершенно чужие люди. У них не нашлось друг для друга этих последних прощальных слов, не обнадёживающих на новую встречу слов расставания разошедшихся из-под одной крыши в разные стороны... врагов; поделено поровну, по интересам и потребностям имущество, разменяна на меньшую квадратуру трёхкомнатная квартира, с таким трудом и нервными затратами полученная; поделены честно, поштучно, дети: ей сын помладше, ему сын постарше.

Но память разделить поровну ещё никому не удавалось, да и, наверняка, вряд ли когда-нибудь удастся. Не сможет вычеркнуть Карчагин из своей памяти вытертые до блеска обувью бетонные ступени, обшарпанную скрипучую дверь подъезда, и прямо за дорожкой глубокий овраг, так обворожительно и терпко пахнувший вызревшей мятой и пылающий густыми шапками зверобоя; сразу за оврагом – густой смешанный лес, из глубины которого тихими вечерами

нескончаемо льются соловьиные сонаты, а в пасмурную, дождливую погоду или прикрытый рваной простынёй тумана лес похож на сказочный дворец Деда Мороза с пиками островерхих башенок – сосен, наполненный до краёв всевозможными игрушками и самыми заветными желаниями...

Двенадцатилетний сын Карчагина поехал на машине показывать дорогу к новому жилищу, а Владимир Павлович повёл Олега и Виктора на остановку маршрутки, чтобы не слишком отстать от уже уехавшей, нагруженной драгоценным грузом машиной, и чтобы шофёр не ждал долго разгрузки.

Время за работой всегда летит незаметно. Жаркое дневное солнце уже покинуло посеревший небосвод, украсив крыши западных высоток мутно – красными коронами заката.

Почти на ходу запрыгнув в отъезжавшую маршрутку, Олег пристроился у окна, а Виктор с Карчагиным протиснулись назад.

Мимо со свистом проносились троллейбусы, битком наполненные уставшими, молчаливыми телами, расплывались за толстыми шторами жёлтым и голубоватым свечением фары машин, и не верилось, что день подходит к концу, потому что жизнь за окном бурлила никак не меньше, чем днём, время нисколько не меняло своего выверенного веками течения, хотя к вечеру и кажется, что оно замедляется, давая людям возможность спокойно переварить все события насыщенного трудового дня, чтобы потом умиротворённо позволить телу и голове отдохнуть для новых рвений, подвигов, неминуемых ошибок и простого зарабатывания денег для дальнейшего продолжения жизни.

Ехали довольно долго. И когда Карчагин вывел их на нужной остановке, над городом уже всюю хозяйничала ночь. Прямо рядом с остановкой, освещённые одним единственным фонарём, пустовали кажущиеся теперь игрушечными кубики

ларьков сельскохозяйственного рынка. От внезапных порывов ветра гулко хлопали клеёнчатые накидки, шуршали по асфальту обрывки упаковочной бумаги. Целлофановые пакеты, как ночные бабочки, порхали то здесь, то там. Неприятно кисло пахло остатками дневной жизни от наполненных до краёв мусорных баков. Прохожих не было, точно это была не окраина города, а забытая Богом деревушка с доживающими земные муки стариками.

- За мной, други! – бодро сказал Карчагин и быстро зашагал вперёд, застёгивая рубашку на все пуговицы.

Он старался казаться безразлично – сильным, но Олег прекрасно понимал, что начинать жизнь заново, да ещё и в новом месте тяжело и даже страшновато, потому что никто не скажет, в какие ещё дебри человеческих отношений может завести эта самая новая жизнь.

Подобное чувство он испытал несколько лет назад, приехав на преддипломную практику и войдя впервые в аппаратную радиорелейной станции, не зная, на чём остановить взгляд, блуждающий от непонятого для него нагромождения всевозможной гудящей и щёлкающей аппаратуры. Но это было нормальное течение его жизни, к тому же холостой, когда ты ни за кого не отвечаешь, а только пытаешься направить в определённое русло свою молодую, полную радужных надежд и ожиданий жизнь. Здесь же, когда рушится привычный уклад, когда страдаешь не только ты, но и близкие тебе люди, невыносимо трудно найти новое русло жизни, спокойно войти в него и даже просто жить по-новому, приходя не с той стороны на работу и возвращаясь не домой, а в новое место жительства.

У круглосуточно работающего киоска, что, конечно, было очень удобно для плохо спящего на трезвую голову населения, Карчагин остановился. Зевающая продавщица аккуратно уложила в шуршащий пакет все заказанные им

продукты и подала в окошко. Но того, что было гораздо важнее в сложившейся житейской ситуации, в киоске не оказалось. Невдалеке, у совершенно глухой, освещённой прожектором кирпичной стены какого-то государственного учреждения, тихонько сидели на деревянных ящиках старушки, любовно разложив вокруг себя урожай с дачных участков, подсоленный и подслащённый на самого привередливого покупателя, дотошного в выборе закуски. Да и постоянное наличие свободного времени способствовало хоть и не большой, но всё-таки ежедневной прибавке к пенсии.

Увидев озадаченного покупателя, одна из старушек пропищала:

- Эй, милоч!

Карчагин обернулся. Та поманила его рукой. Пока он подходил, она шустро и зорко взглянула по сторонам и вытащила из-за пазухи бутылку водки, скорее всего, палёной. Карчагин расплатился, сунул бутылку в карман и, подойдя к Виктору с Олегом, молча наблюдавшим за этой сценой, натянуто улыбнулся:

- Новое жильё, надо ж обмыть?

Минут пятнадцать шли какими-то тёмными дворами, на домах не было ни единой таблички с указанием номера дома и улицы, так что Олег немного заволновался: удастся ли найти без провожатого дорогу обратно.

Машина стояла у подъезда с открытыми задними дверями. Новая квартира находилась на первом этаже, поэтому разгрузка заняла меньше времени, чем погрузка.

Занеся последний мешок с книгами, Олег осмотрелся. Некогда довольно просторная однокомнатная квартира была разделена прежним хозяином на зал и спальню, немедленно отведённую под библиотеку. В зале стояла ещё свежая двуспальная софа, по дешёвке отданная вместе с квартирой, на

стене висел огромный, с алыми розами в центре ковёр, бесплатно оставленный за ненадобностью переехавшим в лучшую жизнь, побогаче, хозяином. На крохотной чёрной тумбочке у двери стоял ярко-красный телефон, видимо, специально подобранный под ковёр. Карчагин сказал, что прежний хозяин оставит ему за доплату и телефонную точку, и если он срочно не найдёт деньги, то точку отрежут.

Пока Владимир Павлович знакомил студентов с новым жилищем, сын уже поджарил картошку с яичницей. Поставили стол посреди зала, принесли крошечные крашенные белые табуретки с кухни. Нашлись на кухне и стаканы с ложками. Высыпали на стол всё содержимое пакета. Антошка включил магнитофон. Ну чем не новоселье!

Только сели за стол, как в дверь несколько раз настойчиво позвонили. Карчагин подпрыгнул на табурете, поднял указательный палец в потолок и побежал открывать.

Из коридора донёсся шум, радостные вопли и объятия. В комнату, в обнимку с Карчагиным, ввалились два здоровенных бородатых мужика с густыми копнами смоляных волос, в простых вязаных свитерах с обвисшими шеями.

- Это мои друзья, медведи – путешественники!- почти прокричал Карчагин, захлёбываясь от радости. - Мы вместе по матушке России колесили с экспедициями.

Он представил их: Виктор Петрович и Михаил Иванович.

Совершенно разные, судьбами, складом характера они показались Олегу кровными братьями, настолько крепка была их дружба, столь необходимая в трудную минуту, в минуту, которая к любому человеку может прийти совершенно неожиданно, и только друзья, приходящие сами, без крика о помощи, одним своим присутствием скрашивают житейские горечи и неурядицы.

Михаил Иванович, более широкий в скулах, поднял стакан и кашлянул, давая тем самым знак, что он желает сказать тост:

- Други мои! – громыхнул он. – Это хорошо, что мы собрались. Всегда хорошо, когда собираются за столом друзья, близкие люди. Не всегда эта жизнь, правда, будь она неладна, позволяет собираться часто, но оттого бывают и радостнее встречи. Рано или поздно жизнь заставляет оседать.

На секунду он замолчал, окинув пристальным взглядом сидящих за столом, и продолжил:

- Случается и так, что приходится начинать жить сначала. Но никогда не стоит забывать, что жизнь – это прежде всего радость, как бы цепко ни брала она за горло, радоваться на исходе последних сил – таков мой девиз. И я хочу, чтобы каждый из вас жил с радостью.

Он замолчал и поднял свой стакан выше. Карчагин, внимательно слушавший и смотревший на него, мотнул головой и звонко хлопнул его свободной рукой по плечу, так что тот довольно крикнул.

Все выпили. За столом возникла принесённая бородатыми медведями гитара. Пели знакомые Олегу песни Визбора, Высоцкого и другие, впервые здесь услышанные, о дружбе, любви, взаимовыручке.

В комнате стало душно. Желаящие освежиться и покурить вышли на площадку. Виктор прилёг на софу, а Олег подошёл к тёмному, голому прямоугольнику окна. Неравномерными разноцветными квадратиками квартир светилась ночь за окном, вырисовывая причудливые фигурки формулы жизни за чужими, но такими похожими окнами.

Неожиданно зазвонил телефон. Олег вздрогнул от неожиданности и обернулся.

- Это меня, - изменившимся голосом выдохнул Виктор и пулей подлетел к телефону. – Да, я, - промямлил он, - музыка играет, ну и что?.. Да какие бабы! Я ж тебе говорил... сейчас позову.

Он осторожно положил телефонную трубку на тумбочку, скривил губы и засеменял в коридор. Через минуту в комнату вошёл Карчагин и взял трубку.

- Да, здравствуйте, Света, это Владимир Павлович. Да-да, вы уж меня извините, что так долго... Уже поздно, он останется у меня... нет, нисколько не стеснит... Да-да... извините ещё раз... всего доброго. Волнуется, - глубокомысленно заключил он, положив трубку, и вздохнул.

Когда Карчагин вышел, Олег спросил:

- Как она узнала этот номер?
- Владимир Палч дал. Неудобно, блин, получилось.
- И часто она тебя проверяет?
- Бывает...
- Провинился?
- Ну кто из нас без греха!

Олег тоже сначала хотел остаться и пообщаться с интересными умными людьми, но потом вспомнил, что Дарья с Вадимом уехали к её матери в деревню, а тётя Вера осталась дома одна, и он не предупредил её, что может задержаться надолго, а она обязательно будет волноваться, привыкнув видеть его каждую ночь дома.

Время близилось к часу ночи, он успевал на последний автобус.

Объяснив ситуацию хозяину и гостям, Олег быстро попрощался и выбежал на совершенно пустынную улицу. Немного попетляв, он отыскал-таки остановку. По спящему городу один ехал в автобусе.

Тихонько открыл дверь и вошёл в квартиру. Тётя Вера спала на спине и потому сильно храпела. Олег на цыпочках, не зажигая света, ошупью пробрался в спальню, разделся и залез под одеяло. Под окном басовито и протяжно залаяла собака. Олег закрыл глаза.

XIV

Ночью он спал плохо: непрестанно ворочался с бока на бок. В полудремоте ему мерещилось, что тело его каким-то образом оказалось на чёрном, невидимом песке раскалённой пустыни; спасаясь от смертоносного жара, он двигал ногами, стаскивая с себя одеяло; проваливался на некоторое время в темноту и выныривал из неё на ослепительно белой снежной вершине; тело начинала бить противная дрожь, и он снова плотно укутывался в одеяло. Как только он терял ощущение пространства-времени, чей-то протяжный, но знакомый голос настойчиво звал его; он силился вспомнить этот голос, чтобы ответить, или просто понять, кому это он понадобился в такое время, когда он не ощущает и самого себя: окончательно просыпался. Наступление утра он не заметил, он ощутил его светлое начало всем своим телом, не открывая глаз. Потом он внезапно уснул и так же внезапно проснулся от сильной головной боли. Не шевелясь, чтобы не вызвать рези в глазах, долго лежал с закрытыми глазами, бессмысленно пялясь в темноту, пока боль не отступила.

Несколько часов бесцельно шлялся по городу: подолгу стоял у огромных стеклянных витрин, тупо глядя в своё собственное мутное отражение, нехотя брёл дальше, тяжело волоча ноги. На него, чертыхаясь, натыкались прохожие. Он останавливался, вслушиваясь в недовольные голоса, но,

совершенно ничего не понимая, бессловесно двигался дальше. Нужно было хоть чем-то занять себя, спастись от этой безысходности. Он почувствовал себя совершенно лишним в этом суматошном, бурлящем безудержной жизнью городе. Он не мог даже представить, как невыносимо одиноко и опустошённо будет чувствовать он себя без Олеси: без её звонкого голоса, доброго взгляда удивительно живых глаз. Как сладкий сон таяли в его мутном сознании её божественные черты. Внезапная мысль о потере её навеки настолько сильно поразила его, что он ужаснулся этой навязчивой мысли, резко остановился, сильно тряхнув головой, и, как ужаленный, быстрым шагом направился домой, желая как можно скорее спрятать свой болезненный страх в стенах пустой квартиры.

Дома действительно никого не оказалось. Он и здесь стал бессознательно бродить из угла в угол, изредка останавливая рассеянный взгляд на стеклянной двери балкона, за которой для всех остальных людей сиял своей горячей необходимостью день, и который только ему нужно было как можно скорее скоротать, чтобы ночью забыть, наконец, и о своей непроходящей боли, и о себе самом.

В таком состоянии и застала его Дарья, пришедшая домой почему-то раньше обычного.

- Страдаешь? – бесцеремонно поинтересовалась она, чутко уловив его паршивое настроение.

В другой ситуации Олег непременно ответил бы ей что-то в том же духе или даже мягко огрызнулся, но сейчас он промолчал, пропустив её едкое восклицание мимо ушей.

Дарья прошла в комнату, высыпала всё содержимое своей кожаной сумочки на диван, замерла в раздумье, засунув указательный палец в рот, затем снова сгрестила всё своё необходимое женское богатство обратно. Видя, что Олег никак на неё не прореагировал, она уже громче добавила:

- Меня в кафе пригласили, пошли со мной...

Олега задела-таки её настойчивость, и он повернулся к ней. Его ничуть не обескуражило то, что замужняя женщина приглашает его в кафе, - ничего не могло его в данный момент удивить. Он равнодушно смотрел в её сверлящие смоляные глаза, от которых, казалось, невозможно было скрыть никаких тайных мыслей и желаний. У него не было ни малейшего желания куда бы то ни было идти, но её упрямые глаза настойчиво манили и звали. Иногда мы не можем вразумительно объяснить истинную причину тех или иных наших поступков, словно чья-то чужая воля заставляет нас принимать единственно правильное решение. И неожиданно для самого себя Олег сдался и ничуть потом об этом не пожалел.

Дарья и сама наверняка не понимала до конца, что появилась в комнате в самый подходящий момент, но она заметила замешательство Олега и прибавила строго:

- Пошли, пошли, помереть всегда успеешь!..

Дарья оказалась права: полумрак кафе успокоил Олега. Громкая бубнящая музыка притягивала к себе всё внимание, не позволяя сосредоточиться на чём-то определённом. Ту же роль выполнял и небольшой вращающийся зеркальный шар под потолком, причудливо разбрасывая разноцветные огоньки прожекторов во все уголки довольно просторного зала. Олег предположил, что весело скоротать вечер Дарью пригласили её близкие подружки, которые, по всей видимости, уже по её замыслу должны были развеять и его горе – печаль. Каково же было его удивление, когда к Дарье бесшумно подошёл крепкий молодой человек с пышными кудрявыми волосами, звонко поцеловал её в щёку и сел рядом. Лицо его Олег видел смутно, но с виду он казался моложе Дарьи.

- Осуждаешь? – вплёлся в ревущую музыкальную какофонию её приятный звонкий голос.

Олег отрицательно покачал головой. Не имел он никакого права, да и просто по-человечески не мог осуждать её за естественное, вполне заслуженное желание любить и быть любимой. И этого немного, чего непременно желает каждый нормальный человек на земле, даже в малой доле никак не мог дать ей вконец подавленный алкоголем Вадим, да и не желал дать, о чём очень скоро горько пожалеет. А Андрей оказался весёлым парнем, с редким чувством юмора, что, безусловно, скрасит серую однообразную жизнь Дарьи. Он растормошил неразговорчивого, заторможенного поначалу Олега, рассказывая без умолку то смешные истории, то анекдоты, и через некоторое время Олег уже широко улыбался, по-доброму завидуя его памяти и артистическому таланту.

- И ты здесь расслабляешься? – услышал Олег за спиной уже слышанный где-то ранее голос.

Он насторожился, вспоминая ночной кошмар, и тут же узнал голос, зовущий его куда-то в неизвестность. Дыхание перехватило, и он медленно обернулся. За спиной, в короткой юбке, пышная, весёлая, но без своих крупных очков, стояла Вика.

- Можешь меня поздравить, - не дожидаясь, пока Олег опомнится, выпалила она, - я теперь студентка.

- Во сне? – не раздумывая, автоматически поинтересовался Олег. – У тебя же баллов маловато.

- Нет, наяву! – соорудила недовольную гримасу Вика. – Платное отделение открыли, и я уже заплатила за первый год обучения. Вот так!

- Платное открыли? – удивлённо переспросил Олег и вскочил, как ошпаренный. – Надо же позвонить. Где записная книжка?..

Он стал лихорадочно хлопать себя по карманам и, когда наконец нашёл то, что искал, издал победный клич и выпрыгнул из-за стола.

- Ненормальный, - услышал он за спиной сочувственный голос Дарьи и со всех ног помчался на телеграф звонить Олесе.

XV

Три долгих часа Олег томился в институтской аллее, ожидая приезда Олеси: пинал ногами лёгкие, не желающие далеко отлетать конфетные обёртки, приминал блёклые, мужественно пробившиеся меж стыков плит длинные худые травинки, поминутно глядя в сторону остановки, где непременно должна появиться Олеся со своим отцом. Олег попытался представить внешность её отца. А так как дети должны обязательно походить на своих родителей, если, конечно, их родство кровное, то воображение живо нарисовало ему высокого, стройного темноволосого красавца с выразительными чертами лица, иначе как же могло явиться на свет такое незабываемое, волнительное чудо, как Олеся. От этих мыслей сердце Олега учащённо затрепетало, и он впился глазами в дрожащую знойным воздухом даль, желая как можно скорее увидеть предмет своего обожания.

И она, наконец, появилась: лёгкая, стройная, быстро и грациозно идущая по тротуару, выбивая высокими каблучками из пыльного потрескавшегося асфальта звонкую отрывистую дробь. Она спешила навстречу своей судьбе, невольным участником которой и теперь уже неотъемлемой частью её стал и Олег, как и она, неожиданно явившаяся ослепительным лучом света в его размеренной спокойной жизни, стала вечной спутницей памяти земного его бытия. Отец её, идущий сзади с

чёрной пузатой дорожной сумкой, был ниже дочери почти на целую голову, с учётом высоты её каблуков. И когда они подошли почти вплотную, Олег разочарованно увидел, что разыгравшееся воображение его на этот раз сильно подвело: короткие рыжеватые волосы, разбросанные в разные стороны, приплюснутый длинноватый нос, тонкие, плотно сжатые губы, желтоватое лицо и совершенно равнодушный взгляд слегка прищуренных серых глаз, отчего морщинки становились глубже, выдавая предпенсионный возраст.

Олеся представила отца, который медленно, нехотя протянул Олегу свою мягкую влажную руку. По тому, как Олеся нервно сжимает и разжимает тонкие длинные пальцы, становилось ясно, что она волнуется. Но чему? Её встрече с Олегом, или встрече Олега с отцом?..

Олег ещё раз вкратце пересказал Василию Ивановичу (так звали отца Олеси) то, о чём он рассказал ей вчерашним вечером по телефону. Потом они зашли к ректору за необходимыми бумагами. Василий Иванович открыл коричневую филёнчатую дверь в кабинет ректора и остановился, пропуская вперёд Олеся. Но она перед самой дверью бросила вдруг в сторону Олега короткий испуганный взгляд, не желая, видимо, оставлять его в одиночестве дожидаться их в пустом мрачном коридоре, так как за дверью делать ему было совершенно нечего и с распростёртыми руками его там никто не ждал, отошла к окну. Отец молча пожал плечами и вошёл в кабинет один, не удостоив Олега даже взглядом, словно теперь его присутствие здесь абсолютно никого не интересовало. Олеся оперлась обеими руками на подоконник и отрешённо смотрела куда-то в одну точку. Олега всегда тяготила подобная неясность своего положения: уйти он не мог, и не только потому, что может своим внезапным уходом обидеть Олеся, а и потому, что не представлял даже на мгновение, что Олеся может исчезнуть

из его теперешней, наполненной новым смыслом и желаниями жизни. Он смотрел сбоку на её взволнованное, непостижимо красивое и кажущееся сейчас недоступным лицо, освещённое мягким светом, пробившимся сквозь гущу разросшихся под окном акаций, с выкрученными ежедневной тягой к свету худыми ветками. Он мог бесконечно долго любоваться её обворожительно стройной фигурой и неотрывно смотреть в её добрые, широко распахнутые миру в минуты радости глаза. Ему казалось, что всё на свете он сможет выдержать и пережить только ради того, чтобы это божественное существо дарило миру свою красоту и душевную щедрость. Теперь он знал совершенно точно, как выглядит Муза, и почему иногда творческие люди необъяснимо круто меняют уклад всей своей прежней жизни и начинают безудержно – на последнем дыхании - творить, творить, творить... Так рождаются неповторимые шедевры; так неожиданно рождаются дети; так рождается и милосердно даруется смертным бессмертная любовь...

Из кабинета бесшумно вышел Василий Иванович со свёрнутыми листами бумаги в руках и вывел Олега с Олесей из задумчивого оцепенения громким возгласом:

- Пошли!..

Коротким путём, через дворы, Олег повёл их в ближайшее отделение сбербанка. Шли молча. Никто не хотел нарушать молчания пустыми разговорами в тот момент, когда решается дальнейшая судьба Олеси, только длинные перекошенные тени вздрагивали от встречи с обочиной тротуара и бесследно исчезали, терялись за серыми, потрескавшимися стволами акаций. Олег шёл сбоку, изредка отставая и искоса поглядывая то на Олесю, то на её отца. На месте вдруг оказалось, что заплатить за обучение можно будет только завтра с утра. Олеся, успокоившаяся было и изредка улыбающаяся, снова стала печальной и замкнутой. Олегу было больно

смотреть на неё. Только на лице Василия Ивановича не дрогнула ни одна жилка, и он проговорил совершенно спокойно, но твёрдо:

- Ты будешь учиться, а заплатить можно и завтра. Но я не хочу, чтобы ты плакала, как в прошлом году.

- Но ведь заплатить можно только завтра, - дрогнувшим голосом сказала Олеся, - значит, сегодня нам придется уехать.

Олег прикусил губу: он терялся в догадках об истинной причине взволнованности Олеси. Из того, что только что сказал отец и о чём она даже мельком не проговорилась при общении с ним, следовало, что и в прошлом году при поступлении её постигла неудача. Но в прошлом году платного отделения ещё не было, а значит, и выбор был тоже невелик. Но на этот раз руководство института, как и многие другие высшие учебные заведения, решилось-таки повысить образованность настойчивых абитуриентов за их собственный счёт. И Олеся по вполне понятной причине волновалась, что уже завтра это решение может измениться, причём – не в её пользу.

- Ничего страшного, - так же спокойно ответил Василий Иванович, - завтра приедем пораньше.

Олеся безнадежно взглянула на отца широко раскрытыми, блеснувшими глазами и виновато опустила голову.

Олег лихорадочно думал, кусая губы, как спасти положение, а положение было действительно непростое: профилакторий закрылся на какой-то непредвиденный ремонт, и там, кроме вахтёра, никого не было, но Олегу нестерпимо хотелось, чтобы Олеся осталась. Мысли путались в голове, и он готов был уже пригласить Олеся к себе на квартиру, чего, безусловно, не поняла бы тётя Вера, как вдруг вспомнил о Галине Васильевне Фроловой, профессоре, у которой он писал курсовую работу, бывал дома и, естественно, знал домашний

телефон. Жила она одна, и Олег был почти уверен, что она не откажет приютить Олесю всего на одну ночь.

- Идёмте со мной, - быстро и решительно сказал Олег и направился к телефонной будке, оказавшейся как нельзя кстати на другой стороне улицы.

Олеся с отцом переглянулись, но послушно двинулись за ним.

«Только бы она была дома, только бы была дома», - всё время твердил про себя Олег.

Телефон работал. Галина Васильевна ответила почти сразу же, как только он набрал номер.

- Галина Васильевна, здравствуйте, это Олег Марков, помните такого?

- Конечно помню, такого трудно забыть,- ответила она и хрипло засмеялась.

- Галина Васильевна, - продолжил Олег, заметив во все глаза наблюдавшую за ним Олесю, - одному хорошему человеку нужен ночлег всего на одну ночь.

- Какого пола этот хороший человек?

- Женского.

- Что ж, привозите, хоромы у меня не царские, но не обижу, разместимся.

- Спасибо большое, Галина Васильевна, - почти прокричал Олег и повесил трубку.

- Ну вот, - развёл облегчённо руками Олег, - Олеся может остаться и переночевать у профессора...

Здесь следует отвлечься и показать, как живут в нашей богатейшей стране умнейшие и достойнейшие люди. Когда впервые Олег переступил порог квартиры Галины Васильевны, он был просто шокирован увиденным. Из крохотного тёмного коридора Галина Васильевна завела его в зал, по размерам больше походивший на кухню, и усадила в старинное кресло,

вытертое до такой степени, что невозможно было разобрать первоначального цвета обивки. Пока Галина Васильевна копалась в заваленном книгами, тетрадями, газетами сером бездверном шкафу напротив, Олег принялся с любопытством осматривать комнату: не каждый день тебя приглашает к себе домой профессор. Рядом с креслом стоял бледно-жёлтый трёхногий стол, справа, у стены, маленький чёрно-белый «Рекорд» 40 – 50-х годов выпуска, тёмно-коричневое, потерявшее прежний блеск фортепиано, прикрытое вязаной салфеткой, на которой стояла фотография в лакированной рамке круглолицего серьёзного человека в форме майора милиции. Выше её, на стене, висела фотография под плёнкой покрупнее ещё молодой, смотрящей прямо перед собой женщины, вся грудь которой была увешана орденами и медалями. Олег присмотрелся повнимательнее и узнал в женщине на пожелтевшей фотографии хозяйку квартиры; позже он узнал, что Галина Васильевна всю войну прошла от первого до последнего дня. Выцветшие, кое-где почерневшие по углам обои говорили о том, что не один десяток лет в квартире не делался ремонт. Но квартира была жива и в ней не бил удушливо в нос запах, часто присутствующий в жилье одиноких стариков. Другой запах наполнял эту маленькую квартиру – сладковатый запах старых книг, много лет любовно собираемых и оберегаемых. Потом Галина Васильевна показала другую комнату, все четыре стены которой до самого потолка были заняты книжными полками. Олег ойкнул от удивления, не найдя более подходящих слов. Она напоила его чаем, подобрала кучу статей по интересующей его теме и даже подарила несколько научных журналов, сказав, что они обязательно пригодятся ему в работе. Уходил от неё Олег ошеломлённый и воодушевлённый, не переставая удивляться силе духа этой женщины, пережившей великую войну...

- И хорошо, - согласно кивнул Василий Иванович, - а я тоже вот о чём подумал: коли всё так удачно сложилось, то мне завтра здесь и делать-то нечего, вы, Олег, можете поставить закорючку в бумаге за меня, ведь это обычная формальность, если вы, конечно, не возражаете?

- Да я не возражаю, - замялся Олег, - если вы мне доверяете...

- Доверяю, доверяю, - не дал договорить ему Василий Иванович.

Лицо его снова несколько не изменилось. Он только как-то печально взглянул на Олега, и Олег вдруг почувствовал, что отец её думает совсем не о том, о чём сейчас говорит. Совсем о другом болит его душа, что заставляет быть таким каменным и спокойным его лицо.

- Спасибо вам, Олег, за помощь, - оторвавшись от своих сокровенных мыслей негромко сказал он и крепко пожал Олегу руку. – Времени ещё мало, сходите куда-нибудь, а я поеду домой.

Олег был готов за эти слова кинуться ему на шею и благодарно расцеловать, но Василий Иванович молча протянул ему сумку с вещами и, не оглядываясь, зашагал к остановке. Возможность остаться вселила в Олесю надежду на успех, и она снова была жизнерадостна и прекрасна.

XVI

Олег решил сводить Олесю в пельменную, которую их мужская троица давно заприметила и облюбовала: недорогая, уютная, что небогатым и непривередливым на разносолы студентам было как раз на руку, да ко всему ещё и обитая изнутри натуральной сосновой вагонкой и увешанная

расшитыми на старинный лад красными петухами длинными рушниками. Приятная негромкая музыка, свежие горячие пельмени со сметаной, посыпанные густо сахарной пудрой с ванилью ещё тёплые кексы, обожаемые Олегом, улыбочивые повара, - всё это благотворно воздействовало не только на аппетит, но и на настроение постоянных посетителей, просяживающих за массивными прямоугольными столами до самого закрытия кафе.

Олег усадил Олесю за свободный столик, подальше от входа, заботясь, чтобы её не тревожили снующие взад-вперед проголодавшиеся и уже успевшие подкрепиться посетители, а сам почти бегом отправился за пельменями. Настроение у него было прекрасное: хотелось петь, шутить, делать приятные глупости. Он заказал двойные порции, и пока шустрые повара в длинных розовых фартуках и задорно сдвинутых набекрень пышных чепчиках готовили своё фирменное блюдо, он развлекал их байками. Пельмени ещё не сварились, а они уже катились со смеху и махали на него руками. Чтобы окончательно не надорвать животы, его обслужили вне очереди, быстро загрузив довольно вместительный поднос, и он, как опытный официант дорогого элитного ресторана уже через несколько минут важно нёс перед собой окутанные жарким облачком пара пельмени, не забыв и про румяные кексы с компотом из сушёных яблок. Олеся конечно же ничего не слышала, но видела всю эту картину, а он уже не мог остановиться и, бережно разгружая поднос, отвлёкся на него только на минуту; потом небрежно отодвинул поднос на край стола, плюхнулся на деревянный стул, больше похожий своими размерами и крепостью на уличную скамейку, и тут же стал рассказывать в мельчайших подробностях, как разозлившиеся инструкторы безжалостно выбрасывали из самолёта не желавших самостоятельно совершить этот героический

поступок парашютистов-новичков. Олеся напрочь забыла о своих тревожных мыслях и теперь часто смеялась его бесконечным историям. Глаза её стали большими, светлыми и нежными, точно она боялась упустить малейший эпизод из восхитительного выступления Олега. А он всё шутил и дурачился, обжигаясь пельменями, вкуснее которых никогда ещё не было в его жизни.

Посетителей становилось всё меньше. Серая тень стала ближе подбираться к их столику. Его тарелка давно опустела; Олеся же, осилив свою только наполовину, забыла про неё, отодвинув в сторону. Она во все глаза продолжала смотреть на Олега, слушать журчащий его голос, и взгляд её становился всё глубже и нежнее.

Олег остановился только когда выключили музыку. Он непонимающе огляделся кругом и с горечью сообразил, что кафе закрывается.

- Я тебя заболтал? – спросил он.

Олеся улыбнулась, слегка прищурился глаза, и покачала головой.

Олег взглянул на часы и, не отрываясь от них, проговорил:

- Галина Васильевна любит пунктуальность.

- Тогда идём? – робко спросила Олеся и поднялась из-за стола...

Галина Васильевна стояла перед распахнутой настежь дверью в белой вязаной кофте и чёрной расклешённой юбке до колен, опершись о дверной косяк, когда они поднялись на третий этаж, и курила. Коротко подстриженные, с редкими тёмными пучками седые волосы, взбитые на макушке мелкими кудряшками, придавали её сухому, жилистому телу ещё больший рост. Испещрённое глубокими морщинами худое смуглое лицо было спокойно, правая рука слегка дрожала,

крепко сжимая в длинных прозрачных пальцах дымящуюся папиросу. С войны она курила только «Беломор», не признавая никаких других сигарет.

Олег вежливо поздоровался и представил ей Олесю.

- Ну что ж, Олег, вы можете теперь ехать домой, - чётко выделяя каждое слово, сказала Галина Васильевна, потушив папиросу и бросив её в стоявшее у двери железное ведро, - а вы, Олеся, пойдёте со мной: буду знакомить вас с моим жилищем. – Да не волнуйтесь вы, Олег, - добродушно добавила она, увидев, как Олег застыл в нерешительности, - не обижу я вашу девицу-красавицу.

Он хотел что-то ответить и попрощаться с Олесей, но Галина Васильевна махнула на него рукой и захлопнула дверь...

Ему очень понравилось, как выразительно Галина Васильевна произнесла «вашу девицу-красавицу», что он, забыв про лифт, вприпрыжку побежал вниз по лестнице пешком.

XVII

Олег обычно быстро проходил мимо множества вытянутых почти в рост человека зеркал по обеим сторонам раздевалки. Но сегодня, усевшись в середине деревянной лакированной скамейки у самого начала чёрной витой металлической лестницы на второй этаж почти на час раньше оговоренного с Олесей времени, он впервые заметил, что входящие в институт студенты зеркалами отправляются назад к выходу, а уходящие – наоборот. Создавалось ощущение обратной перемотки киноплёнки, а ведь как сильно иногда хочется отмотать назад хоть небольшой промежуток времени, решительным движением вырезать его из жизни и выбросить в корзину для мусора, как неудавшийся дубль молодого и

неопытного на житейские коллизии режиссёра. Олег напряжённо, тревожно всматривался в лица разновозрастных студентов, а точнее – студенток, пытаясь отыскать, уловить хоть какие-то малейшие черты живого, тончайшего образа Олеси. Он поднялся и посмотрел в окно. Утро выдалось сырое и пасмурное. Тихий, но довольно продолжительный дождик, прошедший под утро, приятно остудивший напитанный жарой воздух, совсем не исчез, а превратился в мягкое сырое, занявшее всё пространство кругом облако не тумана, а скорее пара. И лишь небольшие бесформенные лужицы на почерневшем от влаги асфальте матово поблёскивали под окутанными белёсой вуалью тополями, резко вздрагивали и искажались от падавших в них с намокших деревьев крупных капель воды и снова замирали безучастно и умиротворённо.

Плащи и лёгкие куртки беспрестанно исчезали за перегородкой, сброшенные с плеч плавными грациозными движениями, а ещё не запыленный воздух наполнялся терпким запахом духов, лосьонов, помад, дезодорантов, и умноженная в несколько раз зеркалами армада симпатичных личик и ножек торопливо двигалась к предбаннику, ведущему на второй этаж и в длинный, тоже с рядом прямоугольных зеркал узкий гулкий коридор, соединяющий два учебных корпуса.

Олег прошёл дальше в глубь коридора, прислонился к холодному косяку стены и стал рассматривать маленький необычный уголок природы, втиснутый кем-то очень рассудительным и находчивым в бесполезно пустующий промежуток коридора под лестницей. Посаженные в горшки неизвестные Олегу растения с широкими и длинными бледно-зелёными листьями были обложены со всех сторон разноцветными гладко-овальными камнями, размером от куриного яйца до футбольного мяча. Но никто из проходивших мимо не удостаивал это загадочное творение рук человеческих

своим драгоценным вниманием, словно разноцветный причудливый уголок этот находился не на Земле, а на другой немислимо далёкой безжизненной планете, где некому оценить необычность его красоты. И Олег, наверняка, и сегодня тоже прошёл бы мимо него, но ожидание, ожидание чего-то нового, волнительного в жизни, для чего не можешь пока ещё подобрать подходящих слов, делает человека гораздо внимательнее ко всему окружающему миру, чтобы навсегда запомнить мимолётные явления и черты этого изменчивого мира, сопутствующие волнительному ожиданию непредвиденно хороших перемен в жизни.

Основной утренний поток студентов схлынул, и Олег снова обратил свой пронизательный взор на входную дверь, через которую спокойно шествовали теперь или окончательно опоздавшие, или идущие со знанием дела дорабатывать в читальный зал курсовые и контрольные работы студенты.

Своей обычной быстрой качающейся походкой, взъерошенный, как будто только что пробудившись ото сна, в тёмно-синей ветровке в дверях появился Дробинин. Увидев Олега, он круто повернул в его сторону, на ходу перебросил тоненький пакет в левую руку, а правую вытянул вперёд для приветствия, растопырив короткие толстые пальцы.

- А ты чего здесь в такую рань? – удивился он, широко раскрыв покрасневшие от недосыпания глаза. – Ты ж всё сдал?

- Я по личным делам, - спокойно ответил Олег.

- По личным?.. Так у тебя встреча тут назначена? Вот это да-а-а, - расплылся в улыбке Дробинин, чуть не прилепив к носу особенным образом выгнувшуюся кверху верхнюю губу, крепко потряхнув Олега за плечо. – Ух, как хочется на неё взглянуть хоть одним глазком. Познакомишь?..

- Познакомлю, - согласился Олег, - если только пообещаешь не отбивать и не кадрить дивчину.

- Я только одним глазком, - умоляюще собрал губы в трубочку Дробинин и лукаво прищурил правый глаз.

- Вот так и будешь знакомиться с одним открытым глазом, - назидательно проговорил Олег и погрозил Дробинину пальцем.

Тот снова широко расплылся в улыбке и стал тискать Олега своими крепкими ручищами.

За пламенными объятиями друзья не заметили, как к ним бесшумно подошла Олеся и громко поинтересовалась:

- Не помешаю?

Олег с трудом оторвал от себя цепкого Дробинина и повернулся на знакомый голос.

- Не помешала? – улыбнувшись, переспросила Олеся.

- Да что вы! – опомнился первым Дробинин, поправляя ветровку.

В маленькой чёрной шляпке, сдвинутой на затылок, с выбившимся озорно из-под неё выющимся каштановым локоном, отмеченным Олегом ещё в первую их встречу, коротком лёгком плаще и светлых кроссовках Олеся стала как-то сразу меньше, миниатюрнее: так грубо одежда скрыла её воздушность и грациозность.

У Дробинина челюсть невольно поползла книзу. Олег незаметно пнул его в бок. Тот сразу же приосанился, плотно сжав губы.

- Познакомься, Олеся, это Олег.

- Ещё один Олег? – шутливо переспросила она.

- Ещё один. Нас много – Олегов, и никуда от нас не деться, - нарочито серьёзно проговорил Олег, делая воздушный реверанс в сторону Дробинина.

- Много, много, - почти не разжимая губ, подхватил Дробинин, низко склонив голову.

Олеся залиvisto засмеялась, проявив две маленькие ямочки на щеках.

Видя, что Дробинин просто пожирает Олеся своими хищными глазами, отчего лицо её зарозовело, Олег решил спасти положение и выводить его из неожиданного оцепенения.

- Ты не передумал ещё долги Родине отдавать? – громко спросил он.

Дробинин нехотя перевёл на него взгляд и сказал коротко:

- Уже ушёл.

Но сам тем временем не сдвинулся с места.

- Ну и мы пойдём, - решительно подытожил Олег и тронул Олеся за руку, тихонько подтолкнув её к выходу.

Когда Олеся отвернулась, Дробинин поднял кверху большой палец и многозначительно потряс им в воздухе, выражая тем самым своё крайнее восхищение от увиденного. Он так и простоял неподвижно на одном месте, пока они не растворились за дверью...

Олеся торопилась, крепко взяв Олега под руку. Без каблуков она стала ниже ростом и как-то по-детски беззащитной. Олег понимал её нетерпение заплатить поскорее за обучение и наконец-то облегчённо вздохнуть: я студентка. Он не хотел торопиться, но всё-таки покорно семенил рядом, часто поглядывая вниз, чтобы не наступить Олесе на ноги.

- Как спалось у профессора? – склонив голову и заглядывая ей в лицо, поинтересовался Олег.

- Кажется, хорошо, - немного подумав, ответила Олеся и, прижавшись к его плечу, зашептала, хотя рядом никого не было:

- Она будет меня ругать.

- За что это она такую хорошую девочку будет ругать? – так же шёпотом подыграл ей Олег.

- Она велела мне утром чаю попить, а я сбежала.

- За это я бы тоже тебя поругал, потому что старших нужно слушаться.

- Я исправлюсь, честное слово, - твёрдо пообещала Олеся, потрепав руку Олега.

И Олег почувствовал вдруг, как хорошо и легко становится у него на душе от общения с Олесей. Он заметил, что и она стала более раскованно вести себя с ним. Он ещё боялся признаться себе в том, что их дружеские отношения перерастают во что-то большее, гораздо близкое, чем простая дружба. Но он не мог взять и ни с того ни с сего прямо спросить об этом Олесю. Он скрывал своё тайное желание разобраться в её чувствах и твёрдо решил не торопиться, чтобы не ошарашить её своим внезапным вопросом, не растоптать в одно мгновение её уважения и доверия к нему. Ведь чувства не вырастают на пустом месте, хотя и кажется порой, что не нужно никаких слов, а достаточно одного только взгляда, чтобы с предметом своего обожания возлюбить и весь грешный мир, благодаря Бога за эту встречу, прекрасно понимая, что просто так в этом мире ничего не даётся.

И на вокзале, провожая Олесю домой, он был на удивление спокоен и говорлив. Олеся взяла с него клятвенное обещание, что он обязательно позвонит ей и непременно встретит на осенней сессии. Она коротко поцеловала его в губы, отчего Олег ошалело застыл на месте, и долго ещё простоял так неподвижно, тупо улыбаясь вслед исчезающему вдали автобусу...

XVIII

Пролетело лето, с вечными хлопотами и заботами, пролетело незаметно и тягостно. Сентябрь ознаменовался частыми, долгими и шумными дождями, отчего будни превратились в тёмные и невыносимо однообразные. Листва почти вся уже облетела, и полуголые ветки кособоких клёнов напротив дома нервно вздрагивали, лишённые своего пёстрого наряда раньше всякого срока отравленной, загаженной атмосферой. Влажный воздух врывался в открытую форточку не чистым пахучим, как в пору его детства, озоном, а какой-то кладбищенской сыростью, свойственной ранней весне. Разбредаящиеся в такое ненастное, сырое время мысли настойчиво возвращались к воспоминаниям, не желающим выходить за пределы комнаты и дома. Он подолгу лежал теперь в постели с открытыми глазами, исступлённо глядя на произвольно выбранный участок потолка. Воспоминания об Олесе не уходили, не растворялись в глупых надеждах и мечтах, отчего становилось всё мучительнее просыпаться по утрам не в спальне своего родного дома, а в институтской аллее среди огромной поляны сказочных ландышей, чувствовать спиной нервную дрожь от нежного прикосновения её прохладных волос, настойчивое, но мягкое пожатие руки, тёплое ровное дыхание и с упоением целовать её припухлые детские губы. Из каких неизведанных и недоступных чувственных глубин проявляются эти особенные чувства, совершенно самостоятельно, без всякого волевого участия, чтобы ошарашить, сбить с толку, поразить своей мощью и непредсказуемостью, как будто это твоё второе «я» решительно вызывает тебя на решающий мучительный поединок чувств и страстей, ни спрятаться от которого, ни избежать невозможно. Может быть, это самая жестокая, но

благодатная кара за наши грехи, за наше равнодушие к собственной жизни.

XIX

В город Олег приехал довольно рано. Октябрьское утро выдалось сухим, но прохладным. Он аккуратно захлопнул входную дверь и тут же остро ощутил какую-то необычную тишину и пустоту в квартире, поставил на пол сумку с вещами, включил матовый светильник, висевший рядом с дверью на толстом, загнутом кверху гвозде, и осмотрелся. Вещей на вешалке висело меньше обычного, на столе перед зеркалом не валялось никакой мелочи, вроде ключей, расчёсок, косметики и многого другого, что должно находиться на глазах постоянно. Он нерешительно заглянул в соседнюю комнату: и там было всё убрано и неприкасаемо расставлено на свои места. Смутная тревога стала нарастать в нём, нехорошие, пугающие мысли, посетившие его почти сразу же, как только он переступил порог квартиры, стали торопливо заполнять всё его сознание: обои на стенах были те же самые, в мелкий бледно-розовый цветочек, мебель стояла на тех же местах, что и прежде, - значит, ремонта в квартире не делали, но он остро чувствовал, что что-то не так стало теперь в этой небольшой угрюмой квартире, оживавшей безрадостным смехом лишь в редкие, почитаемые всем народом праздники. Почему-то затаив дыхание, как будто вторгаясь без разрешения на чужую запретную территорию, он медленно открыл тонко и жалобно запищавшую дверь платяного шкафа и тут же, наконец, понял, что именно его встревожило: в комнате не было вещей Дарьи. Со стены исчез толстый ковёр, привезенный молодым вместе с приданым.

Олегу стало не по себе, хотя Дарья и была ему абсолютно чужим человеком, но его обуяла какая-то смутная

досада, словно это его ни с того ни с сего бросила жена, позарившись на другого, более благонадёжного и давно уже примеченного ею. «К этому всё и шло», - с горечью подумал он, припоминая вечер в кафе, ещё раз окидывая беглым взглядом комнату, словно надеясь, что зоркие глаза его обнаружат хоть малейшую деталь прежней семейной жизни, окончательно теперь разрушенной решительным уходом Дарьи. «Сгинет теперь Вадим», - подумал Олег и лёг на диван. Встал он сегодня рано, но спать не хотелось, только какая-то непривычная усталость от длительной поездки сделала тело вялым и безжизненным. Он прикрыл глаза, и тело, лишившись притяжения земли, поплыло куда-то в пустоту, где непозволительно смело властвуют только безудержные мысли и чувства. Теряя постепенно ощущение времени, увлекаемый всё дальше и дальше в спокойную бессознательную бездну, он вдруг услышал громкий хлопок в прихожей и резко вскочил с дивана. Сознание ещё не вернулось к полному ощущению реальности, но в голове мелькнула и тут же исчезла безнадёжная, но единственно разумная мысль: «Дарья что-то забыла забрать...»

Олег выглянул в коридор. Чернее тучи на пороге стояла тётя Вера. Тёмные круги под глазами и глубоко врезавшиеся морщины, сразу же превратившие её в древнюю старушку, говорили о мучительном перебаливании ею случившегося горя. За её спиной, гладко, до синевы выбритый, с редкими чёрными усиками и, что самое удивительное, совершенно трезвый, угрюмо возвышался Вадим, как будто внезапный уход жены несколько не смутил и не разочаровал его, а наоборот – вернул к жизни. Вадим застыл, не решаясь обойти стоявшую впереди мать. А тётя Вера некоторое время безучастно смотрела остекленевшими безумными глазами на опустевшую вешалку, потом моргнула и перевела взгляд на Олега. Глаза её

увлажнились, и она громко безутешно зарыдала, захлёбываясь слезами и часто сотрясаясь грузным обмякшим телом:

- Олег, хоть ты нас не бросай!

Вадим виновато опустил прояснившиеся глаза в пол, не двигаясь с места. Олег ступил в прихожую, и тётя Вера, уронив безвольно руки, рухнула к нему на грудь.

XX

Горе всегда приходит именно тогда, когда его совершенно не ждёшь, когда до последнего момента упорно не веришь, что что-то плохое, страшное, нарушающее привычное восприятие действительности, может случиться с тобой, грубо и жестоко выбивая из жизненной колеи, ведь ты не вор, не убийца, не желаешь откровенно и открыто величайшего зла всему необъятному миру или отдельным его особям, хотя, конечно, бывают тягостные минуты озлобленности на кого-то или на что-то, мешающее жить спокойно, без перенапряжения, когда упорно не хочется видеть вину в неожиданно происшедшем только в себе самом, потерянном и необоснованно забытом. Но такая озлобленность быстро проходит, сердце смиряется с осознанной теперь мелочью обиды или утраты, ведь жизнь продолжается и нужно жить дальше, учась на собственных ошибках, иначе всё труднее и труднее станет отличать «хорошее» от «плохого», «сиюминутное» от «вечного», «великое» от «бездарного». Олег искренне жалел тётю Веру, что уход Дарьи болезненно и обидно сразил в самое сердце её безмерную материнскую любовь к сыну, безрассудно плывущему по всё сужающейся для него реке времени. Как часто сложившаяся или складывающаяся жизнь наша представляется нам единственно возможной и неопровержимо

правильной, и как горько мы убеждаемся потом в том, что можно было повлиять на свою драгоценную жизнь одним только небольшим усилием воли, что нельзя равнодушно плевать на неё с высокой колокольни. И тогда всё пошло бы гораздо иначе. Трудно сказать, как отреагировал Вадим на уход жены, но уже тот факт, что он протрезвел, - говорил о многом.

Как мог, Олег попытался поддержать и успокоить тётю Веру какими-то общепринятыми словами и фразами, потому что Вадим отстранённо вяло ходил по квартире, как пришибленный, не говоря ни слова, только иногда глухо мычал, глядя на плачущую мать, не зная или не находя подходящих слов, чтобы притупить её материнское горе, вызванное его скотским поведением, хотя в большей степени оно касалось именно его...

В конце следующей недели закончится последняя его сессия, и тогда останется только приехать в конце декабря, перед самым Новым годом, получить долгожданный диплом. За день до этого должна будет приехать Олеся. Олег ни на секунду не забывал об этом, волновался, а тут ещё добавилось неожиданное горе тёти Веры, которую он больше жалел, чем непутёвого Вадима, хотя, может быть, вовсе и не Дарья была предназначена ему Богом в качестве второй половинки, и он теперь сполна платил за свою безрассудность и недалёкозоркость. Нельзя безрассудно уповать только на волю судьбы или случая. И мы сами куём свою судьбу, подаренную нам Создателем как программа – минимум, а величина вектора в положительную или отрицательную сторону зависит только от нас, от нашего терпения и усердия...

Олег ушёл незаметно, грустный и молчаливый, узнать расписание автобусов и немного отвлечься. Он пошёл пешком, хотя идти было довольно далеко, и вдруг вспомнил, что и сам не слишком-то задумывался о течении собственной жизни. Он жил, работал, заочно заканчивал институт, но не было большой

радости от этого, не чувствовал он глубокого удовлетворения от своей жизни. И что хорошего сделал он за свои двадцать восемь лет? Раньше он об этом даже не задумывался, не считая нужным, но теперь, с появлением Олеси, он как-то особенно остро стал ощущать окружающий мир, любые перемены в нём, и с интересом замечать малейшие перемены в себе. Он не представлял теперь жизни без Олеси, так сильно запало ему в душу сказанное вполне осознанно «пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому». Он думал, что и сам мог бы произнести такие значимые для него слова, но не произнёс, потому что, скорее всего, не познал ещё себя самого так глубоко, как это смогла сделать Олеся. Он постоянно думал о ней, мечтал, но представить её в роли жены почему-то не мог, как ни старался, словно мысль эта была совершенно лишней, неуместной и даже вредной, преступно манящей ежедневной возможностью видеть и всецело обладать предметом своего обожания и воодушевления, но в то, что от этого будет лучше, он почему-то не верил...

XXI

Солнце уже скрылось за двухэтажное белокаменное здание автовокзала, и всё обширное пространство платформ, накрытых широкими бетонными плитами, скрывающими людей от зноя и сырости, окунулось в серую тень, отчего какая-то смутная тревога, поселившаяся в нём с самого первого дня приезда, не оставила его даже волнительным ожиданием Олеси. Ему казалось, что вот сейчас она легко выпорхнет из автобуса, мило улыбнётся ему, и все дурные мысли тут же раз и навсегда покинут его ставшую слишком впечатлительной голову. Но автобусы приходили и уходили, а Олеси всё не было, и он уже

стал подумывать, что что-то нехорошее задержало её или, что того хуже, - она вообще не приедет. Он отвернулся и стал спиной к выстроившимся в ряд автобусам, остановив взгляд на почерневшей от времени покато́й крыше вокзала. На одной её стороне, прямо у самого края, сгрудились нахохлившиеся разномастные голуби, спрятав маленькие головки в мягких перьях, как будто чувствовали приближение ранних холодов, не желая терять драгоценное тепло покрывающегося к зиме прослойкой жира тела. Олег не чувствовал посвежевшего окружающего воздуха, он вообще ничего не чувствовал: он теперь был весь сплошное ожидание...

Олеся оказалась совсем с другой стороны, откуда никак не ожидал увидеть её Олег. В маленькой чёрной шляпке, коротком бежевом осеннем пальто и чёрных джинсах, с тёмной дорожной сумкой она появилась с правой стороны вокзала, поднялась на высокую пешеходную платформу и медленно пошла навстречу Олегу, замершему у самого края этой платформы. Подойдя к самому её краю и как-то вяло улыбаясь, Олеся развела в стороны руки. Олег обнял её обеими руками за талию и опустил вниз. Скованная осенней одеждой она стала казаться миниатюрной сказочной Дюймовочкой. Она доверчиво прижалась к Олегу, как ребёнок, ищущий защиты от жестокого, грубого и несправедливого мира. Сердце Олега учащённо забилось, и он даже закрыл от волнительного удовольствия и счастливо сбывшегося ожидания глаза.

Олеся мягко отстранилась и негромко спросила:

- Давно меня ждёшь?

Олег задумался на мгновение и так же негромко ответил:

- Может быть, всю жизнь...

Олеся подняла на него потухшие печальные глаза, и Олег увидел, что они вот-вот исказятся уже готовыми вырваться наружу слезами.

- Идём, - сказала Олеся, протягивая Олегу сумку.

Он взял сумку и спросил:

- Что-то случилось?

Олеся моргнула, и крохотная слезинка скатилась по щеке.

Олег снова прижал её к себе, уже сильнее, чтобы она окончательно не разрыдалась.

- Расскажи, что произошло? – настойчиво, но мягко попросил он.

Олеся всхлипнула, повернула голову набок и нехотя заговорила:

- С отцом у нас проблемы. Я хочу, чтобы он ушёл.

- Пьёт? – спросил Олег первое, что само собой пришло ему в голову.

- На маму он кричит, оскорбляет её.

- Я конечно не специалист в семейных делах, - начал неуверенно Олег, - но практически все люди ссорятся, ругаются, иногда даже дерутся, но потом, образумившись, мирятся и живут долго и счастливо.

- У нас счастьем и не пахнет, - сказала печально Олеся и тяжело вздохнула, покачивая головой. – Всё началось ещё летом. На работе у него какой-то праздник отмечали, выпили там, конечно, домой пришёл он поздно, навеселе, чего раньше за ним не замечали. Взахлёб, плохо выговаривая слова, рассказал маме, что они заспорили на работе о предначертанной судьбе для каждого человека, но к общему мнению не пришли и решили разрешить спор у местной гадалки: есть у нас такая баба Галя, я мимо её дома даже ходить боюсь. Как-то неестественно тихо всегда у её дома, как на кладбище. Так вот она сказала отцу, что мама вовсе не его судьба и что на нём какой-то приворот. Раньше он был весёлый, разговорчивый, а с того злополучного дня стал вялым и хмурым, точно его подменили, к

соседке нашей одинокой стал захаживать, а сейчас и ночует у неё – маму позорит.

- Выходит – не по своей воле: приворожили его, значит не специально он куролесит, - попытался вступить за отца Олег, и вовсе не из-за мужской солидарности. – Я видел его, и мне показалось, что он хороший человек.

- Был хороший, - с горечью сказала Олеся.

- Ему помочь нужно, Олеся, он ведь сам не понимает, что творит.

- Не верю я ни в привороты, ни в заговоры, - твёрдо и резко сказала Олеся. – Он просто повод нашёл, чтобы нас бросить.

- Напрасно ты не веришь, Олеся, - многозначительно проговорил Олег, - в жизни много бывает такого, что ни в сказке не прочитаешь, ни в страшном сне не увидишь.

- Я не могу больше так жить. Я только хочу, чтобы он ушёл.

Она положила руки Олегу на плечи и уткнулась головой ему в грудь.

Олег отыскал под шляпкой её прохладные волосы и погладил их, не в силах больше ничем помочь.

- От судьбы не уйдёшь, - одними губами прошептал Олег.

Олеся услышала и подняла голову.

- Давай куда-нибудь от неё уйдём, хотя бы в кино?

- Давай уйдём, - согласился Олег, - «Пятый элемент» сейчас идёт, говорят – неплохой фильм...

XXII

Олеся безучастно сидела на мягкой грязно-оранжевой скамейке. Олег всё время держал её за руку, точно боялся, что она внезапно встанет и уйдёт. Он с опаской озирался по сторонам, ему казалось, что все как-то странно поглядывают на них, как будто они делают что-то непозволительное, неприятое, неприличное для данного культурного заведения. Такие же изучающие косые взгляды он ощущал на себе ещё в фойе, как будто он был старым, выжившим из ума болваном, совратившим молоденькую красавицу, или вместо нормальной одежды на нём висели грязные лохмотья. Вполне возможно, что внимание было обращено вовсе не к его персоне, но как бы то ни было, ему хотелось поскорее войти в зал и раствориться в его спасительной темноте. Он рассмотрел каждую веточку и тёмно-зелёный упругий листочек на крепко вросшем в объёмную деревянную кадку лимонном дереве. На бледно-розовых стенах висели копии картин Сальвадора Дали, и Олег подумал о том, насколько глубоко и точно изображал художник исковерканный до неузнаваемости сырой внутренний мир человека.

Как только закончился предыдущий сеанс и широко открылись высокие чёрные двери, являя взору тяжёлые вишнёвые бархатные шторы, Олег тут же вскочил и повёл в зал Олеся.

Длинные ряды шарообразных лампочек по обе стороны довольно большого зала стали медленно гаснуть, застрекотал кинопроектор, матово вспыхнул огромный экран – начался фильм. Олег, стараясь несильно шуметь, распаковал купленные заранее солёные орешки, положил шуршащий пакетик на тёплые колени Олеси, придерживая его пальцами. Олеся внимательно смотрела на экран или только делала вид, что смотрит, изредка, не опуская головы, нащупывая на коленях орешки. Олег же

только мельком взглядывал на экран, совершенно не вникая в происходящее, и снова впивался в неё, в её скрытые темнотой, поблёскивающие далёкими печальными звёздочками глаза. Пржежий мир, знакомый и изученный им, как ему казалось, до мелочей, ворвался в его упорядоченную жизнь жутким ощущением новизны и абсолютного непонимания, ведь те чувства и желания, родившиеся в нём близким присутствием Олеси, которая даже не знает и не догадывается, какое бесценное обретение подарила ему одним своим появлением, не только возвысили его над самим собой, но и позволили прикоснуться к великому таинству божественной любви. Привычные звуки жизни, иногда томительные и надоедливые, приобрели вдруг особенные, не слышимые ранее оттенки, как будто кто-то всемогущий сменил на новую уже приевшуюся слуху затёртую старую пластинку. И мир стал совершенно другим, и жизнь потекла по-иному: радостно и возвышенно...

Он всё сильнее прижимался к ней плечом и наконец не выдержал и осторожно поцеловал её в краешек рта. Олеся двинула чуть ему навстречу безжизненно холодные губы, продолжая безучастно смотреть на экран или куда-то ещё, непостижимо далёкое, необъятное и недоступное для его напряжённого сознания.

XXIII

Время летело незаметно, невидимо, неосязаемо. Они вышли из душного тепла кинотеатра в свежий осенний сумрак и, не сговариваясь, пошли пешком по освещённой матовым светом двуглавых фонарей редкой, почти километровой аллее парка. Олеся стала вздрагивать всем телом, и Олег, сам

почувствовавший неприятную прохладу, заметив это, обнял её, шепнув:

- Так будет теплее.

Олеся не отстранилась, благодарно приняв его заботу, отчего стала совсем родной и близкой, и Олег уже подзабыл, что не так давно пытался сделаться единым целым с холодной крашеной стеной, как перехватывало дыхание и противно немел язык. Теперь это казалось ему обычным недоразумением, мимолётной потерей контроля над собой. Сейчас же Олеся спокойно шла рядом с ним, изредка ещё вздрагивая от непривычной после вчерашнего тепла колкой свежести воздуха, но он никак не мог осознать и окончательно поверить в то, что самые заветные мечты и желания могут чудесным образом сбываться. Но когда они сбудутся, что останется?..

Аллея закончилась, и они вышли к троллейбусной остановке. Любителей ночных прогулок было мало: полноватый парень с невообразимо худой девушкой с длинными распущенными волосами, касаясь друг друга головами, молча сидели на большой квадратной, собранной из толстых реек скамейке, накрытой пирамидальным железным зонтиком – грибком. Они полностью отключились от окружающего мира, радуясь долгожданной близости, или сладко дремали, измотанные дневной суетой. Несколько человек бесцельно толпились, убивая время, у ярко светящегося голубоватым светом ларька и безразлично пялились на выставленные под толстым стеклом газеты, журналы и всякую канцелярскую мелочь.

Олег взглянул на мутное небо, на котором кое-где сквозь резкий, режущий глаза свет длинных плоских уличных фонарей проглядывали редкие желтоватые звёзды.

Окончательно согревшись, Олеся склонила голову на плечо Олега. Он коснулся щекой её мягких холодных волос и

решил быть с нею до конца откровенным и выложить ей возникшие вдруг в его ошалелой голове неожиданно странные мысли.

- Ты должна остерегаться таких мужчин, как я, - негромко сказал он и сам удивился, зачем решил самому себе подписать смертный приговор.

- Почему? – ничуть не удивившись его словам, спокойным полусонным голосом спросила Олеся, приподняв голову с его плеча.

- Потому что я знаю, что нужно женщине, - продолжил добивать себя Олег, то ли выворачивая наизнанку все свои недостатки или проверяя её чувства к своей персоне. – Я могу общаться, пудрить мозги...

Он бы и дальше продолжил неизвестно откуда взявшийся поток самобичевания, но Олеся перебила его:

- Ты думаешь, что я не смогу постоять за себя?..

В полупустом троллейбусе Олеся села на заднее сиденье, Олег же садиться не стал, а стоял лицом к ней, перегнувшись через провисший посередине поручень, нежно сжимая своими большими мужскими руками её маленькую горячую ладонь. Свет в троллейбусе не горел, но врывающиеся сквозь большие окна распухающие розоватые сполохи придорожных фонарей вырывали из мрачного и дребезжаще – гулкового нутра троллейбуса её лицо, и тогда Олег видел, как блестят её глаза, как загадочно приподняты думами о чём-то хорошем уголки губ. Ему захотелось что-то сказать, но все слова почему-то закончились или разбредлись неизвестно по каким глубинным и недоступным в данный момент уголкам памяти. Он погладил её руку, но так и не нашёлся, что сказать...

Ночь уже полностью овладела миром: деревья слились в мутный бесформенный ком, монотонно жужжали фонари, на небе исчезли появившиеся было редкие звёздочки, хотя сырости

не ощущалось и ничего не предвещало дождя. Только бездверные прямоугольники подъездов кособоко указывали путь к теплу и тайному, отделённому тонкими стенами от посторонних глаз спокойствию квартир.

У подъезда Олеся остановилась, точно раздумывая: её ли это подъезд, входить или остаться? Олег же по-своему истолковал её замешательство:

- Я пойду, - нехотя сказал он, глубоко засунув руки в карманы.

Олеся испуганно обернулась.

- Оставайся... Старика нет дома, а завтра утром, пораньше, мне нужно будет, хоть и не хочется, ехать домой – забыла документы. Оставайся, - повторила она ласково.

Сердце Олега сначала ухнуло куда-то в бездну, а потом бешено заколотилось, пытаясь вырваться из груди. Он никак не ожидал этих слов, безумно желаемых им с самого момента его приезда, но тут же гнал их прочь, чтобы не ляпнуть чего и не показаться слишком навязчивым. Олеся или прочитала по его слишком уж посерьёзневшему лицу его мысли, или стала воспринимать его как близкого, дорогого человека. Долго и мучительно ищут по свету друг друга одинокие души, ищут до последнего дыхания, когда висящая на волоске жизни надежда перестаёт быть соучастницей и спутницей безутешного поиска земного счастья...

Олеся разоблачилась первой, и пока Олег опасливо раздевался в незнакомой квартире, туго соображая, куда поставить обувь и повесить верхнюю одежду, заварила чай.

- Проходи на кухню, - бросила она, прошмыгнув в соседнюю комнату.

Олег из оклеенной сымитированными под красный кирпич свежими обоями прихожей с большим прямоугольным зеркалом над коричневым бездверным шкафчиком для обуви на

цыпочках, словно кому-то мог помешать, прошёл туда, куда указала ему Олеся. Кухня оказалась не больше прихожей. Всё самое обычное: эмалированная мойка, четырёхкомфорочная газовая плита, водогрейка с маленьким закопчённым окошком посередине, белый кухонный стол, накрытый свежей в бело-голубую клеточку клеёнкой, на котором стоял никелированный чайник с тремя фарфоровыми чашками и вазочка с печеньем, три небольших, похожих больше на детские стула. В ней с трудом можно было разойтись вдвоём.

Олег присел на ближайший стул, оказавшийся, несмотря на детский размер, внушительно крепким, всё ещё изучающее осматривая комнату.

Вошла Олеся в длинном и тонком ярко-голубом халате.

- Извини, у меня кроме чая больше ничего нет, - виновато сказала она, пододвигая к Олегу чашку.

- А больше ничего и не нужно, - успокоил её Олег.

Олеся маленькими глотками выпила полчашки, встала и вылила остальное в раковину. Олег залпом опрокинул оставшийся тёплый чай, аккуратно поставил чашку на стол, звонко кашлянул, отгоняя волнение, и сказал негромко, протянув к ней руки:

- Иди ко мне...

Олеся послушно шагнула вперёд, мягко опустилась к нему на колени, положив одну руку на плечо, и спросила, улыбнувшись:

- Не тяжело?

- От одного чая ты скоро станешь как пёрышко, - заботливо сказал он и ласково погладил её по щеке. – Какая ты бледная и замученная.

Он прижал её к себе и стал размеренно покачивать, как убаюкивают разволнованных маленьких детей.

- Я так усну, - шепнула Олеся. – Пойдём, я тебе фотографии покажу и заодно разложу вещи.

- Пойдём, - нехотя согласился Олег, выпуская её из своих объятий.

Просторный зал, оклеенный бежевыми в светлорыжевую полосу обоями, вмещал в себя длинную пятисекционную стенку с кое-где отколотыми уголками, цветной телевизор на трёхэтажной пузатой тумбочке такого же рыжевого цвета, как и стенка, журнальный столик с хрустальной вазой, пышную софу-полторку, прикрытую толстым в крупную зелёную крапинку покрывалом. Над софой красовался огромный, вытканый разноцветными ромбами ковёр.

Олеся подала ему два не очень пухлых фотоальбома, а сама стала разбирать сумку. Олег взял альбомы, чувствуя, что сейчас увидит запечатлённые мгновения чужой, но теперь такой дорогой для него жизни. Олеся быстро разложила вещи, придвинулась к нему вплотную и стала весело рассказывать, кто, где и с кем запечатлён. Олег увидел её маму и младшую пятилетнюю сестрёнку: розовощёкая, глазастая, с огромным белым бантом в пшеничных волосах, - она была ещё красивее Олеси. Она, заметив, что Олег задержал взгляд на этой фотографии, спросила:

- Правда красавица?

- Просто куколка!

Олеся засмеялась, плотнее прижавшись к его плечу.

Когда фотографии закончились, Олеся глубоко вздохнула.

- Устала? – участливо спросил Олег.

Она молча кивнула и встала.

- Ты раздевайся и ложись, а я скоро приду, - дрогнувшим голосом сказала она и вышла из комнаты.

Олег быстро разделся и шмыганул под плотное тяжёлое одеяло. За не слишком ещё длинную жизнь у него были женщины. Они по-доброму, ласково относились к нему, радовались встречам, и Олегу казалось, что это и есть счастье, - тихое, без бурных ревностных сцен и взаимных упрёков. Но так ему казалось тогда, когда, пообщавшись некоторое время и дотянув приятные отношения до постели, они мирно расставались, потеряв прежний интерес друг к другу, порой становясь незнакомыми прохожими, каких встречаем мы на улице каждый день. Теперь же он стал как-то острее осознавать, что, переступив последнюю сладостно волнительную черту сложных человеческих взаимоотношений, он непременно что-то терял, и после страстных, всегда трепетно ожидаемых минут слияния, чувствовалась предательская опустошённость, словно душа совсем не этого желала и не об этом мечтала и потому не хотела успокаиваться и смиряться с обманчивой действительностью. Не нравилась его душе такая сиюминутная любовь. Он мучился, но никак не мог понять заветного желания загадочной души своей. Его стала бить нервная дрожь и от холодка кровати, и от накотившегося на него страха, что очень скоро он окажется так близко с Олесей и вот-вот произойдёт их окончательная близость, после которой уже никто и никогда не сможет разлучить их.

Олеся тихо вошла в длинной до самых пят серебристой атласной ночной рубашке и погасила свет. Сердце Олега забилось чаще и тяжелее, так, что ему показалось, что не только он слышит своё растревоженное сердце, но и до Олеси долетают его стремительно усиливающиеся волны, когда его уже согретшегося тела коснулась её мягкая прохладная материя, и терпкая ландышевая свежесть помутила ему рассудок. Он положил ей на плечо дрожащую руку и замер.

- Мешает? – доверчиво спросила она.

- Да, - только и смог выдать из себя Олег.

Одним движением Олеся стащила с себя приятно зашуршавшую материю и, бросив её на пол, ещё крепче прижалась к нему. Жар её тела слился с его вспыхнувшим телом, и он блаженно и радостно прильнул к её мягким губам. Рука с её плеча сама собой поползла вниз, наткнулась на скользкие выпуклые бретельки и остановилась. Олеся не шевелилась, боясь сделать лишнее движение и не зная, что нужно сделать. И Олег растерялся, сам не соображая, что же делать дальше. Он медлил, а Олеся в полудрёме ждала от него чего-то решительного, полностью отдавая себя ему первый раз в жизни.

- Зачем ты меня мучаешь? – прошептала она.

- Прости, - только и промямлил он.

Но Олеся его уже не слышала: она тихо спала, а Олег только чувствовал её тёплое дыхание. Он плотно зажмурил глаза, проклиная себя за внезапную слабость и нерешительность, чего за ним не наблюдалось раньше, словно кто-то невидимый, но могущественный не позволил ему нарушить чистоты и непорочности чудесного божьего творения. Сковавшую было его сонливость как рукой сняло. Он осторожно повернул голову набок и взглянул в окно. На улице горел единственный во дворе круглый фонарь, мягко и расплывчато освещая замершие, как на картине, длинные и худые кусты сирени. Замер воздух, выжидающе молчала, ни единым звуком не возмущаясь, ночь - природа завидовала ему, не мешая его счастью ни малейшим движением густых веток, восхищаясь их пленительной молодости и всё ещё ожидая от него чего-то решительного и важного. В доме напротив, возвышающемся сразу же за детской площадкой, горело одиноко, но ярко большое, пустое, задёрнутое только тюлем окно. За этим горящим окном кого-то с нетерпением ждали, или долгожданная встреча наконец состоялась, и не он один не может сомкнуть глаз в такую тихую

безлунную ночь. И эта бесцветная серость ночи казалась ему теперь самой цветной и роскошной, и невозможно до конца насладиться этим внезапным спокойствием, этой бесконечно счастливой близостью, никем и ничем не нарушаемой. Он уже ничего не мог поделать и не позволил бы никому потревожить растворившуюся в темноте и жарком тепле его тела Олесю. Пропало ощущение бесконечной молодости, непременно присутствующее и живущее в нём днём и ночью, в испепеляющий зной, в непрекращающиеся по несколько дней срывные ливни, в бури и метели. Воспарившая в один прекрасный, известный только ему одному день душа его не могла остановиться ни на мгновение, не могла не замечать меняющегося ежесекундно мира, как будто он мчался на скоростной электричке, в которой сам же и был машинистом и для которой не существовало конечной остановки, от сотворения мира именуемой в поднебесье привычным, доступным, но непонятным словом «смерть». Молодость не может прекратиться, внезапно прерваться, если душа живёт и расцветает всё пышнее и великолепнее; она упорно не желает успокаиваться, «оседать» (годы того требуют), боясь не увидеть всего прекрасного, что непременно случится впереди. Но теперь поезд его вдруг резко замедлил ход, как будто в нём раньше срока износились детали, а запасных частей просто не существует, и по этой причине начался неизбежный процесс торможения, процесс осеннего увядания, всегда приводящий только к одному: всепоглощающему холоду и вечному молчанию. И на него вдруг нашло озарение: не стоит жалеть тех, что раньше срока покидают цветущий и благоухающий поезд молодости, потому что они и сами себя не жалеют; они спокойно сходят на невидимой для непосвящённых станции, прекрасно зная, понимая и принимая, что ничего изменить, исправить невозможно.

Под утро, обессиленный и измученный неподвижным лежанием и тяжкими думами, он всё-таки задремал. И когда стали проявляться из темноты ещё расплывчатые очертания комнаты и мебели, а фонарь часто заморгал, он во сне повернулся на бок, чем разбудил Олесю и проснулся сам.

- Уже утро? – сонно спросила она.

- Наверное, - приоткрыв глаза, неуверенно ответил Олег.

- Ты всю ночь не спал? – заволновалась Олеся, нежно погладив его по щеке.

- Не знаю, - честно признался Олег, убирая с её разгорячённого сном лица волосы.

- Не хочется вставать...

- Не хочется...

Протяжно и громко из прихожей донёсся настойчивый звонок в дверь. Олег вздрогнул от неожиданности и пролепетал:

- Хозяин вернулся?

- Нет, не пугайся, это подруга за книгами заехала.

Она проворно соскочила на пол и босиком побежала открывать.

В комнату она вернулась уже в халате, села на край софы и задумчиво сказала:

- Она видела мужские вещи, что теперь обо мне подумает?

- Ничего не подумает, - уверенно произнёс Олег, - мы же никакого преступления не совершили...

XXIV

- Ты сегодня молчалив, - уже на улице, не оборачиваясь, сказала она. – Это оттого, что я уезжаю?

- Оттого, - понурив голову, ответил Олег.

Он не знал, что ещё сказать, ведь это будут всего лишь слова, а ему не хотелось, чтобы волнительные и сладостные чувства покинули его, облекшись в привычную, до боли знакомую радужную оболочку слов, приятных слуху, но таких бесконечно далёких от полного соответствия, для чего и десяти жизней будет мало. Но на что-то всё-таки нужно решиться, что-то сделать, и он нервно перебрасывает из руки в руку полупустую сумку с вещами. Вернулось горькое чувство досады на себя за вчерашнее, и хорошо, что Олеся идёт впереди и не видит его, кусающего губы и мучительно соображающего, что сказать, ведь время уходит, и можно упустить, не успеть сказать что-то очень важное, что в будущем может оказаться самым главным моментом в жизни. Олег спотыкается нечаянно о бетонный бордюр и, взмахнув свободной рукой, сохраняет равновесие. И этого Олеся не видит: она всецело занята своими мыслями и думами. Многое отдал бы Олег за то, чтобы узнать, прочитать хоть некоторые из них, и впервые в жизни он пожалел, что не обладает даром телепатии.

Уже на остановке она обернулась, широко раскрыла глаза и пропела:

- Не надо печалиться...

- Вся жизнь впереди, - продолжил Олег слова хорошо знакомой ему песни и попытался улыбнуться.

Но только одна половина губ приподнялась, отчего получилась не улыбка, а ухмылка...

В шатком и натужно завывающем на каждой остановке троллейбусе он одной рукой крепко держался за поручень, а другой обнимал её за талию. Всё её тело было напряжено – рука Олега это хорошо чувствовала. Олеся смотрела в окно, а он неотрывно смотрел на неё. Ему было странно признавать то, что на этот раз расставание с Олесей не вызывало в нём столько горечи и тоски, как в первую их разлуку. Как-то само собой

подумалось: почему именно в тот памятный день и час, нагретый до беспамятства раскалённым солнцем, неизведанные пути их чудесным образом пересеклись. И страшно даже представить, что этого никогда бы не случилось, если бы он вдруг смертельно заболел или сестра переменяла своё трепетное желание непременно получить высшее образование. Ничего подобного не произошло, значит это кому-то было нужно, значит пришёл и его черёд узнать и испытать свою истинную внутреннюю сущность, доселе согласно и терпеливо молчавшую относительно всех его решений и походов. Именно в такие роковые минуты в одухотворённом человеке просыпается творец, готовый к любым лишениям и испытаниям, только бы не исчез так же внезапно, как и появился, этот упоительный божественный дар сполна ощущать себя в мире и целый мир в себе. И на вокзале, стоя перед ней, стараясь запомнить малейшее движение её красивого взволнованного лица, он вдруг сказал:

- Мне легко сейчас расставаться с тобой.

- А мне тяжело, - трогательно призналась она.

Она упорно не хотела заходить в выплунувший порцию гари автобус, даже когда водитель мягко напомнил ей об этом, как будто хотела оттянуть, бесконечно продлить это тягостное для неё расставание. Её добрая заботливая душа наверняка предчувствовала, что такие минуты больше не повторятся.

Автобус рыкнул несколько раз протяжно и противно громко и тронулся, а она всё смотрела и смотрела на его спокойную, неподвижную фигуру. Он был ненормально спокоен, но когда в тебе неожиданно просыпаются такие сильные чувства, о существовании которых ты даже и не догадывался, то ты начинаешь подозревать, что нечаянно соприкоснулся вдруг с чем-то ещё не понятным и неосознанным, что ни понять до конца, ни выразить словами невозможно. Вполне возможно, что это и есть невидимая и загадочная работа

души. И только теперь ты начинаешь с грустью понимать, как много потерял, не увидел, не заметил в прежней своей жизни, и как трудно, но с какой волнительной радостью хочется восполнить потерю, наверстать упущенное. И это внезапное обретение счастья, осознанное до боли в сердце, нельзя удерживать, нельзя присваивать себе одному, нельзя трогать руками, потому что, посаженное в клетку норм поведения и каждодневных обязанностей оно теряет свою божественную силу, яркость и притягательность, перестаёт дарить радость, ощущение безмерной любви ко всему миру, о которой до хрипоты в горле хочется немедленно поведать, воздев руки к небу. Счастье, настоящее счастье коснулось его чувствительного сердца своим ангельским крылом, готовое отдаться ему полностью, без остатка, и он не нарушил его целостности, потому, наверное, и помнится всю оставшуюся жизнь настоящая, неопороченная животной похотью любовь.

Она не произнесла вслух тех заветных слов, которые он мечтал услышать, но он, уже немного повидавший жизнь, почти явственно прочитал их в её счастливых глазах, в её согласном молчании. Она ещё очень молода, а он не был уверен, что её привязанность к нему не окажется обманчивой влюблённостью. Рано или поздно это безусловно выяснится, но тогда он уже точно не сможет этого пережить. Она увезла с собой его последнее желание. Он расстался с нею, чтобы не обманывать, не мучить, чтобы не заставлять пережить то, что пережил он, обретя то великое, ради чего и пришёл на эту землю.

Пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому.

РАССКАЗЫ

ЛЕБЕДИ

Речка Масловка осторожно перекачивала золотистые свои воды, негромко бубнила у берега, когда появлялись от внезапного порыва ветра морщинки на ее глади, и ветер тут же спешил спрятать их в худосочных стеблях прошлогодних камышей, скрывая, как истинный кавалер, настоящий возраст своей давней подружки.

В камышах в большом количестве водились утки-чирки, и Микола, когда выпадало свободное от хозяйства время, подкарауливал их со своим короткоствольным карабином, но подстреливал редко и всегда не более двух штук. Гораздо больше ему нравилось наблюдать, как поднимается серой тучкой стайка уток и, ухнув по воздуху своими короткострельными крыльями, тут же ныряет в соседнее камышовое полестье.

Жена с ухмылкой принимала дичь из рук добытчика-мужа; только на обед ее и хватало, но она всегда делала это без причитаний и упреков, которыми ежедневно изобиловали «переговоры» соседа Петра со своей Настасьей. Но Микола по-доброму завидовал шумливым своим соседям. С раннего утра и до позднего вечера трое их детей, мал-мала-меньше, гомонили во дворе, иногда дрались, пока их возню не нарушал непререкаемо звонкий голос матери: «Домой!»

Соседские дети незаметно, как цветы, выросли и перебрались в город, оставив во дворе только кучу почерневшего в песочнице песка, расколотые пластмассовые детские ведерки и ржавую раму велосипеда. Но даже вид этого заброшенного детского озорства радовал душу Миколы, потому что своих детей у него не было. Аленка его, когда они только поженились, мягко предложила пожить пока без детей, для себя. Микола не стал возражать и настаивать, видя искрящиеся

лукавством и радостью бездонные зеленоватые Аленкины глаза, да и чего было ерепениться и раньше времени укореняться детьми в вымирающей и пустеющей деревне, ведь вся жизнь впереди, а за его крепкими плечами уже остались армия и сельхозтехникум. Теперь можно и отстраивать свое безоблачное будущее.

Но время шло, Микола терпеливо ждал, когда же Аленка порадует его увеличением семейства. А Аленка на вопросительные взгляды мужа только улыбалась, обнимала его своими худенькими бархатными руками и уходила стряпать на кухню, а Микола, понутив голову, шел отделяться по хозяйству. Одно время Микола по весне затосковал; как-то жутко вдруг стало ему оттого, что может исчезнуть с лица земли его звучная русская фамилия Соловьев. Он с завистью наблюдал за построившимся рядом семейством Петра, у которого в первый же год совместной семейной жизни звонко и требовательно завопил в доме крохотный Андрейка. Потом родились Светлана и Мишутка.

И к Миколе как-то сама собой из глубин подсознания явилась идея вырастить большой сад. Миколе так понравилась и въедливо запала в душу эта идея, сто он незамедлительно принялся за ее осуществление: съездил в соседний район за саженцами, и уже на следующий год сбоку огорода потянулись к солнцу крохотными листочками восемь саженцев.

Все свободные минуты Микола отдавал теперь своим так неожиданно, но так желанно родившимся детям. Он исхудал, забывая вовремя обедать и ужинать: щеки впали, нос заострился, а глаза и без того широко распахнутые миру теперь стали возвышаться над бледной холодностью лица двумя лучезарными наливными яблочками. В дом заходил иногда за полночь, и чтобы не тревожить спящую жену, перебрался спать в другую комнату. Аленка на это переселение ничего не сказала; она было

заволновавшаяся по поводу смурного настроения мужа, теперь видя его жизнерадостным и часто без причины улыбающимся, успокоилась; только изредка Микола ловил на себе ее странные недоумевающие взгляды.

Микола знал каждый листочек на еще тонких и хрупких веточках своих спокойных детей. И они тянулись и льнули к нему, когда он осторожно гладил узорчатые росистые листочки, согревая их теплом своей наполненной до краев любовью души в туманные зябкие дни. Когда они заболели, покрываясь плесенью или паутиной, он настойчиво лечил их раствором медного купороса, золой и другими препаратами, купленными им специально в райцентровской «Сельхозхимии».

Вернулась к нему молодецкая радость. Но не мог он рассказать о своей любви к детям глупой супруге, не потому, что не хотел, а потому, что не было в Миколкиной голове подходящих слов для описания этого райского чувства; он чувствовал эту любовь всем своим телом, всем своим существом, и потому при каждой встрече и расставании со своими взрослеющими, настойчиво тянущимися к свету, мужающими детьми, он крестил каждое Божье создание, желая здравия и процветания...

Снег стаял быстро, в два дня, чего на Миколкином веку еще не было. Кругом резко запахло сыростью прошлогодних листьев и кое-где уже проглядывали крохотные ярко-зеленые крапинки свежей молодой травки. Через несколько дней, подогреваемая ослепительно ярким и жарким солнцем, травка подтянулась, слилась в сплошной изумрудный ковер, пряча у самых своих корней бледность и серость прошлой холодной сырой осени.

Каждое утро теперь, когда солнце только показывало из-за посеревшего соснового леса свои округлые богатырские плечи, еще не сбрасывая мутного ночного покрывала, Микола

ковырялся в саду: повторно перекапывая грядки, рыхлил землю около молоденьких саженцев-двухлеток, которые в этом году должны будут крепко пойти в рост. Микола поможет им набрать силу, подкормив щепоткой удобрений, прекрасно зная, что тут кашу маслом можно подпортить. Потом будет обход богатого хозяйства: коровы с теленком, поросят, кроликов, кур и уток.

К половине восьмого Микола облачался в промасленную робу и шел на мехбазу готовить к выезду не посевную свой давно уже списанный «Беларус» и только благодаря его тихому нескоростному с ним «общению» еще работавший сутками в поле.

Раннюю весну приветствовали и птицы, хотя такое быстрое потепление могло быть обманчиво. Но журавли уже протянули по просветленному небосводу свои говорливые мосты на Родину, расчеркивая небесную гавань настрого ровные геометрические фигуры. Как только Микола ловил своим чутким ухом приветливое курлыканье над головой, слышимое им даже сквозь стук ровно, хотя и натужно работающего мотора, он тут же останавливал трактор, глушил мотор, выпрыгивал из кабины и приветливо махал поднятыми к небу руками. Он чувствовал на своем лице плавное движение воздуха, текущего от широких, ритмично работающих крыльев изможденных долгим перелетом птиц.

Иногда прыгающего посреди поля Миколу заставлял бригадир, но не отчитывал его за простой, потому что знал, что слегка пришибленный природой тракторист всегда выполнит и даже перевыполнит суточную норму. Каждый год в Миколкином саду появлялись-рождались новые дети. Микола отчетливо и явственно осознал, что все в природе должно идти своим чередом — не галопом и не кое-как, и поэтому крепла в душе его вера в незрешность своей бесхитростной жизни, коли

после его телесного исчезновения останутся на земле, даруя первозданной чистоты воздух всей деревенской округе, его дети-деревья; и, как и было задумано Творцом, переживут они его - их отца и кормильца. С каждой весной он воочию видел, как наливаются живительной силой стволы-тела, как мускулятся, напоенные земным нектаром ветки-руки, теребя то прохладный, то жаркий воздух бесчисленным множеством листьев-пальцев.

Этой весной Микола решил выкопать на опушке леса, у самой речки, уже крепкий отгонок дикой груши. Миколу привлекал невысокий ствол дичков и их поразительная устойчивость к морозам. А потом, когда пересаженец приживется среди его теперь уже многочисленных детей в саду, он привьет к нему редкие сорта крупноплодных груш и получится первый в его саду букет близняшек, различных только по именам.

Солнце уже взошло над дальними холмами, где разлеглось черно-бурыми пятнашками, старательно пережевывая сочную молоденькую травку, стадо дворовых коров; умылась чуть теплым утренним светом гладь реки и на ней стали появляться первые улыбчивые барашки волн: это ветерок пришел поболтать со своей давней подружкой.

Деревенская ребятня в это прекрасное воскресное утро не лупила по мячу деревянной битой - ручкой от лопаты, а сгрудилась, о чем-то споря и галдя, у самой воды, когда Микола выбрался к ним из заросшей бурьяном лощины. Мальчишки стали беспорядочно швырять по воде земляными комьями, соревнуясь, видимо, на дальность булькающего броска, когда Микола вдруг увидел, как над толпой детворы, размахивая огромными крыльями, поднялись в воздух четыре белоснежные птицы, вытянув длинные шеи. «Это же лебеди», - екнуло у Миколы внутри.

- Вы что делаете, шпана! - закричал он не своим голосом, подняв над головой, сам не зная зачем, лопату.

Детвора, завидев обозлившегося дядьку с лопатой в руках, бросилась врассыпную. А лебеди, сделав плавный крут над крохотным островком посреди неглубокой речки Масловки, набрали высоту, жалобно, протяжно курлыкнули и растворились за холмом.

Микола выронил из рук лопату. Об этих божественных птицах он читал в «краеведении» местного учителя биологии, так живописно описавшего их красоту, что Микола сразу же воссоединил их в своем мозгу с Божьими ангелами. И вот теперь, когда он мог вдоволь налюбоваться этими чудесными созданиями, ангелы улетели, обиженные бестолковыми мальчишками.

Уже вечерело. Микола заглянул в сад, пожаловался своим детям на злобных деревенских мальчишек, которые с самого детства начинают признавать не власть красоты, а всевластие силы. Дети его покачали кудрявыми головами, сочувствуя раздосадованному отцу, и дремота незаметно унесла их в волшебную страну нескончаемого света и тепла. Микола же, перекрестив их всех, как обычно, на ночь, прихватил буханку хлеба и побежал к реке, надеясь, что лебеди простят непутевых мальчишек и вернуться.

И он не ошибся.

Ангелы вернулись, но только не все: вернулась одна пара, осматривая территорию вокруг острова.

Микола тихонько подобрался к воде и стал щипать и осторожно бросать прямо у берега хлеб, чтобы лебеди поняли, что их больше не будут здесь обижать. Он искрошил всю буханку, отошел подальше, лег на траву и стал наблюдать, как отнесутся к его гостеприимству такие дорогие гости.

Но лебеди так и не подплыли к берегу: они или не видели и потому не поняли, что Микола хотел их приветить вкусным свежим хлебом, или еще были обижены недавним холодным приемом...

Вернувшись домой, Микола уже на пороге почувствовал сильную внутреннюю тревогу, беспокойство; понял, что что-то в его доме изменилось: как-то по-особенному глухо хлопнули двери и не замычала в сарае корова, всегда чувствовавшая возвращение хозяина.

Микола прошел на кухню и зажег свет. На столе стояла большая фарфоровая тарелка уже остывших, покрытых корочкой масла пельменей, а под его любимой чашкой лежала записка: «Ушла к матери. Навсегда».

Микола повертел в руках клочок бумаги и опустил его на прежнее место. Он не испытал ни злости, ни горечи на свою половину, что она не собралась с духом и не сказала ему этих слов прямо в лицо. Может быть побоялась увидеть в его глазах еще тлеющий огонек надежды, но не любви, которой между ними уже давно не было.

Он вошел в опустевшую спальню. На него пахнуло неживой свежестью чисто выстиранного постельного белья и давно забытым теплом близкого родного человека. Какая-то минутная обида не соединившихся воедино надежд, мечтаний и желаний взбудоражила его тело, он сорвал со стены карабин и швырнул его за диван. На этом гнев его иссяк, но ком в горле еще мешал свободно дышать, и Микола распахнул окно.

Из-за взъерошенного напыжившегося леса тихонько выбирается на дорогу небосклона огромная бордовая луна. И... она улыбается! Да, именно улыбается! Нос вздернут кверху, как у задиристой девчонки, и туда же устремлены смеющиеся, лукаво прищуренные глаза. Но взобравшись на самую вершину, вдруг запечалится. Посмотрит на нас, горемычных, и

запечатлится: уголки рта опускаются вниз, тускнеют глаза, и хочется думать о чем-то тихом и вечном.

Думал о тихом и вечном и Микола, всматриваясь в мерцающие огоньки звезд на черной небесной вуали, вслушиваясь в спокойное дыхание травы и вытянувшихся под окном бледно-зеленых стрелок ландышей. Случилось то, что должно было случиться. Исчезла невидимая преграда, отделявшая его существо телесным притяжением человеческой страсти, неудовлетворенности; свалилась с его плеч неразделенная ноша семейного одиночества и растворилась, как туманная дымка, безликая любовь когда-то дорогого ему человека.

Впервые за многие годы Микола испытал неземное успокоение мятущейся души своей, не думая о сне, разделся и, не закрывая окна, залез под одеяло...

Прохладная ночь, навевная с севера неуступчивым скользким течением холодных воздушных масс, вдохнула в комнату через открытое окно туманную сырость спокойного нежно-розового утра. Воздух вздрогнул, осаждая на бурых, с бахромой отставшей огрубевшей кожицы стеблях малины и приплюснутых к земле широких рыжих лапах клубники мельчайшие бусинки влаги.

Микола вздрогнул от неожиданно-резкой свежести, которая, как в прошлом году, может еще и морозцем нежданно-негаданно пристукнуть уже набравшую силу растительность, но не стал закрывать окна, словно боясь, что проплывет мимо него, улетучится взродившаяся красота, живительный дар природы и кончится не его улице праздник.

Несколько минут он лежит с открытыми глазами, слушая как горланит бройлерский петух на насесте, начиная сольную партию ранних деревенских запевал.

Сосед еще не проснулся: не слышать бряцанья ведер, с которыми он каждое утро в одно и то же время, разбуженный внутренним будильником, кряхти и хрипло откашливаясь, идет кормить поросят, размеренно шлепая безразмерными калошами по узкой бетонированной дорожке.

Наконец Микола рывком сбрасывает в сторону одеяло, почти подбегает босиком к окну и высовывается наружу; утро ободряюще обжигает его сухое жилистое тело; от терпкой свежести перехватывает дыхание, начинает ломить в носу, и на глазах сами собой выступают слезы, — слезы радости.

Как велика Природа! Сколько бы мы не брали у нее красот она не становится беднее. Не скудеет Природа красками и нарядами и пока еще держит нас в своих невидимых объятиях.

Миколу хочется крикнуть на всю округу: не оскудеть и бы нам душевной теплотой и щедростью...

И он, наверное, крикнул бы, если б мимо дома не пробряцал на телеге Васятка-молоковоз. Сегодня он проехал мимо дома Миколы, даже не посмотрев в его сторону: без коровы семья - не семья, мужик - не мужик, - таков был его жизненный расклад. А Микола лишился коровы одновременно с женой; увела ее жинка с собой, может быть на память. Весть эта облетела всю деревенскую округу быстрее пушечного ядра, и кое-кто уже за глаза жалел обиженного судьбой работягу мужика.

Остановился Васятка у дома соседа, кликнул хозяина. Тот нехотя вынес двенадцатилитровое ведро молока, прилепывая ладонью не закрывающийся от дремоты рот. Васятка привычным движением перелил его содержимое в бидон, щелкнул крышкой, поставил галочку в своей потрепанной тетрадке и, присвистнув, покатил дальше. Сосед протер глаза и побрел отделяваться по хозяйству.

Так было вчера, так было сегодня и так будет завтра, и, может быть, также будет всегда, но только не для Миколы. Полегчало и даже как-то посветлело на душе у Миколы. И захотелось ему, ну прямо невтерпеж, поделиться с кем-то своей неожиданной радостью, своим вторым рождением. Он наспех оделся и, на ходу застегиваясь, засеменил до Петра.

Сосед наводил поросятам мешанку, когда в дверях вырос взъерошенный Микола, горячо заговоривший прямо с порога:

- Ты знаешь!.. на речке лебеди поселились. Микола перевел дыхание и глаза его по-детски загорелись неопишуемой радостью.

Петро как-то сочувственно поглядел на него, вытер пот со лба и проговорил с укоризной:

- Ты бы напился что ль лучше с горя, или уже крыша съехала, что с птичками стал любиться. От тебя ведь не кусок грязи отвалился - жена ушла. Видал я, как она вчерась с узелком со двора уходила... Рубахи со штанами кто теперь постирает и залатает? Али ты как чукча по полгода мыться не будешь?! - сосед хмыкнул и показал свои железные передние зубы. - Моя вот Настасья пальто решила себе новое приобрести. Говорит, годами я моложе Пугачевой, а одеваюсь хуже нищенки. Обхаживать бабу надо, башка твоя садовая, аль ты зачах как крапива под забором? — сосед молодецки подмигнул правым глазом и, толкнув Миколу в бок, загоготал во все горло, откинув голову назад. Дыхание у него перехватило, он поперхнулся и, выпучив глаза, начал безудержно кашлять, брызгая слюной.

Микола понял, что разговор окончен, вышел не улицу, но домой не пошел, а быстро зашагал напрямик через огород на другой конец села к дому на высоком фундаменте, обнесенному выкрашенным в голубую краску забором с крупной табличкой с написанными не ней красной краской через трафарет предостерегающими словами: «Осторожно! Злая собака».

Микола, не обращая внимания на смоляную, как ворон, овчарку, норовившуюся оттяпать ему уж если не кусок его ноги, то хотя бы укоротить штаны, проследовал напрямик в прихожую, где хозяин, учитель биологии с самым высоким разрядом, как слышал Микола от односельчан, беззаботно раскладывал остатки черствого хлеба на крышке газового отопительного котла.

- Михалыч,.. - только и вырвалось у Миколы от волнения.

Учитель от неожиданности выронил кусок хлеба и отпрянул от нежданного гостя как от чайника с кипятком. Увидев, что до смерти напугал хозяина, Микола тут же исправил положение:

- Да ты не пужайся, Михалыч, не пожар и никто не помер, я... по делу заглянул к тебе...

- По делу, говоришь? - пробурчал хозяин. - С таким «делом» инфаркт или кондрашка могут хватить... Ну да... в твоём теперешнем положении... слышал, - вздохнул он, успокаиваясь. — Выкладывай свое дело.

- Ты ведь писал в своем «краеведении», что лебеди к нам уже лет сто не залетали.

- Неужто читал! - удивленно вскинул брови учитель, поднимая с пола упавший хлеб.

- Да было дело, слегка смутился Микола и, вперив пронзительный взгляд прямо в глаза хозяина, продолжил:

- Так вот ведь, лебеди вернулись! Одна пара на Масловке поселилась; было две, да одну ребятишки камнями прогнали. Ты бы видел только, как они плавают вместе и головами кивают, точно кланяются, и...

- Фу ты, невидаль какая! - разочарованно прервал Миколу учитель. - Я и не такую дохлятину видел. А лебедь - он ведь гусь натуральный, только чуть покультурнее будет.

- Да к ты же писал, что...

- Ну писал, и что?! Эка честь – гуси-лебеди сказочные залетели в глухомань деревенскую. Ты короны случаем у них не заметил? - съязвил хозяин. - Меня вот спина-лихоманка замучила: ни сидеть, ни лежать - неделю отойти не могу.

- Но ты же о природе детям рассказываешь, о животных, как же...

- Как я детям о флоре и фауне рассказываю? - закончил учитель Миколкин недоумевающий вопрос. - Да очень просто: природа, она ведь, дорогой мой, была, есть и будет; весна, лето, осень, зима - всегда одно и то же. А вот мы с тобой должны побеспокоиться о здоровьице своем, иначе подохнем раньше сроку.

- Какого сроку?- не понял Микола.

- А такого!.. Богом всем нам отмеренному. А ежели я при виде каждой залетной птички запрыгаю как молодой козлик, то работать за меня некому будет. Вот так-то! - развел он широко руки...

Домой Микола плелся, не разбирая дороги.

- Ну как же это, как же?.. - только и повторял он негромко, взъерошивая руками волосы.

Старухи истово крестились ему во след и кивали головами, относя его полоумный блуждающий взгляд и несвязную речь к переживаниям по поводу ухода супруги.

Дом свой Микола обошел дважды, порываясь пойти то в одну, то в другую сторону, отыскивая в памяти человека, с которым он мог бы поделиться своей безмерной радостью. Он снова вспомнил равнодушное лицо учителя, которого до сих пор считал умнейшим и добрейшим человеком на свете, и решил, наконец, оставить свою радость при себе.

Через четверть часа Микола уже сидел на берегу реки, ломая хлеб на маленькие ломтики и осторожно бросая их в воду.

Сильно размахиваться он не решался, чтобы не спугнуть птиц, которые по-прежнему плавали вместе.

Солнце округлилось, побагровело и коснулось вершин дальних холмов, когда у Миколы закончился хлеб.

Он развел руками, дескать, простите, больше нет, и вернулся в опустевший, безмолвный свой дом. Там плюхнулся на диван и включил телевизор, чтобы хоть чем-то отвлечься и успокоиться. Шел индийский фильм. Микола однажды уже его видел. Фильм был о слонах, которых отлавливали и приучали работать, таская различные тяжести. И в этом фильме, как и во всех его собратях, был трагический сюжет. Но этот фильм особенно нравился Миколе, потому что он рассказывал об умных терпеливых животных. И когда умирал маленький слоненок, Микола заплакал, впервые в жизни заплакал. Он, мужик, дважды слетавший с двухэтажного воза сена и ушибавший позвоночник о тракторную серьгу. Но то была боль физическая, со временем излечимая; а эта боль, разгоравшаяся внутри он самого сердца невидимым пламенем, мешала думать и страдать, словно его обухом шибанули по голове и в ней теперь звенело и бухало, так что он явственно слышал перезвон колоколов на далеком Спасо-Преображенском храме. Микола почувствовал, что проваливается в темную бездонную пропасть...

Умчалось за горизонт лето, помахав журавлиными крыльями и прокурлыкав негромкую песню о возвращении.

Торопятся куда-то облака, накатываясь и обгоняя друг дружку. И солнце, изредка, выскальзывая из серого мрака вспыхивает, как только что разгоревшийся костер. И начинает вертеться все быстрее и быстрее, раскручиваемое невесомыми полупрозрачными облаками. И если присмотреться, то, кажется, что не небе появилась вторая планета Земля, только не такая пестрая и нарядная, а серая и унылая.

Поблескивает на продрогшей земле снежная пудра. Поджимают хвосты собаки в подворотнях, да куры трясут головами при каждом порыве ветра.

А на опушке леса - березки. Трепещут, развеваются на ветру листочки, словно тысячи желтых бабочек присели передохнуть от долгого утомительного перелета.

Солнце выкатывается из-за тучки и тут же стремительно бросает луч в глубь леса. Вспышка света выхватывает из общего серого фона ярко-красные глаза боярышника, торчащие, совершенно нагие, высушенные годами осины и кучи, кучи хвороста. Сколько же лет здесь не ступала нога человека? Трудно ответить? Да, ответить трудно: гораздо легче спрашивать...

Все это Микола не видел; да и мог ли он видеть одновременно глубь леса, покосившиеся деревенские заборы, из-под полусгнивших досок которых подбрехивали собаки. Все это природное естество протекало сквозь него: оно брало начало в его голове и вытекало из его ног, словно он лежал посреди широкого ручья и прохладная его вода, журча, нашептывала ему на ухо все происходящее и творящееся вокруг и уносила дальше, кому-то еще. Он, как губка, впитывал в себя остатки тепла мелькавшего в мутном небе солнца, бестелесно брел, спотыкаясь сквозь бурелом леса, когда-то пестреющего с ранней весны васильками и пышноголовыми голубыми пирамидками, именуемыми в народе индюшками, отыскивая еще теплящиеся живительными огоньками пуговицы глаз боярышника.

Холодает. Но Миколу совсем не холодно. Он сидит на берегу речки, спокойная зеркальная поверхность которой отражает белоснежно-белый его костюм и брюки. Микола чувствует терпкий запах ландышей. Как же давно он не чувствовал этого запаха! Он мучительно соображает, откуда взялся этот пьянящий аромат раннего лета и вдруг чувствует

плечом легкое нежное прикосновение. Он поворачивает голову. Рядом с ним, окутанная с ног до головы невесомым облаком завитушек фаты с сияющим от счастья лицом сидит его Аленка, да, теперь его... Микола нежно гладит ее бархатные загорелые руки, но она по-прежнему смотрит мимо него. Брови ее вскинуты, рот полуоткрыт, и Микола понимает, что она чем-то удивлена. Он следит за ее взглядом и... О, чудо! Прямо у берега плавают лебеди. Они внимательно смотрят на молодых, одобрительно покачивают точеными головами, прижимаясь друг к дружке, потом вытягивают шеи и плавно и нежно свивают их в неразрывный жгут, словно показывая людям, что и они умеют так же беззаветно и преданно любить.

- Почему они не улетают, ведь уже осень?- почти шепотом, боясь нарушить неожиданным своим голосом любовную игру птиц, спрашивает Аленка. Микола пожимает плечами, а потом так же шепотом, наклонясь к самому ее уху, спрятанному в душистых снежинках фаты, предполагает:

- Они хотят остаться с нами, навсегда...

Молодых венчает высокий худой протоиерей с польской фамилией, от которого сильно разит водкой. Старушки гнусавят за батюшкой молитву. Плавно раскачиваются от жаркого дыхания огоньки свечей в руках, плавится воск, набухает и медленно катится на пальцы. Микола не чувствует его запаха; батюшка отходит, унося с собой запах вчерашнего праздника, и он по-прежнему чувствует только дурмящий аромат ландышей. Голова слегка кружится, перед глазами начинают медленно плыть иконы, свечи, постные лица старух; потом и они сами, прижавшись друг к другу, увлекаемые батюшкой, включаются в священное таинство венчания.

- Приснул, милоч, - тербит Миколу еще моложавая матушка и всовывает в его онемевшую от напряжения руку свитые в тугий жгут разноцветные венчальные свечи. Аккуратно

заворачивает их в платочек и сжимает вместе с рукой Микола, глядя прямо в недоумевающие его глаза.

- Береги, это твое счастье, - улыбаясь, нараспев говорит она и трижды крестит молодых...

«Счастье» эхом отзывается в отяжелевшей голове Микола и он открывает глаза.

Телевизор по-прежнему работал, но показывал только мельтешащих черно-белых мушек и противно шипел. Микола протянул руку и нажал на пульте кнопку: экран медленно гас, погружая комнату и одиноко неподвижно лежащего человека в кромешную темноту. - Мое счастье,.. - пролепетал Микола.- Но где же оно - счастье?.. А ведь она так ни разу и не сказала, что любит меня, и перед Богом стояли, и... матушка свечками скрутила наши судьбы на всю жизнь...

«Твое счастье»... снова выплыло из памяти, и, прогоняя остатки сна, Микола резко встал, нашарил в темноте шкаф и стал вышвыривать из него вещи, отыскивая заветный сверток.

Сверток лежал в самом углу на верхней полке, куда его припрятали в самый день венчания. Микола поднес его к столу, развернул и чиркнул спичкой. Свечки затрещали, брызгая слепящими глаза вспышками, словно негодуя на человека за то, что он нарушил уже совершенное священное действие. Комната окутывалась золотистым туманом, выделяя при каждом шумном вздохе свечей лик Николая Угодника в углу. Микола подплавил свечки снизу и прилепил их к столу: пламя дрогнуло, свечи шумно вздохнули. «Вот оно - счастье, догорает», - подумал Микола, опуская голову на руки, прищурился глазами, внимательно рассматривая укоризненно покачивающиеся и соединенные еще воедино как обручальные кольца, радужные кольцеобразные пучки небесного венчания...

Когда Микола проснулся снова, свечей на столе уже не было. От них осталась только застывшая лужица непонятного цвета воска.

Весь день Микола метался по деревне, сбывая со двора живность. Откормленных его животных односельчане брали охотно, хотя некоторые и покручивали пальцем у виска, тем более, что отдавал Микола свою живность почти что задарма. К соседу свиней перегнал. Тот не преминул пожаловаться, что «силов больше нету со скотиной топтаться», но поросят взял и еще поллитру предложил «раздавить» за Миколкино облегчение жизни. Но Микола пить отказался и ушел домой.

В комнате он повывтаскивал из всех карманов смятые бумажки, расправил их, пересчитал, сложил в стопку и завернул в тот самый платок, в который так долго было запеленовано его «счастье». Потом, засунув сверток в карман, отправился на речку кормить лебедей.

Дважды по Миколкину душу приходил бригадир и, не застав его дома, решил выделить добросовестному работнику небольшой отпуск для успокоения души, чтобы смог он без посторонних глаз пережить и заглушить в сердце своем неожиданное горе...

Почти целую неделю Микола с утра до вечера просиживал на берегу, и Божественные ангелы перестали его бояться, так что он теперь больше не отходил в сторону и не подбирался крадучись к воде. Мальчишки на этом месте и носа не показывали после того, как их шуганул Микола...

Рано утром в дверь соседа настойчиво постучали. Открыла Настасья.

- Чего тебе ни свет, ни заря?- недовольно пробурчала она.

- Мне бы Петра, - тихо и виновато проговорил Микола.

- Иди, птичник явился! - донесся из спальни ее недовольный голос. Петро вышел заспанный, слегка опухший, на ходу протирая глаза.

- Ну ты что, совсем ошалел, людей... - он на полуслове запнулся. Перед ним стоял совсем другой Микола: гладко выбритый, причесанный, в свадебном костюме-тройке. Петро чуть язык не проглотил от изумления. Опомнившись, он воскликнул, хлопнув в ладоши:

- Ба-а, да ты никак свататься надумал?.. Вот это молодец, одобряю. А то смотреть на тебя больно было. Состариться-то мы всегда успеем.

- Ты вот что,- натянуто улыбнувшись, начал Микола,- побереги пока у себя... Он вынул из кармана сверток и вложил его в руку соседа.

- Это что еще за бандероль такая?— удивился тот.

- Это деньги... пять тысяч, припрячь у себя...

- А сам ты чего?.. Ага-а, приданое боишься потерять, когда примешь за любовь, - он хохотнул и звонко щелкнул по шее.- Понимаю, сохраню, как в банке. На молодуху-то пригласи хоть одним глазком поглядеть!- уже вдогонку уходящему Миколу прокричал Петро.

Микола от соседа вернулся домой, выгреб остатки хлеба из хлебницы, достал из-за дивана карабин, на пороге трижды перекрестился и, не оглядываясь, пошел к реке...

Деревня еще не очнулась от тягучего дурмана снов и забытья ночи, когда за оврагом, у речки, разорвали тишину почти один за другим три выстрела.

Вздогнули возмужавшие Миколкины дети в саду, и речка Масловка вобрала в себя всю зародившуюся и всю залетную красоту еще лет на сто, а быть может, и до скончания века.

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

Светаёт. Окликают округу охрипшими за ночь голосами петухи. Из-за туманных сосен крадется огромное бледно-красное солнце, и его чуть теплые лучи касаются края крыш, испаряя ночную влагу.

Снова кричат петухи. Но не слышно скрипа открывающихся ворот, бряцанья засовов.

Петухи напористо зовут своих хозяев просыпаться. А куда торопиться их хозяевам? Старость - не радость. Тяжело-то сбрасывать с постели больные ноги. Да и не хочется их сбрасывать. С годами накапливается усталость. И потом уже с каждым следующим днем она становится все тяжелее и тяжелее, обрастая извечными деревенскими мытарствами между домом и хозяйством.

«Куды торопиться?.. Коровы нету, а куры за один час не оголодают», - думала старуха Ксенья, поворачиваясь на другой бок.

Морков плант¹ доживал вместе со своими стариками-хозяевами последние годки: омолаживать-то его некому. Дети ускакали в город и заявляются к родителям только по праздникам, или внуков подбрасывают свежим воздухом деревенским подышать. Которые понапористей - стариков своих к себе забирают: тяжело старость коротать без молодых рук, да и за внуками пригляд будет. И дед Алёха вот, родной брат и сосед Ксеньи на что уж к земле родной привязан был, и тот в город к дочери перебрался. Третья супружница его померла по весне, и он долго убивался: оглох и людей узнавать перестал.

---

¹ *Плант* – часть сельской улицы

А то бывало соберутся соседи у подруги своей Митрихи и с утра до ночи разговоры ведут. Когда Митриха померла, стали по привычке ходить в этот дом к приветливой хозяйке Валентине. Дед Алёха ложился на пол возле грубки, сворачивал самокрутку, хрипло выкашливался и начинал были и небылицы рассказывать. До того интересно рассказывал - заслушаешься. Часами мог рассказывать.

Тогда и молодежь еще в деревне держалась, да и детворы в семьях было поболее. Нешто теперь: раз, два - и обчелся.

Молодежь, поддерживая старинные традиции, тоже собирала в теплую погоду, особенно в летние каникулы, улицы на всю ночь.

Возле Володьки, младшего сына Валентины, какой только техники ночью не стояло: мотоциклы, машины, велосипеды. И даже лошади были. Всю ночь гремела музыка. Родители поначалу спать не могли, но не ругались - понимали: молодежь - пусть веселится. А потом и привыкли к скрипучему голосу магнитофона.

Драк на улице никаких не было. Иногда, правда, делались набеги на соседские сады. Но это был лишь очередной повод для разговоров.

Потом улицы стали собираться все реже и реже. Дед Алёха по-прежнему возил на своей шаткой тачке воду из колодца. Когда он выезжал из ворот на дорогу, все знали, что это едет именно он: грохот железных колёс ни с чем нельзя было спутать.

А потом по планту стала ходить странная сгорбленная старуха. От рождения нарекли её Натальей, но народ прозвал Ноткой.

Первый раз жизнь ее ударила, когда она была еще девчонкой. Советская власть поднимала в деревнях колхозы. И однажды двое туго перетянутых ремнями военных пришли

отбирать у отца корову и лошадь, нажитых и выхоженных им собственным горбом. Тогда это называлось раскулачивать. Мать валялась в ногах у военных, просила, умоляла, показывая на забитые детьми лавки. Но военный только прикрикнул на нее:

- Встань, дура! На великое дело скотина пойдёт. Так неожиданно обрушилась на семью бедность. Мать после этого слегла и вскоре умерла.

Большая семья редела год за годом. Дети мерли, как мухи. Из двенадцати в живых остались только четверо.

Потом была война. И в первый же ее год осиротевшая семья осталась без отца.

После войны, на правах старшей, она выдала замуж Ксенью, женила Алексея, подыскала жениха для Нины. И только сама не нашла своего счастья среди людей. Работала, не хуже Павки Корчагина ишачила на строительстве Старооскольской железной дороги да так и осталась в девках. Потом долго болела и дальше своей хаты никуда не отходила. Сгорбило ее так, что она руками до земли доставать стала.

Валентина часто говаривала:

- К земле пригнуло, а не принимает земля родимая. Сам человек мучится и других мучит.

Ходила Нотка в любую погоду в больших, не по ноге, калошах, цветастой юбке, из-под которой выглядывали сбившиеся чуть ли не до самых пяток чулки; в вытертой жилетке-телогрейке и в черном, вечно сползающем с головы платке. Опорой ей служили две ореховые палки.

Ходила она медленно, осторожно передвигая ноги. Издали можно было подумать, что она кланяется.

Изредка она поворачивала голову набок. И тогда можно было увидеть ее худое высохшее лицо, Завидев кого-то, она щурила глаза, улыбалась тонкими, как паутинки, губами,

показывая прохожему один единственный уцелевший зуб. За этот зуб ребятишки прозвали ее Клыкком.

Завидев Нотку, они кричали:

- Клык, Клык!

Прикладывали вытянутый указательный палец к уголку рта и дергали им вверх-вниз, изображая тем самым клык.

- Во-во, навеки б тебе, навеки!- отзывалась старуха. – Э-эх, - вздыхала она и качала головой. Платок сползал на глаза, и она сдвигала его на затылок.

Когда она замолкала, ребятишки задерживали ее снова. И старуха опять заводила свою песню. Но зла она долго не помнила. И всегда здоровалась с озорниками, когда они шествовали по улице вместе с родителями.

Далеко от дома она не уходила. Но и этого было достаточно, чтобы ночь застала ее в пути. И тогда можно было услышать пронзительный голос ее сестры Ксеньи:

- Ну куды ты пресьси? Ночь на дворе, а она блудя!

Люди не замечали между ними кровного родства, а многие и вовсе не знали, что они свои.

Иногда сама Нотка будила её рано утром:

- Нью-рка, Ньюрка! - кричала она тоненьким детским голоском с дороги, не подходя к дому, потому как на восемь метров до лавочки у нее уходило не меньше часу времени.

Первым на ее зов выходил брат. Следом за ним выплывала толстая, маленькая росточком баба Саша. Она отчитывала Нотку за то, что та спозаранку разбудила всю деревню, потом переносила свой гнев на мужа и загоняла его тычками в спину в хату.

В дни, когда пригревало солнышко, Нотка садилась на сваленное дерево у канавы для мусора, извлекала из единственного кармана жилетки замусоленный сухарь и начинала его шамкать, цепко держа обеими руками. Тут же на

ветках соседнего клена рассаживалась густо стайка воробьев. Они поднимали гвалт, заранее дея упавшие на землю крошки, которых после Нотки оставалось очень мало. Но Нотку не интересовали воробьи. Не обращала внимания она и на откормленного пушистого кота Валентины Кузю, крадущегося на крепких лапах к воробьям.

Весь окружающий мир нисколько ее не волновал. Ее интересовал только сухарь, который она изо всех сил старалась съесть. Иначе ей не хватит сил добраться до лавочки деда Алёхи, где старики нагревали кости впрок на всю зиму. Там она сядет тихонько на краешек, сдвинет платок на одно ухо, а другим будет внимательно вслушиваться в разговор.

За «работой» над сухарем ее мог застать дождь. Но она и на него не обращала внимания. Дождь только помогал ей размочить неподатливый сухарь, и тогда гораздо легче было его есть.

После сухаря она доставала мелкие зеленые яблоки и масловала их единственным зубом. Иногда у нее в руках появлялся огурец: что дадут, и что Бог пошлёт.

После трапезы она неторопливо поднималась, брала заолоделыми руками костыли и продолжала свой маршрут, известный только Богу да ей самой.

Присаживалась Нотка и у дома Валентины. Радушная хозяйка выносила ей пирожков с повидлом и еще с чем-нибудь. Почти каждый день Валентина стряпала своим детям то ватрушки, то пирожки.

Нотка брала пирожки, улыбалась, приговаривая:

- Ды Валечка, дай тебе Бог здоровьица, и сынкам твоим.

Ручки твои золотыя!

Раза два, когда ночь наступала неожиданно, Валентина заводила ее к себе ночевать. Ложиться на диван Нотка отказывалась. Садилась на стул на кухне, причитая:

- Валечка, не беспокойся! Я тут на табуретке пересяжу. Не пужайтесь только, если стукнусь.

Ночью старуха видно все-таки засыпала и падала во сне со стула. Старший сын Евгений просыпался, вздрагивая от неожиданности. Потом долго еще тиканье часов на серванте заглушало ее тяжелые глубокие вздохи, а Евгений не мог больше заснуть.

Рано утром Валентина вставала доить корову и отделяться по хозяйству. Уходила и Нотка.

Ночь часто прихватывала Нотку на полпути к дому. Летние ночи теплые, и она оставалась пересяживать ночь на лавочке деда Алёхи или Ксеньи.

«Никому человек не нужен. Ни домой не зовут, ни ищут... да и ждут ли ее дома», - взволнованно думала Валентина, завидев Нотку на улице.

Нотка жила не одна. С ней жила сестра Нина с мужем Иваном. По старому обычаю последний холостяк в семье оставался жить в доме родителей.

Но Нинин мужик оказался небогатым, и они остались жить с ней.

Нина, измученная хозяйством, нередко ворчала не только на домочадцев, но и на себя саму, проклиная и жизнь, и весь суматошный белый свет.

Любимым занятием Ивана было забрасывать за воротник. Мужик он был работающий, но «маленькая» и не таких здоровяков с ног валила. После выпивки резко менялся его нрав. Поддерживая жену, он тоже начинал брюзжать. И если под горячую руку попадалась ее сестра, - ей приходилось несладко.

- У-у приперлась, карга старая! - заплетающимся языком цедил деверь и резко плевал себе под ноги. - И клык мне свой не

показывай, ничего у ём примечательного нету. Хватит, поди уже, землю топтать. Когда ж тебя Бог только прибере?..

- Э-эх, - негромко отвечала Нотка и, как всегда, качала головой.

Ее укоризненные вздохи выводили Ивана из себя. Он решительно подходил к ней и, пнув ее в бок, небрежно бросал:

- Пшла отседа!

Старуха беззвучно плакала и шамкала беззубым ртом. Она долго барахталась, пытаясь подняться. Особенно тяжело ей это давалось, если на улице была слякоть, и ее руки постоянно соскальзывали в грязную жижу.

Зиму Нотка пережидала в хате, и на улице ее никто не видел.

Весной рядом с Ноткой увидели собаку. Это была самая обычная дворняга с оторванным наполовину ухом, заплывшим глазом и редкой непонятного цвета шерстью.

Собака так же медленно плелась рядом со старухой, не обгоняя и не отставая от нее. В перепалку с другими дворовыми собаками она не вступала. И те, облаяв ее, победно удалялись. На людей она не кидалась и не подавала голоса.

Когда старуха присаживалась на любимое высохшее дерево у мусорной канавы, собака садилась рядом на землю. Нотка отыскивала в кармане запыленный сухарь, отламывала с трудом от него кусочек и давала собаке. Собака трудилась над сухарем, а Нотка наблюдала за ней и улыбалась, старательно обсасывая остаток сухаря.

Люди, угощая Нотку, давали кусочки хлеба или кости ее провожатой. Но собака переводила всегда печальные глаза на старуху, давая понять, что угощение нужно отдать ей.

- Ишь ты, принцесса, разборчивая!- удивлялась каждый раз жена деда Алехи.

Имени у собаки не было, потому как никто ее не знал. Но когда Нотка чмокала губами, собака знала, что это зовут ее.

Собака не бросала свою хозяйку в любую погоду.

- Смотри ты, провожатая, - бросал вслед Иван, когда старуха и собака выходили на очередной обход улицы.

Когда Нотка болела, по неделе не выходя из хаты, собака каждое утро сначала ждала ее на дороге, а потом нехотя поднималась и медленно плелась по улице, оглядываясь назад в надежде увидеть свою хозяйку. Глаза ее в эти дни еще сильнее тускнели, и она бродила с опущенной головой, как и ее хозяйка.

Люди давали ей остатки пищи, и она, в отсутствие хозяйки, позволяла себе брать еду.

Так проходили вместе Нотка и собака весну и лето.

А когда природа заиграла в лучах остывающего солнца всей своей пестротой красок, когда усыпала золотом листья дорогу и покосившуюся родительскую хату, где Нотка коротала зиму и одинокие тоскливые ночи, она слегла надолго и на улицу больше не вышла.

Совершенно одна лежала она в полутёмной хате, часами неотрывно глядя то в светлое, то в тёмное окно на улицу, где утекала от неё безудержная жизнь. И только последний день её жизни скрасила переехавшая из Узбекистана с дочерью и зятем в соседний опустевший домик ещё бодрая старушка Ольга.

Все хвори отступили от Нотки, когда новая соседка пришла знакомиться и присела у её лежанки. Проговорили они до темна, и когда речь зашла о суженых, Нотка сначала нахмурила брови, а потом робко улыбнулась и поведала соседке историю о том, как она в войну прятала в хате от немцев раненого солдатика. После рассказа Нотка несколько раз прерывисто вздохнула и закрыла от усталости глаза. Закрыла их навсегда...

Гроб вынесли на улицу и поставили перед забором, чтобы люди в последний раз посмотрели на нее. Только смерть выпрямила Нотку: в гробу она лежала стройная и спокойная.

На похороны пришло немного народу. Никто не плакал. Все понимали, что кроме пинков и насмешек старуха ничего хорошего не знала в последние годы своей нескладной жизни. И смерть к ней пришла теперь, как избавление от мук.

«Отмучилась»,- говорили люди.

Иван держал на плечах деревянный крест, сбитый им самим из свежих сосновых реек. В этот день он был трезв и мрачен.

Траурная процессия тронулась. Лишь одна собака осталась сидеть на месте. Внезапный порыв ветра взъерошил редкую шерсть на ее худом теле, глаза сузились и заблестели: то ли от ветра, то ли от вырвавшейся наружу собачьей печали...

И собака осталась одна. Она так же неторопливо брела по улице с низко опущенной головой, обнюхивая знакомые травинки и кусты. И так сильно это засело в ее собачьей голове, что, уже не думая, она шла по той же тропинке, по которой ходила раньше. Она останавливалась у высохшей коряги, где Нотка делилась с ней сухарями; долго сидела, глядя в одну сторону и не обращая внимания на шум проезжающих машин и на человеческие голоса.

- Неужто оглохла? - сокрушалась Ксения, прикладывая короткие пухлые пальцы к губам и качая головой. - Старая тоже, видать.

Когда шел дождь, собака щурила глаза от дождинок, потом поднималась и плелась дальше. Она по-прежнему делала остановки перед домами, в которых для Нотки находился кусок хлеба или что-то другое из съестного. И в этих домах ей и теперь по привычке не отказывали.

Так проходила собака до самой зимы.

По утрам на высохших худых травинках стали появляться первые кристаллики инея. Люди, обогреваясь у печки, стали реже выходить на улицу. И никто не заметил, как собака пропала.

* * *

Какое-то смутное и болезненное предчувствие овладело Иваном Егоровичем, и как будто чья-то чужая, но властная рука смахнула с него остатки сна. За окном, чуть освещенном бледным матовым светом ущербной луны, по-прежнему свирепствовал порывистый ветер, и длинные, худые ветки молодых вишен глухо хлестали по стеклу, словно жалуясь, что и им не удалось отдохнуть до утра.

Последний месяц Ивану Буракову, по причине последних нерадостных событий, и без того плохо спалось, а тут ещё снова стала тревожить его притихшая было военная память и ныть под утро перебитая осколком рука. Он почти явственно слышал свистящий рёв артиллерийской канонады, чувствовал тошнотворный смрад от горящих и разлагающихся трупов. Он уже забыл, что оборону заняли ночью, потому что кругом дико плясало и буйствовало пламя, словно сама смерть устроила светопреставление на глазах у обезумевших, но ещё живых солдат, и не будет конца этой адской пляске. Она вжала людей в окопы и траншеи и сыпала трассерами пуль, устраивая предсмертный фейерверк измученным и вконец измотанным полуживым людям.

И взвод Ивана Буракова, залёгший на переднем фланге, не мог оторвать голов от окопа. Пропала связь со штабом, а она нужна была, как воздух, чтобы передать, как было условлено, команду на прорыв, иначе целая дивизия могла оказаться в окружении. Не могла подойти помощь без команды. А команда

не могла пройти из-за самого банального обрыва проводов, что в обыденной жизни решалось легко и быстро, но на войне за каждой минутой промедления стояли сотни человеческих жизней. За последние шесть часов боя Иван уже двенадцать раз налаживал связь. Трое бойцов, помогавших ему, не вернулись. И тогда, окинув отцовским растерянным взглядом своих оставшихся бойцов, оставил за командира самого старшего во взводе Колю Семенихина, рывком забросил за плечи последнюю катушку с проводом, кубарем перекатился через насыпь и пополз, резво загребая руками.

Он вжимался в изуродованную родимую землю как мог, и его резкие движения забивали рот пылью. Он плевался, но темпа не сбавлял. День превратился в ночь. Бледное солнце лишь изредка выкатывалось из-за адских клубов дыма и гари, высвечивая, как фонарик с севшими батарейками, островки изорванного тела земли, и снова исчезало, проглоченное мраком войны.

Ему повезло. Очередная вспышка осветила воронку и торчащий антенной у её края провод. Чтобы не потерять его из виду, Иван рванулся вперёд, почти поднявшись на четвереньки, обполз воронку с другой стороны, нащупал второй обрубок. Привычным движением отмотал пятиметровый кусок от катушки, туго скрутил два конца и собрался было скатиться в яму, не рискуя ползти назад тем же краем воронки и помня, что снаряд дважды в одно и то же место не попадает. Но тут его обдало жаркой взрывной волной и швырнуло на дно воронки. В голове зашумело. Он протёр глаза от пыли, осмотрелся и стал карабкаться к по-прежнему одиноко торчащему обрывку жизненно важной линии связи. Иван выполз наверх, скрутил один конец и как только хотел перебросить мешавшую работать катушку, сотни тупых горячих иголок вонзились в его тело. Один осколок плетью секанул по руке, и она бесчувственно

упала рядом. Земля перед глазами качнулась. Ещё послушной другой рукой он отыскал рядом оставшиеся концы провода, подтащил к себе, зажал их в зубах и потерял сознание.

Очнулся он уже в госпитале, где ему поведали, что доставили его сюда всего иссеченного осколками и с обрывками проводов в зубах: так крепка была его предсмертная хватка, как будто он сдал глотку всему фашистскому отродью. Шесть месяцев провалялся он в госпитале, переноса операцию за операцией. Многие не верили, что Иван выкарабкается.

А за то, что сержант наладил связь и спас жизни многих сотен бойцов, сразу после госпиталя ему вручили Звезду Героя Советского Союза. Эта дорогая награда была у него не первой, но после войны на единственном парадном костюме он носил только её...

На дворе только начинало светать. Ветер поутих, и Иван Егорович медленно поднялся, заставив заскрипеть под своим цыплячьим весом кровать, сел на краю, понял, что сон убежал от него окончательно. Тревожить его покой кроме неугомонного ветра да вновь вернувшейся до мельчайших подробностей фронтовой памяти было некому. «Видать, подходит и мой черёд», - вздохнув глубоко, подумал Иван Егорович и закрыл лицо руками...

После госпиталя, став инвалидом, он поехал к родной сестре в Узбекистан, работал по своей, освоенной ещё на войне профессии. Стал главным инженером. А сколько друзей и знакомых было нажито за пятьдесят с лишним лет!..

Теперь же, по причине неожиданно начавшейся национальной розни, она с дочерью и зятем переехала в центрально-чернозёмный район, прислала письмо, что встретили её приветливо, по-русски душевно, и звала к себе Ивана Егоровича, а он всё никак не мог решиться, чего-то ждал...

А ждал он, что судьба хотя бы перед смертью вернёт ему тот кусочек памяти, который он никак не мог отыскать в своей убелённой сединами голове, но который мучил его всю послевоенную жизнь...

- Где ж твоя зазноба, Ваня? – спрашивали у Ивана сослуживцы. – Али ты и знаться с женским полом не желаешь?

- Нет, братки мои, - беззлобно отвечал Иван Егорович, - есть у меня зазноба, да какая! Да вот только не помню, где живёт она родимая, контузия вражеская не позволяет.

Вопрошающие, завидев нахлынувшую тоску в его глазах, тут же виновато отходили и больше не интересовались устройством его семейного положения.

Иван Егорович повесил в головах над кроватью простенькую иконку Николая Угодника и часто просил, умолял его вернуть ему самый важный отрезок его жизни. Рамка у иконки порыжелала от времени, но святой Никола так же молчаливо и серьёзно взирал на старого солдата, до конца, видимо, испытывая его на прочность...

Война была в самом разгаре, а немцы пёрли семимильными шагами.

Иван, раненный шальной пулей во рву у перелеска, дополз, когда свечерело, до близлежащей деревушки и постучал в первую попавшуюся хату. Дверь открыли не сразу. Но как только она осторожно, со крипом распахнулась, на пороге возникла невысокая девичья фигурка. Она хотела было вскрикнуть, завидев незнакомого, лежащего под дверью военного, но вовремя зажала себе рот ладонью, потом быстро огляделась по сторонам и потащила солдата внутрь. Не знал тогда Иван, что в деревне немцы.

В хате, кроме этой самой старшей девушки, которую звали Натальей, ютились ещё трое ребятишек: брат и две совсем маленькие сестрёнки.

Наталья велела детям тащить вещи умершей матери. Худой, рыжий от въевшейся гари, но миловидный солдатик мог вполне сойти за женщину. Спрятать в хате его было абсолютно негде. Прямо поверх пыльной одежды она стала надевать на него длинное цветастое матерно платье. Ослабевший от потери крови Иван было засопровтивлялся, но она так властно шикнула на него:

- Молчи! В деревне немцы. А в женской одежде, на печи ты сойдёшь за больную нашу мать. А фрицы, говорят, страсть как боятся хворых.

Как в воду глядела Наталья. Немцы заявили утром. Когда Иван полз, слегка перепархивал снег, и на сырой земле мог остаться след от его движения, а может быть кто-то приметил его и решил выслужиться перед новой властью.

Бесцеремонно ввалившись в хату, розовощёкий пухлый немец с блестящими погонами маленькими волчьими глазками окинул комнату и, указав мясистым указательным пальцем на печку, каркнул с клёкотом в отвисшем подбородке:

- Кто?

- Мама... Больная, больная мать. Тиф, холера.

Немец отшатнулся к двери.

- Партизанен, бил здес партизанен?

- Нет тут никого! – замотала головой Наталья.

Дети полезли под печку.

- Бил партизанен! – рывкнул, вытаращив глаза, немец.

Он сделал знак рукой стоявшему рядом с карабином наперевес фрицу. Тот ухмыльнулся, подскочил к Наталье и ударил её прикладом в бок.

Она рухнула на земляной пол.

- Мама, больная мама, - завопила Наталья, но после следующего удара по спине лишилась чувств.

Немцы, бросив косые взгляды на печку и боясь подцепить смертельную заразу, ушли. Бог миловал и детей, и Ивана.

Через сутки Наталья встала на ноги, а в деревне были уже наши.

Ослабевшего Ивана выносили из хаты на руках. Он попросил подвести к нему Наталью, чтобы посмотреть в глаза хрупкой девчонке, рискнувшей ради него и своей только начавшейся жизнью, и жизнью своих сестёр и брата. Её широко раскрытые и ещё испуганные зеленоватые глаза с золотыми прожилками он запомнил на всю жизнь; запомнил и полюбил...

Дал себе слово Иван вернуться, если выживет, в это село и поклониться в ноги девушке, которая просто не могла с годами измениться, чтобы он не узнал её. Но война перевернула все его планы и оставила на память только имя и тоненькую девичью фигурку с большими испуганными глазами...

Ветер за окном притих, вишни перестали нервно вздрагивать и теперь плавно клонились в одну сторону в сладкой утренней дрёме. Стало неестественно, мертвенно тихо, так что Иван Егорович теперь чётко слышал удары своего неизлечимо раненного сердца. «Пришёл и мой черёд», - снова мелькнула в голове неожиданная мысль, и не исчезла, а задержалась в его сознании ясной картиной промелькнувшей безвозвратно жизни.

Иван Егорович снова прилёг на захрустевшую под его стариковским весом кровать и закрыл глаза...

Сколько лет прошло. И годы теперь не текут медленно и радостно, как в юности, даже в страшной военной юности, а мчатся всё быстрее, безвозвратнее, теряясь в памяти. А как счастлив он был, когда в минуты затишья после боя память тут же возвращала его в тот маленький деревянный дом, в котором жила – во что он свято верил – его судьба. И память напоминала,

что он давно уже успел соскучиться. Но однажды проклятая война отобрала у него то, что для него было дороже жизни: его память. Поэтому он и не уехал вместе с сестрой, а решил остаться, подождать, побыть наедине с собой и со своей обветшавшей раньше срока памятью. Но полностью отделиться от мира ему не удалось.

Страсти в стране накалялись. Ивану Егоровичу казалось невероятным, что после стольких лет совместной жизни нашлись люди, а точнее – нелюди, возжелавшие вдруг разделить, как тупым ножом буханку хлеба, на две половины русских и узбеков. Это было столь несуразно и дико, за пятьдесят послевоенных лет, когда ни у кого и мысли даже не возникало выяснять, человек какой национальности работает рядом с тобой; крови так смешались, что никакая сверхгенетика не в силах теперь разорвать узы кровного родства. Но он прекрасно понимал, что кому-то нестерпимо хочется разжечь новую войну, но уже не против вероломного врага, а против собственного народа. А большие грязные деньги могут привести к непоправимой беде, и обстановка может стать неуправляемой на всей территории Узбекистана, который, задайся целью, за всё жаркое солнечное лето не объедешь.

Ещё вчера были улыбки и мягкие поклоны, а теперь при встречах появились презренные взгляды и затаённые усмешки на недоброжелательных лицах, как будто люди подверглись сильнейшему гипнозу. Пошли слухи о притеснении на работе русских, об избиении девушек и парней сверстниками, вдруг в одночасье ставшими воинственными джигитами.

И русские затаились. Пошла молва о какой-то перестройке. А вместе с ней стали расползаться слухи, что пропадают дети. В Душанбе угодили фугасом в угол дома. Неделю бесчинствуют какие-то вооружённые люди, неделю как бы затишье.

Зятю сестры предложили уйти с работы: место для местных понадобилось. Дочери пришлось самой уйти. Школу, где она всю жизнь преподавала немецкий язык, закрыли.

И тогда решили уехать в Черноземье...

Полежав ещё немного на кровати с закрытыми глазами, Иван Егорович резко поднялся с твёрдым намерением сегодня же уехать, отчего в глазах у него потемнело. Все вещи увезла сестра. Ему осталось только снять со стены постаревшую вместе с ним иконку, положить вместе с одеждой в ещё свежий жёлтый чемодан, да попрощаться с виноградом, который был его любовью и отрадой все последние годы. С вокзала он даст телеграмму сестре, что едет, а на самом деле первый раз в жизни бежит, отступает, хотя и по своей родной земле, ставшей теперь границей, в местность для русских, которая, скорее всего и станет его последним приютом...

* * *

На вокзале, чтобы не плутать по незнакомой местности, Иван Егорович взял такси. Шофёр оказался сообразительным малым и уверил его, что доставит под самый порог.

* * *

Гроб уже переносили через дорогу к заросшему клёнами кладбищу, когда сбоку остановилась белая «Волга» с чёрными шашечками на боку. Из неё неторопливо вышел сухощавый, совершенно седой старик в чёрном костюме с маленькой Звездой на груди. Машина тут же развернулась и уехала. Старик остановился на обочине и поставил к ногам лёгкий чемоданчик.

Неожиданная встреча с похоронной процессией смутила и без того расстроенное сердце Ивана Егоровича и лишний раз

напомнила о том, что и ему осталось немного. Среди немногочисленных провожатых он, к своему удивлению, угадал сестру. Та помахала ему рукой, и не просто помахала, а поманила к себе. Это ещё больше удивило Ивана Егоровича по той простой причине, что родственников у него здесь не было и вряд ли он мог кого-нибудь знать, но он подумал, что не грех всё-таки проводить в последний путь и совершенно незнакомого человека.

Мимо убранныго поля с остатками потемневшей соломы и высокой вылинявшей стернёй прошли к густо заросшему корявыми покосившимися клёнами кладбищу, протиснулись в узкий, ограниченный кривыми железными столбами проход, заваленный по обе стороны выцветшими венками, ржавыми, вышедшими из моды гробницами и допотопными железными пирамидальными памятниками, пластиковыми цветами: и здесь, на кладбище, не было порядка, хотя мёртвым, по большому счёту, конечно, всё равно, но вот живым...

Сестра, словно боясь чего-то и раздумывая, стоит ли это делать, подошла к нему вплотную и взяла под руку, чего никогда раньше не делала. «Не хочет быть одна», - понимающе подумал Иван Егорович. А она вдруг приподнялась на цыпочках и прошептала ему в самое ухо:

- Это... она...

У Ивана Егоровича от этих слов что-то кольнуло под сердце, и он вопросительно посмотрел на сестру, не желая вести пустых разговоров на похоронах.

Когда гроб поставили на две шаткие табуретки, а Иван Егорович начал смутно догадываться о сказанном, сестра повторила:

- Это она... Наталья. Она перед смертью рассказывала о тебе.

Тут и Ивана Егоровича снова что-то острое болезненно вонзилось в сердце, но боль не исчезла, а осталась внутри, как остывающий рваный осколок снаряда. Когда боль наконец отпустила, а сказанное дошло до его сознания, он глубоко вздохнул и шумно выдохнул воздух обратно. Сестра тут же крепче взяла его под руку.

Насколько хватило сил, он придвинулся к гробу ближе, всматриваясь в высохшее и бледное, успокоенное смертью лицо, пытаясь отыскать хоть какие-то черты той Натальи с большими испуганными глазами.

Иван взялся за крышку гроба.

- Стойте, - попросил Иван Егорович, - подождите.

Деверь недобро глянул на старика, но всё же отступил.

- Ну вот мы и свиделись...

Иван Егорович наклонился над Натальей, обретенной наконец-то и тут же покидающей его, погладил изрезанный глубокими морщинами лоб, поцеловал её в ледяные паутинки губ, затем поцеловал крест в её жилистых скрещенных руках. Выпрямился в полный рост и тут же к всеобщему изумлению собравшихся отцепил от костюма Звезду Героя, опустил перед гробом на колени и положил драгоценную награду на прикрытую белым тюлем впалую Ноткину грудь.

Деверь, начав отчего-то мёрзнуть, помялся с ноги на ногу, накрыл гроб крышкой, вынул из кармана молоток и глубоко забил гвозди.

Когда гроб опускали в могилу, странный седой старик всё стоял на коленях, а рядом с ним стояла низкорослая старуха и тихо плакала.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною.

Иисус
Христос
Откр.3,20

Саньку Маркова все в деревне считали порядочным человеком. Никогда не унывающий, вышагивающий по улице полутораметровыми шагами, неказистый с виду мужичок, он, как магнит, притягивал к себе внимание и детей, и взрослых.

Часто обращались односельчане к нему за помощью: починить чего или совет дельный дать. Никогда не отказывал Санька, хоть и было ему от роду всего тридцать годков.

В деревне, в которой он теперь проживал, он, как говорят, и родился, и крестился. Отец, агроном, километры на своих двоих по полям наматывал, а мать подсобляла совхозу на разных работах: сеять, веять, полоть, молоть, и еще многое -ять и -оть. И Санька не лодырем рос. Учился хорошо, и школа его не тяготила. Но кому ж не хочется пожить без ежедневного однообразного вставания и собирания в школу хоть пару месяцев?! И когда наступали летние каникулы, а портфель со всеми школьными принадлежностями наконец убирался в шкаф, Санька полностью окунался в сельскую жизнь взрослых. А жизнь эта не позволяла долго валяться в постели. Но Саньке радостно было вставать ни свет ни заря и вместе с родителями отправляться на косовицу.

Очередные пастухи окриками и ловким шелканьем кнута только выгоняли скотину на пастбище, и коровы еще долго мычали и вертели хвостами, прощаясь со своими заботливыми

хозяевами. На траве еще лежала ночная роса, и потертые растоптанные ботинки, напитываясь влагой, блестели как новенькие отлакированные. Природа медленно, почти незаметно просыпалась. Жаворонок вещал начало нового дня. В деревне прочищали горло петухи.

На покосе Санька старался идти ручка в ручку с отцом, иногда даже умудряясь наступать ему на пятки. Подфарсеть хотелось, хотя силенок было, конечно, еще маловато.

Косы жужжали в унисон: вжить-вжить. И была в этом нехитром созвучье металла и срезаемой жирной лесной травы для Саньки особенная мелодия, которую он слушал с упоением, вдыхая прохладный медовый аромат переспевшей земляники и кисловатый запах бархатных шапочек клевера.

Солнце постепенно выкатывалось на самую верхушку небосклона и начинало нещадно припекать всю приземельную живность. Тогда на свежескошенной траве, в тенечке, расстилалась газета, и из сумки извлекались вареные яйца, хлеб, молоко, тушеная курица - все выращенное и выхоженное своими собственными руками. А какой аппетит разыгрывался после работы! И потому вдвойне приятно было налупиться всем этим трудно добываемым и выхаживаемым деревенским добром, чтобы потом с резью в животе снова приниматься за работу.

Тянуло Саньку и к технике. Он перетащил из библиотеки домой всю литературу, каким-либо образом связанную с техникой, перекапывал все это богатство чуть ли не каждый день и всегда что-то мастерил и химичил.

Без убытков, конечно, не обходилось: для телескопа был распилен сорокалитровый бидон, но звезды в нем потом искали куры; у нового стула - вдвое укорочены ножки, но мать, тоже, видимо, движимая техническим прогрессом, приспособила Санькино новшество для дойки коровы.

Однажды решил он построить самолет. В ход пошли недефицитные материалы: доски и гвозди. Отец спокойно отнесся к стоявшей посреди двора новейшей марке самолета. На досках не было живого места от гвоздей, и отец только заметил, с улыбкой, что столько железа его конструкция не потянет.

Саньке нравились важно бубнящие и плюющие тучками половы комбайны. Но штурвальным его по малолетству не брали, и Санька с соседскими мальчишками прицеплял к тракторам длинные тросы волокуши, собирающей оставленные комбайнами кучки соломы. Кучки эти стягивались в одно место, где потом мужики выметывали высушенные длиннющие стога, похожие на огромные поджаристые батоны.

К вечеру трактористы уставали и шли подремать или принять по стопке на маря в ближайшую посадку, а стальных коней доверяли пацанам, только велели не давить сильно на газ. Доверяли, потому что знали, что не подведут их дети с обветренными губами и обгоревшими на солнце плечами. В семьях, где работягами были отцы, работающими вырастали и дети. А стопка или две никогда не мешали работе, потому как вкалывали механизаторы по пятнадцать часов в поле, да еще и дома с хозяйством женам подсобляли управляться.

Домой Санька возвращался поздно, чумазый, но довольный, что тоже вносит свою копейку в семейную казну. И копейка эта, конечно, не была лишней.

Выучился Санька играть на гитаре, и родители купили ему шестиструнный инструмент. Звонкий, слегка дрожащий Санькин голос собирал на лавочке после работы молодежь, и плыли над спящим селом чарующие напевы о красоте родного края, о чистоте родниковой воды, о больно ранящей и исцеляющей вечной человеческой любви.

За пение, наверное, и полюбила Саньку белокурая задумчивая девушка Наталья.

Потом Санька отучился в техникуме, отслужил положенное в армии и вернулся в родное село, но уже не один, а с молодой женой, той самой блондинкой, что с замиранием сердца слушала его пение и поверила в неиссякаемую доброту его души.

Село к этому времени уже больше походило на хутор, где домов было больше, чем хозяев в них. До перестройки начали было тянуть по пустоши новую улицу - ставить аккуратные двухсемейные домики. И пять штук только и успели поставить. Потом грянула как гром среди ясного неба перестройка и все перекалумесила. Стройка заглохла, а вместе с нею улетучились и все надежды на возрождение прежней бесшабашной деревенской жизни.

Поголовье коров резко уменьшилось. На выгонах стал во всю хозяйничать колючий и обжигающий бурьян. И овец перевели, и некому стало теперь вытаптывать крапиву и колючки. А косить - не резон. Силы для своего хозяйства экономить надо, а то ведь совхоз и сам еле на ладан дышит, и кроме как от своего горба помощи ждать теперь стало неоткуда.

Родителям не нравилась Санькина идея обосноваться в деревне. Но они решили, дескать, хозяин-барин, хотя в глубине души были рады, что старости теперь им нечего страшиться - есть кому докармливать.

А Санька не мог поступить иначе. С его светлой головой он и в городе не пропал бы, но больно было ему видеть, как все заметнее стиралась с лица земли его маленькая беззащитная Родина.

Совесть не позволяла Саньке уехать из деревни. Давно уже перестали собираться шумные молодежные улицы, не стал будить по ночам намученный люд трескучий голос

магнитофона. Пяток молодых семей теперь только и можно было насчитать по всей деревне.

Дом, который отдали его семейству под жилье, больше походил на сарай: перекореженные фанерные двери, выбитые окна и полусгнившая поваленная изгородь - это все, что досталось ему по «наследству» от бывшего нерадивого хозяина.

Но Санька не пал духом и быстро, не без помощи жены, привел жилье в порядок. Потому, наверное, и обращались к нему односельчане, видя его неугомонные золотые руки.

И была теперь у Саньки заветная мечта - поставить большой крест на месте сгоревшей в войну церкви, от которой остались только затянувшиеся землей и поросшие бурьяном глыбы фундамента.

Заезжал как-то по осени в село бывший житель, а теперь высоко летающая столичная птица (генерал каких-то казачьих войск), с местным сельсоветским начальством. Мерили они чего-то, рядили - гадали и твердо пообещали церковь на прежнем месте отстроить. Московский гость распахнул дорогой плащ, показав свой трудовой мозоль, и важно изрек: «Отец мой церковь спалил, а я ее заново воздвигну!» И в газете о будущей стройке, как положено, отрапортовали. Но время шло, год сменялся другим годом радостного ожидания, а воз был и ныне там, да даже и не воз, а след от его колес.

И тогда решил Санька сам крест справить, а на большее он просто не потянул бы.

Одно только печалило Саньку неизлечимо больной шестилетний сын. На людях он своей печали никогда не показывал. Знала о ней только жена. Она видела, как постепенно затихал его быстрый говор, он мрачнел и тихонько уходил в комнату с книгами и долго за полночь копался с бумагами, что-то писал.

Стал Санька втайне от домочадцев молиться. Не для себя просил он у Бога различные блага, он просил здоровья для жены и исцеления для сына. По-своему молился Санька, не книжному, потому как считал, что только душевную не зазубренную молитву Господь и услышит.

И любил Санька принимать в своем доме гостей. Только это всегда отвлекало его от печали...

На Пасху пришли к Саньке соседи, с которыми они уже давно дружбу водили. Жена наготовила разных вкусностей. Все уселись за стол, и Санька на правах радушного хозяина, стал наполнять стопки виноградной наливкой собственного производства. В это время в дверь громко и настойчиво постучали.

- Ты еще кого-то ждешь?- поинтересовался сосед.

- Да нет!- пожал плечами Санька. - Если только это не теща дорогая, - добавил он, и глаза его загорелись.

Но сияющий взор его быстро потух, когда он открыл дверь.

В коридоре стояла не обожаемая им теща, а греческая статуя в обличье слесаря мехбазы Угрюмого. В нос ударил удушливый запах непонятного цвета робы, пропитанной соляжкой и различными маслами, что Саньке стало не по себе.

Угрюмый был сильно пьян, а этого больше всего на свете не терпел Санька. На небритом лице нежданного гостя застыли выпученные остекленевшие глаза, смотревшие сквозь Саньку, будто за его спиной из невидимого кувшина появлялся всемогущий джинн.

Наконец статуя медленно приподняла одну руку, наверное для того чтобы поздороваться с хозяином, и воздух сотряс ее негромкий, глухой рык;

- Налей.

- Нету, Серег, - виновато промямлил Санька и услышал, как за дверью засмеялись.

- Налей!— так же глухо, но твердо пробубнил Угрюмый, продолжая смотреть сквозь Саньку, словно его тут и не было, а неожиданный гость продолжал повторять одно единственное желание вылетевшему на свободу хозяину волшебной лампы.

- Шел бы ты лучше домой. И так уже лишнее принял, - спокойно, но нравоучительно проговорил Санька.

Угрюмый, не меняя положения тела, которое теперь начинало слегка раскачивать баллами выпитого, поднял перед собой руку и приблизил близко друг к другу большой и указательный пальцы, показывая тем самым, что много ему не надо.

- Ну нету, сказал же тебе!- повысил голос Санька, стараясь поскорее выпроводить неожиданного гостя, - Меня гости ждут.

Санька хотел было уже захлопнуть дверь перед оживающей греческой статуей, но вдруг увидел, как заморгали ее глаза, и неожиданный гость шумно вздохнул и заплетающимся языком пролепетал:

- У тебя сын не говорит.

Глаза его прояснились.

До Саньки не сразу дошло сказанное. Угрюмый никогда не видел его сына по той простой причине, что работал допоздна или «подкреплял» здоровье горячительным. Но сын его действительно почти не разговаривал.

Угрюмый не стал дожидаться ответа растерявшегося хозяина и глядя теперь прямо в недоумевающие Санькины глаза, вытянул вперед пятерню и продолжил:

- Мне на зоне сказали, что вот эта рука (он сжал и снова разжал пальцы) сможет еще двоих поднять. Веди сюда пацана. Я его только за руку возьму.

Саньке эта идея не понравилась, и он даже не мог представить, как поведет себя его сын при виде такого грязного страшилища.

- Ты хочешь ребенка напугать? - возмутился он и сдвинул брови к переносице. - Ну все, хватит! - отрезал Санька и переступил через порог.

Угрюмый как-то сочувственно посмотрел вслед уходящему хозяину, снова шумно вздохнул и опустил на грудь отяжелевшую голову.

Дверь перед ним захлопнулась.

Через несколько минут Санька вышел проверить, не улегся ли нежданный гость спать в коридоре. Но комната была пуста. В ней только остался непонятный и еще резкий запах работы.

Гости засиделись допоздна. Санька, как обычно, проводил их до дверей и вернулся в дом. Уставшие и радостные хозяева тут же улеглись спать. Но Санька, оказавшись в тишине, вдруг снова вспомнил слова нежданного гостя, «Но как он узнал, что его сын почти не разговаривает?.. А чего тут удивляться, - ответил он сам себе,- в деревне все друг о друге всю подноготную знают». Но эта догадка его не успокоила. «И чего это он вдруг лекарем заделался? Стопку что ль хотел лишнюю заработать? Да и как такая мысль могла прийти в голову алкашу?! Разве что Бог одарил его внезапно»...

Мысль остановилась, словно скованная льдом. Саньку мгновенно бросило в холод и мурашки побежали по телу. Он тут же забыл, что была ночь и что нужно хоть немного поспать, чтобы не прийти на работу с красными, как у рака, глазами. Чувство невосполнимой потери охватило его тело.

Сам Господь приходил к нему, чтобы помочь, чтобы взять на себя его печаль и исцелить сына, а Санька сам отказался от Его помощи. Побоялся замараться.

Нежданный Гость...

Господь откликнулся на его зов и пришел только к нему, к Саньке, и протянул ему свою святую исцеляющую руку. Только теперь до Саньки дошло, что не мог Он прийти в галстук и наглаженной рубашке. Он пришел в теле промасленного и побитого жизнью работяги, чтобы взглянуть в голубые Санькины глаза, воочию увидеть силу его веры и исцелить его страдающую душу.

Санька не мог успокоиться до самого утра. И только когда солнце первым, чуть теплым лучом стало гладить шторы, он уснул и увидел короткий, но самый прекрасный за всю свою жизнь сон: сын в одной майке и трусиках подошел к его постели, постоял немного, улыбнулся, а потом ясно и громко сказал: «Я теперь здоров, папа!..»

За окном разгорался безоблачный день, и начиналась новая жизнь.

ИГРУШКИ

1

На зорьке во всё своё ювелирное горлышко распевал соловей. И в божественные звуки, разливаемые в тишину утра маленькой серой птичкой, изредка врвался с нарастающей силой прерывистый дребезжащий храп. Соловей замолкал, вникая в эти резкие непонятные звуки, и, не найдя в них ничего привлекательного, снова заводил свою нескончаемую симфонию.

Мимо семенил на коротких ножках с расстёгнутой рубахой грузный, лысоватый председатель колхоза. Торопился

на наряд в контору. Он широко позёвывал, прихлопывая рот ладонью. Пришлось пересевать озимые, и за всю посевную ему так ни разу и не удалось как следует выспаться. Он слушал соловья и чему-то своему улыбался.

Вдруг в красивую мелодию ворвался непонятный корявый звук. Председатель вздрогнул от неожиданности и остановился. Станный звук повторился. Сообразив, откуда доносится хрюканье, он повернул к густой кленовой поросли. В самой их гуще, подложив левую руку под голову, спал Иван. Спал он крепко, и сухие прошлогодние травинки дрожали от его прерывистого дыхания.

Председатель тут же забыл о соловье и, воздев руки к небу, взвыл:

- У-у-у, морда свиная, опять налился, лежит хрюкает!

Он дважды плюнул себе под ноги и бегом затрусил в контору.

2

Новенькая вишнёвая «Нива» резво съехала с асфальтированной дороги и остановилась у самого края поля. Алексей Иванович Кривоносов, назначенный новым директором довольно крупного при советской власти хозяйства, состоящего из нескольких мелких отделений, только что вступил в должность и объезжал теперь свои владения, проще говоря, - знакомился с местностью. Ничего особенного он, конечно же, не увидел: такой же, как и в других местах, покосившийся полугнилой штакетник у серых домов, обгороженные кривыми жердями огороды возле них, и несметные заросли полыни, крапивы и колючек. Сам он был городского происхождения, не особенно по-молодости усердствовал в изучении наук, и потому силёнок у него (не без помощи работающего там родственника

по материнской линии) хватило только чтобы поступить в сельскохозяйственный институт.

Проработав уже не один десяток лет на руководящих должностях, нигде подолгу не задерживаясь, он даже вошёл во вкус: новые люди – новые связи – новые возможности. Эта незамысловатая схема стала его жизненным кредо, потому он и никогда не опускался по служебной лестнице ниже директорской должности, пусть и не всегда солидного хозяйства. Теперь же, несмотря на ежегодные выезды к тёплому морю, у него стало сердчишко иногда пошаливать, да и тоска какая-то не ведомая ранее стала заедать, скорее всего от однообразного вида комбайнов, тракторов, сеялок, веялок, вечно чумазных и засаленных рабочих, от которых не понятно чем разило: невозможно было передать смесь запаха горюче-смазочных масел и самогонного перегара. У него вдруг возникла мысль присмотреть в каком-нибудь тихом месте – только не в городе – уютный уголок, обжиться поосновательнее небольшим домиком этажа в два, с огородиком, садом, где можно будет хоть не надолго спрятаться ото всех, забытья, отдохнуть и просто успокоиться.

Деревня, которую он только что проехал, ему понравилась. С трёх сторон дубовые и сосновые леса, обширные пастбища с длинными глубокими оврагами, речка недалеко и какое-то особенное спокойствие в свежем неподвижном воздухе.

Алексей Иванович, растревоженный внезапно нахлынувшими чувствами, жадно вдыхает терпкий аромат пышно цветущей сирени, подходит к кусту вплотную и отламывает крупную увесистую ветку. Ещё раз с шумом вдыхает в себя воздух и начинает перебирать розовые цветочки, похожие на нож мясорубки, отыскивая трёхлистник. Находит, осторожно отщипывает и кладёт в рот. Горечь щиплет язык. Он тут же с отвращением его выплёвывает. А в детстве цветок

казался таким сладким, и бабушка говорила, что тот, кто отыщет и съест трёхлистник, обязательно станет счастливым. Как давно это было! А ведь он верил в эти бабушкины сказки.

Сколько сказок он наслушался за свою сорокапятилетнюю жизнь. Его перебрасывали из одного хозяйства в другое, чтобы он что-то там переделал, изменил, улучшил. Но это был только видимый повод, потому что все вышестоящие начальники его круга общения прекрасно видели, что не было в нём таланта или хотя бы природного задатка руководителя-хозяйственника. Но они не могли просто так исключить его из своего привилегированного круга общения. Тот, кто однажды попадал в эшелон власти – короткий, длинный, сверхдлинный – никогда уже из него не выходил. Это был непреложный закон, неписанный закон. Только смерть могла освободить для новоиспечённого управленца насиженное место. Тогда о не во время сошедшем с горечью говорили: сгорел на работе, или проще, не так пафосно, - умер на работе.

Но умирать, конечно, никто не собирался. Ну а если кто начинал тосковать, засидевшись на одном месте, ему быстренько подыскивали новое, где он смог бы воспрянуть духом и посмотреть на жизнь снова сквозь розовые очки.

Но в этом отделении ему особенно понравилось, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Не было заложено в его биологическом теле чувства привязанности к земле, к семье. Он и женился-то только потому, что так было принято. А уж коли ты холост, то это сразу вызывает подозрение в твоей ущербности, что несомненно могло сказаться на репутации. Потому Кривоносов и женился довольно рано по меркам преуспевающего мужчины на первой попавшейся смазливой девчонке.

С самой юности своей Иван оказался слабоват на выпивку, не в том смысле, что жить не мог без горячительного стакана, а в том, что даже после небольшой дозы выпитого жилистое тело переставало его слушаться, тем более, что в качестве закуски чаще всего в ходу был замусоленный рукав собственной рубахи или, в лучшем случае, кислющие зелёные яблоки из соседского сада бабы Нюры. Сад её состоял из одной единственной яблони, которая плодоносила богато и каждый год, но продолговатые сочные яблоки оставались мелкими и кислыми до самой осени.

Ни гармонистом, ни певцом не слыл Иван на деревне, тихо жил и работал, как незаметно жили и работали многие его односельчане. Но мягкотелость его сыграла с ним злую шутку, а безропотная сговорчивость довела до непоправимой беды.

Вернулся из армии Семён Стрельцов: одногодок, чубатый белолицый крепыш и сразу же пригласил дружков обмыть, так сказать, благополучное своё возвращение из Вооружённых сил. До призыва в армию Семён учился в геологоразведочном техникуме и ему дали спокойно доучиться, а не забрали вместе с Иваном, тогда это было в порядке вещей, ведь было кому Родину защищать, пока Семён благополучно закончит обучение. Иван за это время успел жениться, и жена его Анютка подарила ему двоих шустрых девчонок.

Служил одногодок в автобате. Хвалился, что возил на «уазике» командира части. Пил-ел вдоволь, по нарядам не шуршал, вообще, не жизнь, а сплошная малина.

Чистое безоблачное небо мерцало звёздами. Долгожданная встреча, душевная компания – всё располагало к свершению чего-нибудь особенного, запоминающегося, близкого к неожиданному подвигу.

За разговорами компания быстро дошла до соседнего села. И у самой крайней хаты стоял, поблёскивая в лунном свете свежей краской, подготовленный к техосмотру «газон-молоковоз». Дверца машины была распахнута, а сама она стояла, упершись бампером в калитку палисадника, видно хозяин её, вернувшись домой на «автопилоте», думал не о машине, не о ключе в замке зажигания, а о том, как бы самому добраться до постели. Да и не было раньше моды замки на все двери навешивать, а машины без опаски оставляли возле дома.

Кровь заиграла в жилах у Семёна.

- Эта рухлядь ещё и ездит? – важно, заплетающимся языком проговорил автомобилист. – Щас я вам покажу, как надо машину водить. А ну, - залезай! – приказал он и пнул Ивана в бок.

- Может не надо? – попытался остановить его Иван.

- Не дрейфь, Ванёк, когда ещё тебя водитель-ас покатает по кочкам!

Шесть человек без труда втиснулись в узкую кабину машины, не забыв затащить с собой Ивана, который даже не пытался сопротивляться. На трезвую голову никогда бы столько не влезло, хоть толкушкой трамбуй. Семён, несмотря на то, что уже был прилично расшатан градусами выпитого, резво запрыгнул на водительское сиденье. Прежде, чем завести машину, он пустил по кругу последнюю бутылку самогона и, когда опорожненная посуда вылетела в окно, повернул ключ в замке...

Иван видел во сне свою смеющуюся Анютку. Она стояла в кузове машины и тянула к нему руки, приглашая к себе. Машина тронулась и поехала, увозя жену всё дальше от него. Иван погрустнел и очень удивился, сиюсь понять, почему это Анютка уезжает без него и при этом так радуется отъезду, ведь он так любит её и ничего для неё не жалеет. Он хочет пуститься

вдогонку, но не может сдвинуться с места; хочет позвать её, но нет голоса. И когда машина с Анной в кузове скрывается из виду, грубый тычок в бок возвращает его из волшебного мира снов в реальную земную жизнь.

Иван приоткрывает глаза, но от режущей боли в голове тут же снова сжимает веки. Кто-то настойчиво трясёт его. Иван снова пытается открыть глаза. Цветные блики плывут перед глазами, и сам он куда-то плывёт. Он чувствует себя космонавтом в невесомости, и всё бы ничего, если бы не жуткая головная боль, мешающая ему хоть немного собраться с мыслями. Он чувствует, что кто-то крепко держит его за руку, но не видит, что сидит на водительском сиденье, удерживаемый сержантом милиции.

- Покатался! – доносится до его мутного сознания укоризненный голос из космоса. Он пытается понять, кто и откуда с ним разговаривает.

Его куда-то тащат, запихивают в тёмное угловатое пространство, а резкий хлопок закрываемой задней дверцы милицейского «уазика» ноющей болью отдаётся в голове. Окончательно сознание возвращается к нему в полутёмной камере следственного изолятора, где он, ощупывая холодные шершавые стены, никак не может вспомнить, как и зачем он оказался в этом подвале. Когда же его повели мимо мощных железных дверей по узкому длинному коридору к следователю, он весь похолодел, осознав вдруг, что стал соучастником угона машины.

Его, дрожащего и от похмелья, и от волнения, усадили на скрипучий стул перед молодым лейтенантом. Тот искоса глянул на него и, не вдаваясь в излишние подробности, когда и так всё было ясно, пододвинул к Ивану исписанный лист бумаги и положил ручку.

- Подписывай.

- Что... подписывать? – не понял Иван.

- Что признаёшь себя виновным в угоне машины,- медленно проговорил лейтенант и хмыкнул. - Не протрезвел ещё?

- Сёмку мы встретили,- попытался оправдаться Иван, трясущимися руками отодвигая от себя бумагу.

- Подписывай! – отрезал следователь. – Ты сидел за рулём – факт доказанный, и можешь рассчитывать на снисхождение доброго судьи.

Сержант, сидевший за спиной Ивана, гоготнул и снял с головы фуражку.

- Я н...не угонял, - выдавил Иван из пересохшего горла. – Я и ездить-то не умею.

- Трезвый может быть и не умеешь, а вот пьяному море по колено.

- Я не угонял, - настаивал Иван, понимая, что чёрные тучи над его головой сгущаются.

Так оно и вышло. Но только не грозовые тучи над его бестолковой головушкой сгустились, готовые вот-вот разразиться карающим громом с молниями, а после едких слов лейтенанта - «Ты смотри! Он ещё и упирается, козёл!» - на его всклоченную голову опустилась довольно крепкая табуретка. Противно хрустнуло. Голова выдержала. Раскололась табуретка, а обмякший Иван тут же лишился чувств.

После такого короткого допроса он не забыл, кто он и откуда родом, но стал сильно заикаться и кривить губы, чтобы собраться с духом и соединить вместе несколько букв.

На суде он молчал, и судья посчитал это его нарочито вызывающее поведение нежеланием раскаться в содеянном и припаял два года лишения свободы в колонии общего режима. Никто Ивана не защищал, и никто не напомнил судье, что машина проехала не более ста метров и заглохла, потому что

почти весь бензин из бака слили мотоциклисты. Машина уткнулась в крепкий развесистый клён: не смог водитель-ас его объехать, хотя кругом не было больше ни домов, ни деревьев.

4

Недолго Алексей Иванович обживался в своём новом директорском кабинете. Всё в нём было в пределах нормы, т. е. этот ничем не отличался от прежних его кабинетов: дорогие блестящие обои, длинный овальный стол для планёрок и приёма важных гостей, шкафчик в одном углу, сейф в другом, телефоны на столе. Даже цвет стола был такого же коричневого оттенка, как стол в его прежнем кабинете. Он раньше никогда не задумывался над этим, но, вспомнив приёмную у главы района, сообразил вдруг, что обстановка и цвет соответствовали рангу хозяина.

Он никогда не менял обстановку или саму мебель в кабинете; у него даже мыслей на этот счёт не возникало. Единственное, что он непременно переносил с собой из кабинета в кабинет, - это пухлая чёрная кожаная папка для документов с тиснёным гербом и золотая импортная авторучка с очень тонким стержнем.

Познакомившись с руководителями, которые имели хоть какой-то вес в его новом хозяйстве, Алексей Иванович дал первые незначительные поручения, отпустил водителя, а сам сел за руль «Нивы» и поехал в то самое село, в котором чистый, ароматный, невесомый воздух напомнил ему детство.

Он медленно проехал по деревне, внимательно всматриваясь в пустоты между домами, пока, наконец, не остановился у той самой посадки, где он долго вдыхал аромат цветущей сирени.

У самого начала посадки стоял, глядя на мир покосившимися синими окнами маленький домик, покрытый сверху позеленевшей местами толью. Жил кто в нём или нет, Алексей Иванович не знал. Да это ему, собственно, и не было нужно. Рядом с домом была довольно обширная пустошь. Он осторожно пробрался по краю яблоневого сада в глубь участка. Там он обнаружил глубокую яму с кучкой жжурившегося и почерневшего картофеля на дне. Видимо, кто-то здесь всё-таки жил раньше, а на этом месте размещался погреб, а сверху, возможно, и хатёнка стояла. Хозяева умерли, а жильё растащили на дрова и строительные нужды соседи. «Засыпать яму недолго, - подумал Алексей Иванович, - а бульдозером можно за день расчистить площадку под строительство».

От таких мыслей потеплело на душе, что даже сердце перестало щемить.

Алексей Иванович закрыл глаза и попытался представить, как будет выглядеть его новый дом, длинный кирпичный сарай, на втором этаже которого он поставит ульи с пчёлами и одну стену сделает откидной, чтобы не убирать ульи с улицы на зиму – они уже будут под крышей: ни дождь, ни ветер не помешают пчёлам спокойно жить и размножаться. Он даже загордился такой своей находчивостью, что не хуже профессионального архитектора в два счёта распланировал все постройки.

Он постоял ещё несколько минут, пораскинул мозгами и твёрдо решил, что не стоит прятать такие хорошие идеи в долгий ящик, а нужно сразу приниматься за дело, пока есть необходимые связи и возможности, и готовить стройматериалы.

Через два дня площадка под строительство была расчищена. Где-то в окончательно развалившемся колхозе сняли с коровника плиты перекрытия и привезли на новое

строительство. Нашлись и фундаментные блоки, и белый кирпич.

Погода стояла хорошая, и сколоченная наскоро из свободных колхозников бригада была брошена на строительство дачного домика для директора хозяйства, именно дачного, потому что в городе за ним числилась трёхкомнатная квартира, в которой кроме него обитали жена и уже взрослая незамужняя дочь.

За месяц был залит фундамент, и на ровном, вычищенном от бурьянов и мусора месте стали возвышаться белые стены дачного домика для отдыха и успокоения от трудов праведных.

Директор теперь постоянно был в хорошем настроении, ежедневно заезжал на новостройку и подолгу любовался на растущую, на глазах воплощающуюся в явь его мечту.

К дому, чтобы плохая погода и вечная непролазная деревенская хлябь не помешали проезду, заботливые приятели густо просыпали сначала крупным, а затем мелким щебнем дорогу от центральной асфальтированной дороги.

Чтобы никто не мешал вдоволь наслаждаться тихой и благодатной деревенской жизнью и не подглядывал, Алексей Иванович выстроил перед домом высокий забор из бетонных плит с широкими железными въездными воротами. Он и огород, и будущий сад тоже решил огородить бетонными плитами, чтобы окончательно отгородиться от суетного мира и спокойно наслаждаться новой жизнью в своём тихом мирке. Для крепления плит порезали рельсы и на метр забетонировали в землю: чтоб на века.

Алексей Иванович уже явственно представлял, как он спрячется от всего шумного мира за высокими крепкими стенами, будет наслаждаться тишиной и с упоением слушать, как мелодично жужжат пчёлы, дружно идущие на медосбор.

Через два года Иван вернулся домой, худющий, бледный, не способный больше говорить чётко и внятно. Всё, что он знал и видел в этой жизни, показалось теперь бессмысленным и напрасным до такой степени, что ему нестерпимо захотелось переписать всё набело, как будто он ещё не родился, а тот, кто даёт жизнь, для чего-то, для какой-то непонятной Ивану цели даёт, будет к нему снисходителен, потому что он очень-очень постарается прожить её иначе, хотя и не представляет чётко, как может прожить жизнь иначе брошенный близкими человек, умеющий без выходных до седьмого пота работать на земле, получать за это гроши, но содержать целую страну, которая от него же и отворачивается. Нет, он не то чтобы обижается, он просто хочет хоть немного понять своим травмированным умом, кто и для какой цели надумал подарить ему эту самую жизнь?..

Ничего не изменилось на его родине, как будто не было этих долгих и мучительных для него двух лет, которые в нормальной жизни пролетают так быстро и незаметно, складываясь из минут, часов, дней, недель и месяцев, улетающих безвозвратно в неведомую даль. Он и сам почти не замечал раньше текучести времени. И когда впервые встретил Сёмку после армии, так прямо и сказал: «Как будто вчера забирали, а уже два года проскочили, как и не бывало!..»

Но на зоне время словно остановилось, хотя там к нему нормально относились, потому что Иван никогда не бегал от работы, не прятался за чужими спинами. Он и работал, как вол, чтобы хоть как-то скоротать, сдвинуть с мёртвой точки, протолкнуть по какой-то причине остановившееся жестокое время, чтобы поскорее вернуться домой, бухнуться в ноги Анютке, повиниться и начать жить заново.

Но перед самым его выходом на свободу он получил из дома коротенькое письмо, в котором жена написала, что силилась простить его, но не смогла, потому что своим мерзким поступком он плюнул ей в душу и опозорил их перед всей деревней. Она нашла себе другого мужика, вдовца, тоже с двумя детьми, и с дочерьми уходит к нему, потому что уверена, что он такой подлой пакости никогда не сотворит и будет заботиться о её детях как о своих собственных...

Отбывал срок Иван недалеко от дома, всего-то в двух сотнях километров, и потому добрался домой на перекладных.

Он вылез из попутки на краю села, прошёл длинной, перешёптывающейся крепкой молодой зелёной листвою посадкой и почувствовал, что и природа не признала в нём коренного жителя и совсем забыла за два года, как он бережно выбирал из молодой поросли сухие ветки и вытаскивал изломанные бурей стволы. Похоже, что чужим стал он на своей родине, где родился и рос, где строил с тем же Сёмкой запруды на стремительных ручьях, пускал бумажные кораблики и шлёпал покрасневшими, как у гуся, босыми ногами по солнечным бликам в мутных лужах.

Он вошёл в деревню и остановился. Нет, кое-что всё-таки изменилось: на просторной пустоши, рядом с покосившейся хатой сестёр-инвалидов, выросли высокие белокирпичные стены, прикрытые снизу от глаз низкорослыми старенькими яблонями. Значит, власть переменялась и кто-то из начальства облюбовал тихое укромное местечко.

Впереди, как на ладони, он увидел центральную часть села с магазином, современным двухэтажным клубом. Увидел он и свой дом, и муторно стало на душе, комок подкатил к горлу.

Через дорогу он заметил кучку людей возле дома шофёра Михаила. «Хотелось пройти незамеченным, да видно не удастся,

всё равно на весь век от людей не спрячешься» - подумал Иван и сдвинулся с места.

У дома Мишки стояла ещё грузовая машина, с прислоненной к деревянному борту крышкой гроба. Мужики издали признали Ивана и вышли ему навстречу.

- Оттрубил, - сочувственно пробасил Серёга и положил Ивану на плечо тяжёлую, почерневшую от угольной пыли в кузне ладонь.

- Ды – ы – ы... - попытался, часто дыша, ответить Иван.

Мужики удивлённо переглянулись.

- Досталось тебе, видать, Ваня, - сказал Серёга и мотнул своей квадратной, коротко остриженной, с залысинами на висках головой. – Эх, жисть-лихоманка! Пойдём, проводим в последний путь Мишкину мать и помянем, хорошая старушка была.

Баба Маня действительно была очень добрым и заботливым человеком. Не загодились у Ивана ко двору коровы: не одну поменял, пока совсем не перевёл. Так баба Маня сама носила им молоко, приговаривая: «Деткам-то молочко на пользу, вы-то сами приходите, приходите в любое время». Ивану стыдно было брать у неё молоко просто так, а денег она наотрез не брала, да ещё и обижалась. У неё сильно болели ноги, а она по-прежнему держала хозяйство уже много лет без мужа. Сын с темна до темна на работе – в деревне иначе не бывает. Поэтому, чтобы хоть как-то отблагодарить старушку, Анна пекла сладкие пироги и передавала бабе Мане, а сладости та страсть как любила...

За весь путь до кладбища к Ивану никто не подошёл: понимали, сочувствовали, что вернулся домой в пустые углы. Тёща часто поглядывала в его сторону, но тоже и словом не обмолвилась.

Когда гроб с высохшей до тростинки бабой Маней опустили в могилу, Мишка как с цепи сорвался: с громким воплем «мамочка!» и выпученными глазами он спрыгнул в могилу прямо на гроб и стал елозить по нему на животе.

- Во, дурачок! – заголосили рядом старухи. – Вылезь, не позорься. При жизни надо было мать беречь, а теперь чего, не подымешь.

Мужики с трудом оторвали Мишку от гроба, вытащили из могилы и в сопровождении сестёр отправили домой, а сами стали шустро засыпать могилу раскрошившейся серой глиной, чтобы он, чего доброго, снова в неё не сиганул.

Иван тоже помогал кидать тяжёлую глину совковой лопатой, и мужики-копачи посадили его с собой за стол на краю. Пока перед ними расставляли стаканы и клали хлеб, они сообщили ему, что жена его не дождалась, не преминув выразить крепкими словами свою мужскую солидарность.

После первой поминальной рюмки бывшая тёща набралась видно храбрости и под села к Ивану на край длинной широкой скамейки.

- Ну, ты как, зятёк, насовсем или снова куролесить начнёшь?

От первой выпитой рюмки Иван немного успокоился и потому смог из себя выдать:

- Н-на-на-насовсем.

- Правда, видать, там тебе досталось, не сбrehали мужики. Что дочка с другим живёт, знаешь. Велела не лезть в её жизнь.

Она было встала, но вдруг опомнилась, сунула ему в руку ключ.

- Это ключ от хаты. Свет там только электрики отрезали, я ж не буду платить, сам понимаешь.

Она посмотрела на него как на родного сына и прошептала:

- Бог с тобой, живи, как знаешь!..

Пили на поминках много, не меньше, чем на свадьбе. И стол ломился от закуски, хотя денег в колхозе платили в последние годы не столько, сколько ты зарабатываешь, а сколько пожелает начальство. А чтобы живот не прилип к спине, самое необходимое для жизни мужского и женского населения – хлеб и папиросы – давали под зарплату, записывая долг в специальную ведомость. И кто особенно шикавал, в получку и получать было нечего. Но на похороны всегда старались прикупить и колбаски, и сыра, и селёдки, чтобы покойный на том свете не обижался, что его плохо проводили с этого, и не стал приходиться по ночам во снах с упрёками. Поэтому родственники залезали в долги, из кожи вон лезли, а традицию соблюдали строго.

Иван выпивал всё, что ему наливали, но почему-то не пьянел. В тюрьме ему приходилось выпивать, когда делали какую работу у начальства, там фундамент залить, полы постелить или дом кирпичом обложить. Не чурался он работы, присматривался, как другие делают, и себе так же делал: было бы желание. А у него было не только желание всему научиться, а было ещё стремление сжечь неумолимое время и поскорее вернуться домой. Как оказалось – напрасно...

Подействовал на него алкоголь, только когда он открыл ключом дверь и вошёл в молчаливый опустевший дом. Никто не рад был его приходу, никто не встретил его на пороге с распростёртыми объятиями. Пошатываясь, он вошёл в спальню и рухнул на разложенный диван.

В осиротевшем жилище его поселилась пустота. Он и есть почти перестал. Пил только и лишь иногда закусывал, на похоронах, которые стали теперь единственным местом сбора ещё ходячей части селян. Но не просто так, чтобы напиться, ходил Иван на поминки. Он был их непременно участником, потому что одним из первых соглашался копать могилу, а труд это нелёгкий, кто копал – знает.

Никто уже точно не помнил, когда была на селе последняя свадьба. Не было слышно в деревне детского веселья, не сновали мимо окон шустрые велосипедисты. Ночи становились глуше и чернее, без песен, без полупьяного гомона молодёжи, как будто сама смерть укрыла своим непроницаемым плащом всю деревню, что даже собаки не решались обрѣхивать непроглядную темень.

И не так далёк уж тот день, когда вместе с последним жителем умрёт и исчезнет с лица земли ещё одна русская деревня. А ведь так безвозвратно деревни исчезали только в войну, когда вражеская ненависть огнём сметала их с лица земли вместе с копошащимися жителями.

Иван снова сел на трактор, на старенький бездверный «Беларусь». Ростом он не был обижен с детства, так что в кабине трактора ему приходилось пригибаться, чтобы неровности дороги не отпечатались на его макушке. Не забыл председатель, что до тюрьмы он ходил в передовиках, да и никто в деревне до конца не верил, что тихоня был способен на такой дерзкий поступок.

Ни от какой работы не отказывался Иван, даже от обработки полей ядохимикатами. Остальные мужики всеми правдами и неправдами открещивались от этого гиблого для мужского достоинства дела, беспокоясь о и без того

расшатанном здоровье. Потому и прощались, наверное, Ивану частые пьянки. Но пил он после работы или вместе с мужиками на праздник, если добро давал сам председатель.

Так и продолжал Иван жить на родной земле. Безотказно работал; после работы, в любую погоду, колол ослабевшим от старости и болячек односельчанам дрова, возил уголь, пахал огороды.

По праздникам и редким выходным люди ходили друг к другу в гости посидеть, выпить, попеть старинные и новые песни, поговорить-поругать непутёвую современную жизнь. Не ходил по гостям Иван и даже в праздники находил себе работу.

Стал у Ивана побаливать левый бок, и заботливые односельчане лечили его истощённое недоеданием и непомерной работой тело не всегда доброкачественным народным средством – самогоном. Иван выпивал положенную за работу бутылку и, долго не засиживаясь, выходил на свежий воздух. Отравленное сознание отделялось от тела и отказывалось им управлять; и тело, оставленное без надлежащего контроля и присмотра, валялось на землю. От холодной земли ослабевшему телу становилось тепло, и боль отпускала.

7

О годах учёбы в сельскохозяйственном институте директор вспоминал редко. Да и что хорошего может быть в нудных лекциях, ни единого слова из которых не запоминается и не лезет в молодую буйную голову. Но Алексей настойчиво высиживал все пары, чтобы примелькаться преподавателям и получить снисхождение на зачётах и экзаменах. Но сейчас, когда его размеренная жизнь обрела совершенно новый смысл, он

вдруг вспомнил свою первую юношескую любовь. Длинноволосую и большеглазую любовь его звали Валентина. Алексей несколько раз водил её в кино, угощал мороженым, но когда узнал, что она родом из деревни, из простой крестьянской семьи, тут же к ней охладел, смекнув, что с такой половинкой хорошую жизненную партию не сыграешь.

Разглядывая свои двадцать соток огорода, кроме скоротечной институтской любви Алексей Иванович припомнил ещё лекции щупленького профессора Воробьёва, который читал агрохимию. Почти каждую свою лекцию он заканчивал словами: «И не забывайте, милостивые государе, землю витаминами подкармливать, т. е. удобрять!»

Как кстати вспомнил он о профессоре и его совете...

Тяжело гружёные слежавшимся и перепревшим навозом «КамАЗы» шли за двадцать пять километров весь рабочий день, до блеска отполировав дорогу широкими колёсами. Ни одного сантиметра на огороде директора не осталось не унавоженным: каши маслом не испортишь.

Земля, конечно же, не испортилась от чрезмерного избытка естественных удобрений, хотя и до этого она много лет отдыхала и не была истощена ежегодными посадками. После коротких дождей перепаханная земля щедро явила на свет густую крепкую поросль полыни и сурепки.

Директор вернулся с юга и увидел неприглядную картину. Он обратился к председателю отделения с просьбой избавить его от случившегося конфуза и выделить смышлёного механизатора, чтобы убрать всю эту непотребную поросль с его участка. Председатель недолго думал и прислал ему на выручку Ивана, как самого покладистого и сговорчивого работника.

Увидев за бетонным забором джунгли полыни в свой рост, Иван поначалу озадачился, но потом завёл свой «Беларусь», подцепил дисковую косилку со сборочным

бункером и на пониженной скорости до самой земли выбрил территорию.

Кривоносов застал Ивана курящим у работающего вхолостую трактора. Заметив подошедшего директора, Иван поднялся и показал рукой на зеленеющий мелким ёжиком огород. Алексей Иванович остался очень доволен новым видом своего огорода, сходил в дом и принёс Ивану бутылку водки и пачку сигарет. Иван тоже в свою очередь остался доволен оплатой собственного труда, поблагодарил кивком головы, запрыгнул в трактор и удалился.

8

В районе неожиданно вспомнили, что давненько не обследовали сельских жителей врачи, а самим-то им некогда было за работой думать о собственном здоровье. И в село нагрянула целая делегация самых разных специалистов. Забота о человеке – прежде всего. В селе по такому случаю был объявлен укороченный рабочий день, всем ходячим было приказано явиться на медосмотр.

Как и следовало ожидать, среди трудового крестьянства не нашлось ни одного здорового: распухшие вены, помороженные руки и ноги, больные суставы и многие другие болячки, которые непременно приобретаются от тяжёлой работы и плохо организованных условий труда.

У Ивана спросили о жалобах. Он пожал плечами, потому что в разное время года побаливали различные части тела. На худом его теле были отчётливо видны все крупные и мелкие кровеносные сосуды. Он и сам до сих пор этого не замечал. Пожилой хирург у Ивана под мышкой обнаружил довольно крупную шишку. Иван честно признался, что побаливает. Тогда

хирург предложил не тянуть и как можно скорее этот нарост удалить, чтобы опухоль не распространялась и не приключилась страшная болезнь, тогда уж никакие врачи не помогут. И не преминул добавить, что операция платная.

Председатель лично наблюдал за ходом осмотра в коридоре клуба, где заодно размещался и фельдшерский пункт, у всех выходящих выспрашивал о пожеланиях врачей, беспокоясь, что их советы и рекомендации запросто могут перебить все его планы на работу.

Подступился он с усмешкой и к вышедшему смурному Ивану.

- Ну ты, Ваня, небось, здоровее докторов оказался, на твой проспиртованный организм ни одна бацилла не рискнёт напасть!

Иван скривил губы, обнажив пожелтевшие от плохого курева зубы, поднял левую руку, а правой указал под мышку.

- Ш-ш-шишку нашли.

- Ушиб что ли по пьяни? – совсем развеселился председатель, успокоенный тем, что ничего серьёзного у рабочих не обнаружили.

Иван опустил руку, а другой резко рубанул воздух и хрипло выдохнул:

- Резать.

Председатель сразу помрачнел, представив одиноко стоящий трактор, но тут же попытался сам себя успокоить:

- Так это ведь недолго? Сейчас техника, режут враз, день – два, и живи – работай!

Иван молча потёр перед носом председателя три пальца.

- Платить надо? – догадался председатель. – И много?

Тракторист пожал плечами и махнул рукой.

Жалко вдруг стало председателю обиженного жизнью, но такого работающего мужика.

- Ты тут руками не размахивай, - проговорил он серьёзно, - сходи к директору на приём, прямо завтра сходи и объясни ситуацию.

Иван хотел было возразить, но председатель оборвал его:

- Иди домой, наглаживайся, и чтоб завтра я тебя на работе не видел!

Председатель отвернулся и быстро зашагал к выходу; сообразил, что плохи дела у мужика. От подобной шишки, только на шее, за полгода сгорел его двоюродный брат...

«Наглаживайся... Легко сказать! – думал Иван, оглядывая из угла в угол своё мрачное серое жилище, в котором он появлялся теперь всё реже и реже. Рубашка приличная нашлась, но гладить-то её нечем: электричество закончилось вместе с уходом жены.

Взгляд Ивана упал на стоявший в углу у окна мёртвой бесполезной тумбой помутневший от пыли холодильник, очень старый, как говорили в народе, сразу послереволюционного выпуска. Хоть и великовозрастным он был, но – на памяти Ивана – воздух холодный давал исправно и в достаточном количестве.

Холодильник был совершенно пуст. Вилка выдернута из розетки. Видимо, Анна, как хорошая хозяйка, только его разморозила, но так больше и не включила – жизнь пошла в другое русло.

Иван посмотрел ещё недолго на полезное в семейном быту изобретение человечества, обхватил холодильник обеими руками и выдвинул из угла. За ним оказались набросанные кучкой, покрытые толстым слоем пыли детские игрушки.

Иван вздохнул глубоко, повесил на плечо мятую рубаху и снова взялся за холодильник...

Никак не ожидала тёща увидеть бывшего зятя у своего порога, да ещё и с холодильником.

- Мне – э – э – не нужен, - поспешил успокоить Иван удивлённую тещу.

- Имущество пропивать начал! – язвительно, с вытаращенными глазами, процедила тёща. – Выпить невтерпёж!

- Не – э – э - , - замотал головой Иван и протянул теще вылинявшую рубаху.

- Постирать что ли? Никак свататься собрался?..

- По – а – а – гладить.

- Погладить? – уже спокойнее переспросила тёща, косясь на холодильник, которого у неё самой отродясь не водилось.

- К ди – и – и – ректору, - поспешно добавил Иван, и от сильного напряжения лицо его перекосилось страшной гримасой и покраснело.

- На кой ты директору нужен, - уже себе под нос буркнула Раиса Тихоновна и взяла из его ещё подрагивающих от тяжести холодильника рук полосатую рубаху.

Иван затащил следом за ней холодильник и поставил к стене в прихожей, вышел, закурил.

Тёща вынесла старательно выглаженную рубаху.

Иван несколько раз кивнул головой в знак благодарности, широко заулыбался и, согнувшись, как колодезный журавль, быстро зашагал по улице.

- К директору! Надумал же чего-то?..

9

Рано утром Иван пешком ушёл за семь километров в соседнее большое село, где размещались центральная контора и сельский совет. Он должен был успеть застать директора после планёрки, иначе того могли куда-нибудь вызвать, и тогда снова придётся отпрашиваться с работы. Он и на этот раз не хотел

идти к директору на поклон, но председатель настоял. «Иди, - говорит, - авось и подкинет денюжат на лечение, а убогий ты и себе самому не будешь нужен. Тем более что он тебя уже приметил, как хорошо ты собрал с его участка первый богатый урожай сурепки и полыни».

Иван потоптался у входа, выкурил две папиросы подряд и наконец вошёл внутрь. Давненько он не был в этом заведении. Но именно здесь ему вешали на шею широкую алую ленту с золотистой надписью «передовик» за уборочную, и премию вручили. Прежний директор крепко пожал руку и сказал добродушно: «Молодца, Ваня, так держать, утёр нос матёрым механизаторам!» Тогда и зерна Иван столько бесплатно получил, что завалил им весь сарай. Можно было и домашнее хозяйство смело держать. Теперь же даже не верилось, что такая щедрость была возможна раньше. Урожаи зерновых уменьшились, но в последнюю уборочную зерно с тока вывозили ночью большегрузными машинами, как будто воровали сами у себя, и утром на бетонированной площадке не осталось даже шелухи – как и не было на ней сотен тонн зерна, как и не было и самой уборочной страды. Крестьянам стали давать по жомке зерна, и не просто так, а за деньги. А если денег расплатиться сразу не хватало, то выписывали в счёт зарплаты.

В думках о деньгах он снова вспомнил о шишке под мышкой. И откуда этих врачей нечистая принесла. Жил он с нею до этого и ничего. Ну, побаливало, так у кого сейчас ничего не болит...

За дверью директорского кабинета было шумно.

Иван пристально оглядел себя, ведь к директору пришёл, к большому начальнику, а не просто к соседу или куму заглянул-забрёл горло стаканчиком прополоскать.

Когда дверь кабинета распахнулась и все стали расходиться по своим делам, Иван ещё раз осмотрел себя с ног до головы.

Директор вышел последним и сразу признал механизатора, работавшего у него на участке.

- Иван, ты ко мне? Заходи.

Робко, словно боясь испачкать блестящие обои, Иван вошёл в просторный кабинет вслед за директором. Тот похозяйски развалился в крутящемся кожаном кресле за длинным овальным столом, с обеих сторон обставленном мягкими стульями.

Директор спокойно выслушал невнятную речь тракториста, но суть понял. Он встал из-за стола, вынул из кармана приличную пачку сторублёвок, проговорил серьёзно:

- Вот зарплату получил, но мне ж и самому жить надо, я ж её тебе не отдам?

И он тут же ловким движением вернул деньги в прежнее надёжное место, а просящему посоветовал:

- А ты болячку свою народным средством – мочой потри, глядишь – и рассосётся...

10

Когда Алексею Ивановичу осталось только обставить огород бетонными плитами и удлинить широкую балконную площадку на уже заложенные опоры, стройка неожиданно остановилась. Он, никому ничего не говоря, мотнулся в область, вернулся расстроенный, забрал все деньги из колхозной кассы и во второй раз за этот год отправился к морю.

Через месяц он вернулся понурый, со впалыми щеками, с потухшими глазами. Теперь его машину стали всё чаще видеть

стоящей подолгу у ограды храма. «Видать, плохо дело, - говорили люди, - раз директора потянуло к Богу. Утопающий и за соломинку цепляется».

Никогда не думал Кривоносов, что его жизнь может внезапно оборваться. Нет, конечно, он знал, что от старости все люди рано или поздно умирают. Но при его насыщенной жизни, особенно в последнее время, старость должна была подобраться к нему нескоро. Он ежегодно выезжал к морю, принимал витамины, содержал тело в чистоте.

Он спрашивал мысленно у Бога, за что тот его наказал, ведь он никого не убил, жил в своё удовольствие и другим не мешал жить, брал от жизни всё, что можно. Но ведь это же не преступление?!

Не смог или не захотел Господь помочь Алексею Ивановичу остаться подольше, как ему хотелось, в этом мире и продолжать жить полноценной радостной жизнью. А может быть и услышал Бог его последние молитвы, потому что с такой болезнью, как у Алексея Ивановича, люди мучаются и медленно умирают годами, а он без мук и обезболивающих уколов сгорел за три месяца, и умер, не оставив даже завещания: так не хотелось ему расставаться с жизнью.

11

Не воспользовался Иван директорским рецептом и сто раз пожалел, что сунулся со свиным рылом в калашный ряд. Будь что будет – решил он и успокоился. Что случилось в его жизни, теперь не вычеркнешь, не сотрёшь, а чему быть – жизнь покажет. Он по-прежнему работал от зари до тёмной ночи, потеряв счёт дням. Только стал замечать, что иногда у него появлялись провалы в памяти, и он не мог вспомнить, как и

зачем оказывался в том или ином месте. Вот и на этот раз он неожиданно для себя очутился на директорском огороде. Благо была ночь, и никто не приметил его, бесцельно шатающегося по округе. Иван огляделся: никого, только невидимые смоляные сверчки наполняли тёплую летнюю ночь протяжным пиликаньем.

Иван посмотрел на почти достроенный директорский дом. Балконная дверь по-прежнему была испачкана побелкой, хотя внутри всё было отделано, и сам директор однажды в нём ночевал. «Отночевался, - подумал Иван, - а жене лишняя обуза не нужна, ей и в городе неплохо живётся. В городе всем неплохо живётся...»

Кто-то могучий, всесильный безмолвно перекладывает нас из одной передрыги в другую, вынуждая радоваться и скорбеть, любить и убивать, ненавидеть и прощать. И люди не могут сопротивляться, да и не знают, чему, собственно, стоит сопротивляться. В непонятной, непостижимой и странной головоломке мы остаёмся всю свою жизнь, иногда что-то смутно понимая или догадываясь о чём-то, подстраиваясь под волю и близких, и совершенно чужих людей...

Он неспешно шёл по деревне, задумался и даже не заметил, как прошёл мимо своего дома. Бредущего с опущенной головой его заметила сидевшая на лавочке возле дома, высвеченная холодным светом полной луны, тёща Раиса Тихоновна и окликнула. Иван хотел было пройти мимо, но та настоятельно зазвала его к себе.

- Зайди, Ваня, сегодня ж праздник – Рождество Иоанна Предтечи! Зайди, зайди...

Она сама подошла к нему, крепко обхватила обеими руками с короткими пальцами его длинную худую руку и силком завела в дом.

В центре стола стояла на треть опорожненная бутылка самогона. Со всех сторон её окружала нехитрая деревенская закуска: жареная картошка, солёные огурцы и помидоры, сохранившийся с прошлого года салат из болгарского перца.

«Неужто специально меня поджидала?» - мелькнуло в голове у Ивана, и как-то нехорошо стало на душе, а грудь наполнилась жаром.

- Да ты садись, не стой в проходе! – забеспокоилась тёща.

Она легонько подтолкнула его к столу, поставила перед ним гранёный стакан и тут же наполнила его прозрачной жидкостью из бутылки.

Иван подозрительно покосился на тещу: с чего это вдруг?

Раиса Тихоновна заметила его недоумение и смущение.

- Знаешь, зятёк...

Она замолчала, вытерев повлажневшие глаза уголком цветастого платка.

- Семён письмо мне прислал. Я и не сразу-то сообразила, от кого, думала поначалу, что от Анюткиного хахаля какого, бывшего, но когда прочитала, - поняла что к чему. Он там о тебе пишет.

Раиса Тихоновна подошла к столу, задрала край клеёнки, достала сложенный пополам конверт и положила его перед Иваном.

- На вот, полюбуйся.

Иван молча отодвинул письмо.

- Обижаешься? Оно и есть за что, всю жизнь он тебе исковеркал, да и свою перечеркнул. Пишет, что в тайге его вездеход заглох, а морозы там – будь здоров, не то, что наши, только нос да щёки подрумянить; метель была жуткая, пока нашли, отморозил ноги, теперь костыляет на протезах. Винится,

что он сидел за рулём той проклятой машины. А ты, что ж, на суде молчал, не оправдывался?..

Иван мельком взглянул на письмо и залпом опрокинул налитый стакан.

- Бог всё видит, ничего у него не проходит незамеченным и никто не остаётся безнаказанным. Прости ты и меня, Христа ради, что плохо о тебе думала, и дочку прости. Сделанного не воротить, отрезанный ломоть обратно не прилепишь, жизнь назад не возвернёшь.

Она отвернулась и беззвучно заплакала.

Иван сам себе налил ещё полный стакан, залпом выпил и, не закусывая, вышел из хаты.

Звёзды усыпали всё небо серебряной россыпью. Странные чувства распирали выхудавшее тело Ивана: это и прежняя обида, которая сейчас внезапно вернулась вместе со словами тёщи, и непонятная детская радость, как будто его, как сломанную детскую игрушку, починили добрым словом, и он снова может жить дальше, жить, не стыдясь своей убогости.

Что-то внутри него, в груди, разгоралось всё сильнее и сильнее, телу стало жарко, словно его обдали кипятком. Иван расстегнул рубаху.

Он шёл мимо молчаливых домов с тёмными окнами. То ли от волнения, то ли от внутреннего жара на глазах выступили слёзы. Но никто их не видел, да и кто мог что-либо видеть в стареющей и вымирающей деревне. И сам Иван не чувствовал слёз: так пылало жаром его тело.

Только соловей не мог спать и молчать в такую прекрасную летнюю ночь. Он пел громко, протяжно и радостно. Скоро его соловьяха сядет высиживать потомство, и тогда он будет молчать, волноваться, ухаживать за суженой – и молчать. А сейчас он распевал смело и звонко во всё своё ювелирное горлышко.

Иван осторожно, чтобы не спугнуть счастливую птаху, встал на четвереньки, заполз в самую гущу кленовых зарослей и лёг на землю, вглядываясь широко раскрытыми глазами в безоблачное звёздное небо. Ему показалось, что он вдруг стал понимать тонкие соловьиные трели и услышал в них надежду, что любая душа обязательно должна испытать в жизни великую радость. Жар тела соединился с теплом прохладной земли, и Иван перестал его ощущать. Высокие острые травинки щекотали его лицо, но он лежал, не шевелясь, слушая пение влюблённого певца. Ничего больше у него не болело. Ему стало хорошо и спокойно, а свет далёких звёзд становился всё ярче и ярче, как будто раньше назначенного срока выкатывалось из-за соснового леса великое светило...

12

Нашли Ивана не сразу. И искать его кинулись только спустя два дня, когда он не вышел на работу, чего раньше за ним не наблюдалось. Опаздывать – опаздывал по причине тягостного похмелья, но чтобы злостно уклоняться от работы – никогда.

Обследовали бурьяны вокруг его дома и обнаружили в них даже высохшие стебли посаженной когда-то и давно уже не плодоносившей малины. Заглядывали в мутные окна, надеясь увидеть какое-либо движение. Потом мужики немного посоветались и вышибли хлипкую фанерную дверь одним ударом ноги.

В нос сразу же шибануло сырым затхлым воздухом. Весь пол в доме был устлан землёй, нагнанной мышами и лягушками. Одна жаба сидела в углу и тупо тарасилась, часто раздувая бока на непрошенных гостей. Кроме земли на полу ещё валялись высохшие лошадиные лепёшки. В боку грубки зияла обугленная

дыра, и некогда выкрашенные наполовину в зелёную краску стены закоптились и стали похожи на болотную жижу.

Мужики повздыхали, собрались с духом и вошли в последнюю, самую большую комнату. У одной стены стоял узкий бездверный шкаф, облезлый диван – у другой, а на чистом, сияющем среди всей этой безжизненной серости белизной подоконнике они увидели аккуратно разложенные детские игрушки.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Майские праздники Валентина Ивановна любила отмечать нешумно, в кругу семьи. Но это было, казалось, очень давно. Так что и самой теперь верилось с трудом, что вся семья дружно усаживалась за накрытым новой в пышных алых розах клеенкой столом, уставленным до краев всевозможной снедью, и под громкую празднично-весеннюю музыку, бойко льющуюся из репродуктора, и терпкого, пьянящего аромата цветущей прямо под окном сирени семейства начинало ритмично орудовать ложками, нахваливая всяк на свой лад незатейливые разносолы; ложки глухо шлепались о бока пузатого закопченного чугуна, и была эта незамысловатая музыка спокойного семейного счастья слаще любого заморского деликатеса, продающегося сегодня за бешеные деньги и на рынке, и в магазине.

Трудно было жить, но радостно, потому и пелось легко и жилось не в тягость. И по всей матушке России славянин с непоказной радостью узнавал своего собрата, не вслушиваясь в

акцент его голоса и не всматриваясь подозрительно в цвет его кожи.

Широки были и дороги, обгаренные братской кровью, одинакового цвета и содержания у всякого живущего под Божьим покровом на земле.

И места всем хватало; не делили, не рвали землю на части пограничными полосами.

А теперь вседозволенность нагло превратилась в безответственность, и скоростной поезд развала и обнищания мчал под откос который год на бешеной скорости без остановок и опознавательных огней с сорванными еще на станции отправления тормозами...

А 9 мая был для нее особенным днем, не только потому, что отец ее, Иван Миронович, гнал поганых фашистов аж до Берлина, за что был отмечен правительственными наградами, чем дочь несказанно гордилась и всегда приглашала отца на школьные мероприятия, чтобы рассказал, как живой свидетель, детишкам, как нелегко было топтать в рваных кирзовых сапогах, а где и босиком, через три державы, до самого вражеского логова, и как радостно было плакать на глазах у всех в последний день жуткой войны, сознавая: дошел, вынес, выжил...

Слаб с годами отец, но она подставляла ему свое уже немолодое выхудавшее плечо и настойчиво тащила в школу, делая две-три короткие передышки. Отец отнекивался, но она не сдавалась, видя каждый раз, как загораются глаза детей от негромкого стародеревенского говора человека, прошагавшего от первого до последнего - победного - дня войны.

9 мая, еще под мирным, не освещенным взрывами бомб и косыми лучами прожекторов, не расцвеченным праздничным победным салютом небом она и сама родилась...

Отец в этот день вставал из-за стола, возвышаясь иссеченной войной громадой воина-победителя, поднимал, по-

фронтальному, алюминиевую кружку, кашлял глухо в кулак и говорил: «Ты у меня, Валентина, героическая девка, в великий день родилась. Одна ты у меня пережила лихую годину и тебе продолжать род наш Ивановых». Скупая мужская слеза выкатывалась на сухую желтую щеку, и он резко смахивал ее - вражину ребром ладони, вспомнив о супруге Анне и сгоревших вместе с нею сыновьях. «Одна ты у меня, акромя Родины, фронтвая...» - добавлял он и залпом опрокидывал кружку.

И Валентина, исполняя наказ отца, родила и вырастила двоих сыновей-крепышей.

В семье ее все были долгожителями: и прабабка Ксения сотню разменяла, и прадед Алексей двух годков до века не дотянул (Царствие им всем небесное), и отец, дожив до девяноста четырех лет, теперь пятый год успокоено спал под полутораметровым слоем жирного чернозема.

Муж только не поддержал ее семейную долгожительную математику, но от судьбы-лихоманки не убежишь, не скроешься. Затянуло его в жатку комбайна, совершенно трезвого, когда полез прочистить забившийся барабан, и прокололо ржавым железным шипом крупную артерию в паху. В больницу привезли уже мертвого - вся кровь вытекла. «Пальцем бы зажали рану - выжил бы мужик», - с горечью сказал врач. Это, конечно, потом легче судить-рассуждать, а в горячке мужики растерялись и позабыли со страху как кого звать-величать.

Дети, как только засвербило в одном месте у кабанчиков-министров и затеяли они перестройку-переделку, подались на заработки на север, в молодой город Ноябрьск. Матери высылали каждые месяц деньги, обзавелись семьями, и не по карману стало привезти к матери внучат в деревенскую купель еще свежего чистого воздуха.

Несколько лет на праздники она получала от них открытки, долгими тоскливыми зимними вечерами

раскладывала их на столе, внимательно перечитывала каждое слово, пытаясь понять окрепшие души сыновей.

Пятьдесят пятый день рождения она встречала одна. Рано утром поставила на стол три прибора: для усопших - отцова семейства и мужа; и для себя. Потом сходила на кладбище, отнесла праздничный гостинец - поставила стопки с кусочками хлеба на засаженные цветами надгробья, чтобы на том безгорестном свете они выпили по русскому обычаю и за Великую Победу, и за всех живущих на земле.

Где упокоились мать с братьями, она не знала, да и никто не знал; сожгли их фашисты вместе с другими жителями деревни в деревянной бане до самой земли, поседевшей от пепла и горя загубленных человеческих жизней.

Валентина молча сидела за столом и смотрела, прищурив глаза от яркого слепящего солнца за окном, на два бледных полупрозрачных облачка, зависших над ее опустевшим домом. Быть может, это души отца и мужа прилетели провести ее и поздравить с праздником.

Но праздника не было: не гремела с самого утра, как раньше, музыка, не подплясывали ей, звонко хлопая, полотнища флагов на школе и клубе, да и сам намученный люд большей частью дремал, пользуясь лишним законным выходным, чтобы поспать пару часов вперед, не будущее.

В окне мелькнули расплывчатые силуэты птиц, поморгав солнечной морзянкой, и снова все замерло.

Дети - как птицы, летят туда, где они нужнее, где станет теплее людям от их молодых работающих рук, и где улыбнется им светло и радостно долгожданное счастье; родятся дети детей и, взмахнув огромными белоснежными крыльями, вернут не Родину своих постаревших вожаков-родителей, чтобы не пустовал отчий дом и край, чтобы было кому провожать детей в далекие необжитые края.

Птицы возвращаются. А дети?.. Дети чаще остаются там, где они были нужнее и где у них устало опустились крылья, а потом и совсем отпали как лишний жизненный балласт. И не по собственной воле, и не из-за любви к взрастившей их маленькой Родине становились дети бескрылыми. Крылья им подрубали те, кто, целясь циклопым ненасытным глазом на народное добро из-за угла реформ и перестроек, вечно ползая по серым, но богатым, изобилующим пищей, подмасленной горячей и без огня человеческой кровью таких, как Данко, кремлевских кабинетов и подвальных ходов между этими самыми кабинетами-жизнями, пухля, наливаясь розовощекими яблочками, только на вид, правда, сладкими да аппетитными, а внутри - горькими, ядовитыми, не годными на корм даже червям.

Валентина смотрела в окно и думала о смысле собственной жизни и о смысле всего природного естества, летящего от рождения до смерти невесомыми пылинками счастья, но такими памятными и такими болезненными. А время только в ее посеребренной уже давно голове остановилось прозрачными облачками памяти, а на самом деле оно мчалось без оглядки, и даже беспокойное материнское сердце не могло его остановить, повернуть вспять...

Облачка в ясном безгрешном небе бесследно растаяли, или понесли еще в чье-то окно радостные минуты воспоминаний.

На этот раз дети не прислали даже открытки, и мысли Валентины не связывались с сердечной материнской болью: случилось чего? в пути задержка? Или ... запаматовали в работе? Эту последнюю мысль она тут же вышибла, резко мотнув головой. Не верила она, что дети могут забыть о ней, о своей матери.

Она прождала до обеда, когда коровы замычали под окнами, возвращаясь с лугов, откупорила бутылку вина, разлила по стаканам. Себе налила поменьше, чтобы не пойти на утро на работу с больной головой и чтобы не было стыдно перед учениками.

Отчаяние, горечь и жалость ко всем одиноким старикам подкатили тяжелым комом к горлу, и поднятая худая рука со стаканом замерла в воздухе...

Неожиданно она почувствовала, как на плечи легли крепкие мужские руки. Она вздрогнула и когда радужная пелена с глаз исчезла, в страхе обернулась: рядом, плечо к плечу стояли два огромных мужика, лукаво улыбаясь в пышные смоляные усы - ее сыновья. Как она вскочила, как бросилась обнимать-целовать пропахшие сигаретным дымом руки, обветренные, пропитанные смолистым запахом тайги щетинистые лица. Приехали одни, без детей: не хватило денег на дорогу. Но когда они сообщили, что приехали на целую неделю, Валентина юлой завертелась по дому, не зная, куда усадить дорогих гостей и чем попотчевать, забыв о больной спине и распухающих ногах. Потом вертела пельмени, пекла пирожки с капустой и повидлом, любимые детьми, давно уже ставшими взрослыми мужчинами.

Когда сыновья улеглись спать далеко за полночь, она еще долго сидела у них в головах в радостном наваждении долгожданной встречи и любовалась сильными руками, разбросанными по пухлым белоснежным подушкам.

Утром она проспала на работу, впервые в жизни проспала. На бегу умывалась, одевалась, опрометью кидалась к вскипевшему, бухающему крышкой чайнику, заглядывая каждый раз в спальню, забыв, что минуту назад, затаив дыхание, уже стояла перед дверью, вслушиваясь в звуки проснувшегося утра; сыновья спали спокойно и крепко, как спится только в родительском доме, где каждый предмет, посеревший или

почерневший от безжалостного времени, излучал в молчаливые комнаты нескончаемую божественную музыку детских сказок и колыбельных песен.

Валентина Ивановна выпорхнула на улицу, улыбаясь всему миру, подумав, что после работы дома ее обязательно встретят дети, и засеменяла по дорожке, сияя подобно солнцу неопишуемой материнской радостью.

На перекрестке, у закрытой наглухо железной милицейской будки, она заметила, что все не нее обращают внимание. И не только молодежь, на и старики, у которых со зрением явно было не в порядке, щурили глаза, провожая ее пристальным изучающим взглядом.

Валентина Ивановна подумала невольно: «Неужто вторая молодость пришла, а она так боялась перешагнуть роковую черту пенсионного возраста, когда останется последний этап промелькнувшего как сон жизненного пути».

Прохожие по-прежнему скашивали глаза в ее сторону, кто с улыбкой, а кто и с отвисшей челюстью. Валентина Ивановна была не седьмом небе от счастья. Она гордо вскинула голову и выпрямила больную спину.

В учительской она оказалась уже после звонка, и поэтому некому было оценить ее сияющего молодостью лица. Ей было жутко и стыдно за опоздание. Она успокоила дыхание и робко, как в первый раз после педучилища, взяла в руки журнал.

Смотреться в зеркало было некогда.

- 10 «б», жуткий 10 «б», - вздохнула она и решительно пошла в класс. Ученики за дверью бесновались, радуясь отсутствию нудной училки.

Валентина Ивановна рывком открыла дверь и спокойно вошла в тесноватый для девятнадцати гавриков класс. Как только дверь глухо захлопнулась, отозвавшись протяжным раскатистым эхом в пустоте коридора, и ученики обратили

раскрасневшиеся дурашливые физиономии не пожилую учительницу, в классе воцарилась гробовая тишина.

Валентина Ивановна широко улыбнулась и изумленным подросткам, и своему особенному очарованию, грациозно подошла к столу и устремила сияющие безграничной жизненной энергией глаза не ошеломленный ее омоложением класс. Спрашивать домашнее задание она не стала, чтобы не портить праздничного настроения, тем более, что по открытым ртам было ясно, что добиться от них сегодня она ничего не сможет.

Она сразу же приступила к объяснению нового материала, делая лирические отступления и поглядывая на залитое солнцем окно и бесконечный радостный мир за ним.

На протяжении всего урока ни один ученик даже не шелохнулся, только маленькая зеленая мушка настойчиво билась в стекло, безуспешно пытаясь скрыться от ее чар.

Радуюсь такому успеху на уроке, и где? в кошмарном 10 «б», она так же спокойно, с гордо поднятой головой покинула класс, спиной чувствуя жар от изумленных детских глаз, постояла немного за дверью, вспомнив о приехавших детях, и не спеша пошла в учительскую...

Учителя, не ходу обсуждая выходки шкодливых учеников, постепенно собирались в небольшой комнате с четырьмя полированными, выпущенными и модными еще в хрущевские времена темными столами, у одного из которых в волнительном ожидании стояла Валентина Ивановна.

И когда зашел завуч, обнаружив прямо у дверей загадочно примолкшую стайку педагогов, Валентина Ивановна не выдержала, шагнула в центр комнаты и радостно воскликнула:

- 10 «б» сегодня у меня сидел тише воды, ниже травы. Не чудо ли?! А вы что скажете, коллеги, на сколько годков я помолодела?..

Завуч слегка покраснел и опустил глаза в пол.

- Я, пожалуй, могу объяснить это чудо, - мягко, чтобы не обидеть женщину, заговорил он, - Вы забыли, э-э... юбку надеть...

КОНТРОЛЬ НА ДОРОГЕ

Начинало светать.

Валентина Николаевна уже в пальто и в пуховом платке допила из чашки остатки еще горячего чаю, хлопнула дверью и вышла на улицу.

Ночью шел легкий, пушистый снежок. Он накрыл тонкой вуалью и дорогу и тротуар, и под ним теперь не были видны ледяные панцири, оставшиеся на дороге после оттепели.

Осторожно передвигая уставшие от напряжения, и без того больные, ноги, она донесла свое грузное тело до автобусной остановки и лесенкой взобралась на тротуар.

Бог не дал ей детей, и уже тридцать лет с хвостиком она ездила в деревню учить уму-разуму чужих детей.

Она еще раз заглянула в сумку, проверяя, не забыла ли взять печенье и банку своего любимого клубничного варенья, чтобы на большей перемене напоить детей чаем.

От этих мыслей ей сразу стало теплее, а автобус, как всегда, опаздывал.

Двое мужиков рядом затеяли перебранку. Несколько минут они кричали, размахивали руками, и пока один другого не обматерил - не разошлись.

Подошел автобус.

Народу было мало, и Валентина Николаевна спокойно села на заледенелое сиденье и поежилась.

Когда все уселись, в салон «ПАЗика» выплыл водитель, здоровенный круглолицый мужчина лет тридцати пяти, словно он не баранку крутил, а был капитаном дальнего плавания.

Кондукторы на утренние рейсы садились редко: им видно тоже хотелось лишний часок поваляться в постели.

Водитель обилечивал сам.

Дошла очередь и до Валентины Николаевны. Капитан привычным резким движением оторвал ей три билета, когда она назвала пункт назначения. Валентина Николаевна взглянула на билеты. На каждой розовой бумажке значилось 5 копеек.

- Это сколько? - недоуменно спросила она.

- Не видишь что ли, три рубля! Раз, два, три! - ткнул он поочередно крупным указательным пальцем в каждый билет.

- Но мне нужно три двадцать!

- Вот тебе еще 20 коп.! - почти пропел веселый Капитан и отщипнул ей один точно такой же билетик на 5 коп.

- Вы понимаете, - стала объяснять Валентина Николаевна, - мы наклеиваем эти билеты, и нам потом в бухгалтерии возвращают деньги.

Капитан перестал улыбаться и как-то странно посмотрел на нее.

- И нам возвращают деньги! - медленно повторила Валентина Николаевна. - Какую сумму я напишу в заявлении?..

- Сколько надо, столько и пиши!

- Но здесь билетов на 20 коп.

Капитан даже рот приоткрыл от изумления.

- Тебе чего надобно, тетка? - вдруг повысил он голос. - Я тебе билет дал?

- Дал.

- Ну так и не валяй мне Ваньку!

Он небрежно бросил оставшуюся снижку билетов в карман, давая понять, что разговор окончен.

Автобус жалобно зарычал, и Капитан дал газу. В салоне запахло жженой резиной.

- Всех обилетил? - вдруг крикнул водитель. - Контроль на дороге. Вам неприятности и мне по шапке достанется.

Не успели они проехать и пятнадцати минут и дослушать песню о далеком колымском крае, как Капитан громко возвестил:

- Контроль. Готовьте билеты! Автобус плавно затормозил.

«Рейд у них что ли какой?» - подумала Валентина Николаевна, доставая из кармана пальто билеты.

В автобус вплыла розовощекая от мороза контролерша. Пассажиры зашевелились.

- Приготовьте билетики, пассажиры! - пропела она звонким голосом и двинулась по салону.

- Куда едем?- обратилась она к Валентине Николаевне.

- Согласно билетам! - с грустью в голосе проговорила она.

- Трудно что ли ответить! - обиделась контролерша. Валентина Николаевна развернула билеты.

- Сколько здесь? - спросила она, обращаясь к обидчивой контролерше.

- Кто вам давал билеты? - поинтересовалась та.

- Водитель. И он сказал, что здесь три двадцать.

Контролерша ничуть на смутилась и так внимательно посмотрела на билеты, словно они из пятикопеечных могли стать рублевыми, и уверенно заявила:

- Значит, так оно и есть!

Она пожелала всем «счастливого пути» и на минуту остановилась возле водителя и что-то ему сказала. Тот недовольно хмыкнул и завел мотор.

Через пару минут автобус вновь остановился.

«Не доедем, - с грустью подумала Валентина Николаевна, - опять опоздаю на работу!»

Но тут она увидела, что Капитан покинул свой капитанский мостик, подбежал к ней и заорал:

- Ты что меня подставляешь?!

Валентина Николаевна невольно вжалась в сиденье.

- Я же вам объясняла... - начала было она и запнулась.

Она заметила, что у Капитана, на глазах превратившегося в Пирата, сжались кулаки, и подумала, что, если бы не люди в салоне, он бы ее точно по-свойски «приголубил».

Капитан, превратившийся в злого Пирата, что-то еще прошипел, играя желваками, и, не найдя больше устрашающих слов, шумно выдохнул воздух, словно хотел плюнуть, и быстро ушел на свое место.

Валентина Николаевна подъезжала к своей остановке. Она заранее встала и подошла к двери.

Водитель что-то пробурчал себе под нос и начал тормозить.

Валентина Николаевна вдруг вспомнила двух мужиков на городской остановке. «Вот если бы и я накрыла его «трехэтажным», он бы тоже, наверное, меня сразу понял», - подумала она и устыдилась своих мыслей.

Она ехала на работу: ехала учить детей, и ей было досадно, что люди перестали понимать простой русский язык.

Не жаль ей было трех рублей, которые ей не додадут в бухгалтерии. Она приехала учить детей великому и могучему

русскому языку и не хотела понапрасну портить настроение перед работой.

Она шла к детям. Шла и думала о том, как будет жить дальше огрубевшая и обматеренная Россия.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Владимир Матвеевич Манилов, председатель сельсовета, в полусогнутом состоянии уже несколько минут недвижимо стоял у покривившегося сетчатого забора и пытался проворными цепкими пальцами сплести между собой оставшиеся на треть завитушки сетки – «рабицы». Сетка давно уже поржавела по причине не первой свежести и годов эдак с десятков отсутствия на ней заводской промазки и потому неохотно поддавалась скручиванию: скрипела и хрустела, как свежий поджаристый батон под тупым лезвием ножа; иногда больно стреляла по ногам осколками отвалившейся проволоки. Владимир Матвеевич ойкал, мычал, иногда вздрагивал от неожиданных болезненных уколов ос-проволок, но положения тела не менял, отчего большие выпуклые глаза его, наполовину запрятанные в мохнатые мясистые веки, наливались кровью; багровело широкоскулое бугристое лицо от ненормированного пребывания к нему крови; грушевидный нос и без того синюшного оттенка сливел, а крупная грибообразная бородавка на самом его кончике лиловела и поблескивала как сторожевой маяк на острове Шпицбергена.

Сетку-старушку, давно уже отслужившую положенный срок, он перенес от своего нового дома: ею был обозначен участок под его строительство. Трехэтажный коттедж,

выросший над стройными высокими стволами сосен, теперь был обнесен новенькой «рабицей», снятой им со столбов забора у Дома ветеранов, открытие которого было пышно отмечено всем районом и даже, не без преувеличения сказать, областью, через два дня, когда приемная комиссия откушала местных заграничных яств, опохмелилась и восвояси удалилась. И теперь, проходя мимо, он усердно латал дыры замененной сетки, препятствуя проникновению на охраняемую территорию соседствующих настырных кур и гусей, рвущихся вытоптать прилежащее пышное цветочное богатство.

Сведущий в литературе читатель может усмотреть схожесть фамилии председателя, с гоголевским персонажем, но только, к сожалению, фамильную. Норов его был далек от услужливого, любезного и раздумчивого. Нет, кстати, услужливость в нем еще сохранилась, не запамятовал он, где и перед кем эту важную склонность характера применять.

Однако, сведущий в философии читатель может усмотреть здесь явное влияние на жизненный моралитет данного индивидуума огрубевшего, и в очень сильной мере, сегодняшнего состояния жизни и может вполне справедливо заметить, что в служебном положении он даже вырос в отличие от мелкого гоголевского помещика-мечтателя, имея больше тысячи душ в подчинении (не говоря уже о «мертвых», коими сейчас абсолютно не интересуются дальновидные помещики), способных неплохо работать и содержать всю чиновничью ватагу.

И потому, и вполне справедливо, они могут усмотреть тут явное переселение души гоголевского Манилова в нашего героя, с противоположным знаком однако, несоразмерно разъехавшегося в разные стороны под воздействием ненормированного жизнеупотребления.

Тема эта, конечно, затронет, заденет за живое многих наших соотечественников, особенно из низшего сословия, поскольку русские не только быструю езду любят, но еще любят словесно докапываться до самых что ни на есть корней любого жизненного вопроса. И только тогда успокаиваются, даже если решение вопроса приходится не в их пользу.

О пользе затеи председателя, усердно пытавшегося из воздуха «соткать» что-то наподобие загородки, размышляла, сидя на табуретке на широком крыльце под навесом, маленькая худенькая старушонка в цветастом платочке на голове, в таком же цветастом вылинявшем платье-безрукавке накинутом на плечи больничном халате (о чем свидетельствовал треугольный штемпель на подоле), в мужских носках, наполовину спрятанных вместе со ступней в непонятного цвета тапочках.

Ну чем не...

- Коробочка! - воскликнет догадливый читатель.

Нет, тут вышла досадная промашка. Не видных особей (ударение вольное) старушка - Акулина Тихоновна, баба Акуля: в простонародье, по двору - дьячиха. Видать, был у нее предок при хлебах; был, да весь вышел.

Она бы не стала мучить без того намученную спинushку бесполезным занятием, а наломала бы хворосту и сладила крепкую частокольную загородку. Похожие мысли, вполне возможно, посещали еще не полысевшую, курчавую голову сельского головы. По причине постоянного соседства с крестьянскими душами, но он ни в коем случае не мог испортить привлекательность цветочного фасада Дома ветеранов. Сетка, она ведь, что есть, что нету, - издалека не видно. А если губернатор не дай Бог! мимо проезжать изволит да частокол из нетесаных палок улицезреет - это ж сраму не оберешься! Не говоря уже о занимаемом служебном положении, репутации.

Акулина только что вернулась с ежедневной прогулки. Правда, это была не просто прогулка. Сначала она шла к подъезду психиатрической, больницы, куда к семи тридцати утра ежедневно на маленькой машине привозили свежий, с пылу с жару, хлеб. Машину уже ждала очередь. Хотя такой же хлеб, ну разве что не такой горячий, можно было купить в магазине, и без всякой очереди. Но дело-то как раз именно в очереди и заключается. С давних времен знакома и почитаема русским людом очередь: на квартиру, на дачный участок, на машину, на прием к начальнику - по понедельникам, чаще, а время, как известно, не резиновое; за папиросами-сигаретами - с талонами и без, - за водкой, по большей части - праздничной.

В оной, т.е. очереди, выковывается, укрепляется и, можно сказать, сохраняется, истинный русский характер, который буржуи, и заокеанские, и теперь уже свои, называют красиво надежда на будущее - светлое и лучшее. Но им, прошедшим или зашедшим мимо очереди и без очереди и невдомек, что именно в недрах таких толкучек-давок рождаются пословицы, поговорки, типа: «не спеши, а то успеешь», «эх, ухнем...» - с картинками и без, - анекдоты, но и не только фольклорные жанры в ней, в гуще народа, зиждятся и лелеются десятилетиями лучшие народные качества, а потом выплескиваются на бумагу «просителями», «великомученицами», «хозяйками истории», «дневниками...» - документальной историей карабкания народа к вершине Олимпа, нет, не того, где боги-громовержцы восседают, сменяясь по часам, годам, столетиям, а к духовному Олимпу, где Бог Един: несменяемый и незаменимый.

Только в очереди можно услышать журчащую чистой слезой с потрескавшихся губ стариков, старушек, инвалидов живую русскую речь, без «баксов», «халявы», «жратвы».

Буханка куплена. На деньги, что выделяет директор стариковника (так называет про себя Акулина Дом ветеранов) от ее пенсии на стариковские чудачества. К этим чудачествам относилась и буханка хлеба, которую несла Акулина своей соседке по дому и подруге детства Марфе. Страдала подруга спиной и редко выходила теперь из дому. Сын у нее где-то на Севере промыслом занимался и потому ей, как одинокой Акулине, не положено было койко-место в стариковнике. Вот и носила ей подруга свежий мягкий хлеб, податливый для ее беззубого рта, и новости «из толпы» приносила. Марфа садилась в кровати, забывая про болячки, и они эхали, кивали головами и, конечно же, улыбались давним своим, но таким явственным, воспоминаниям, радуясь и возможности просто пообщаться.

Потом она шла проведать свой дом: рвала сор у просевшего крыльца, поправляла изгородь, ежедневно бодаемую и лягаемую прогоняемым мимо стадом коров и усердно пыталась оживить увянувший розовый куст.

Не собиралась она оставлять пустовать дом свой. Но неожиданная хвороба надолго свалила ее с ног, и она перепугалась, что придется одной лежать ей в доме, гнить, не приданной земле. Не смерти боялась она, нет. Она боялась умереть в одиночестве. Не должен человек уходить в мир иной один-одинешенек, по ее уразумению. Должна быть обязательно хоть какая-то живая душа рядом, пусть не связанная кровными узами, но способная пожелать умирающему Царствия Небесного.

И потому, как только она смогла встать на ноги, исхудавшая и истощенная, попросилась сама под крышу стариковника, где кроме нее уже доживали свой век одиннадцать одиноких по разным причинам стариков.

Напрасно пыталась она обильно поливать землю вокруг куста: бледнели стебли, жжуривались, скрючивались, как

старческие пальцы, листья и клонились к земле. Акулина догадывалась, что и его живая душа не переносит одиночества, отсутствия радующихся и горящих любовью глаз. И она пообещала кусту к зиме выкопать его и перенести на клумбу во дворе стариковника, а может быть посадить в кадку прямо в помещении, если разрешат, конечно. Можно будет, в крайнем случае, сослаться на те же стариковские чудачества.

* * *

Услышав совсем недалеко истерический визг, Манилов оставил плетение сеточных, кружев, выпрямился; и когда кровь отхлынула от лица, он узрел, что беснуется и топчет ногами перед какой-то старушонкой, которые все до единой были для него на одно лицо, его супружница.

Жена его, урожденная Хлестакова, по-видимому в большей мере никак не по Божьему промыслу, сохранила в летах гены предка-хлыща и привнесла их в вальяжную натуру подвернувшегося ей под руку Манилова. Что способствовало не только «духовному» его росту, но и материальному. И сетка – «рабица» стала не единственной в «обмене» движимым и недвижимым имуществом. Сама она, тоже, несомненно, располневшая (здесь сказывается особое отношение времени к чиновным особам), розовощекая, полногубая и полногрудая с обязательной ежемесячной химической завивкой волос, словом, пышущая жизнью и жаром особа, что, возможно, и привлекло их друг к другу, как разнополюсные магниты, даже без полного их на то согласия.

Манилов протянул было:

- Э-э-э...

Но, заметив краем глаза, что сбоку стоит обшарпанный остроносый «газик», а из окна любит цветы учитель из

соседнего села, шумно выдохнул воздух из легких и тут же решил нарушить эту идиллию.

- Крыльцо сделали?

Сергей Михайлович оторвал глаза от цветочной клумбы и молча мотнул головой.

- О чем ваш директор думает? Учебный год на носу!

- Досок нет, - спокойно ответил учитель.

Манилов повернулся вполоборота, приподнял руку, решив рубить с плеча и представляя, что перед ним стоит виновный во всех недоделках нерасторопный директор школы.

- На пилораме досок завались. Заходи - бери, сколько душе угодно, при коммунистах так не жили: хошь - березовые, хошь - тополевые...

- Тополевые через два-три года сгниют, - осторожно вставил Сергей Михайлович. - Нет там досок. Пусто. Я только что оттуда. А сама пилорама опечатана за неуплату долга за электроэнергию.

Рука Манилова повисла в воздухе, взгляд замер на оборванной сетке, словно он размышлял, что важнее в данный момент: сплетение сетки или крыльцо для школьников.

Он резко повернулся и, обращаясь уже к Сергею Михайловичу, затараторил:

- У них там четыре доски дубовые припрятаны. Знаю я их: враз пропьют. Пусть директор хоть раз оторвет свой зад от кабинета и заберет доски, я ж. не буду каждому по доске развозить... Опять пьяный?!

У учителя брови поползли вверх от удивления, и он собрался уже возмутиться, что значит «опять», но вовремя заметил появившегося из-за машины небритого, помятого завхоза, молча убрал голову из окна, чтобы не мозолить разошедшемуся председателю глаза.

- Я тебе битум давал, когда красить столбы думаешь?

- Так это в прошлом году давал, - промямлил завхоз, облизывая пересохшие губы.

Экономить надо. Ты об экономии средств и ресурсов слышал? То-то! Покопайся, найди чего-нибудь, бензинчиком чуток разбавь да помазюкай - все свежей будет. Соображать надо... Тебя чего опять как липку раскачивает?

- Да, гости у меня, - ухмыльнулся завхоз.

- Ох ты... - Манилов звонко шлепнул себя ладонью по лбу. Голова учителя, снова высунулась в окно.

- Ко мне ж братка родной сегодня приезжает. - Манилов расцвел и рысцой затрусил домой, размышляя, на «Уазике» или «Волге» встретить брата и заодно вспомнил о его желании остаться жить на своей маленькой Родине, и он, Манилов, уже решил эту проблему, как всегда, быстро. Нотариус из города подъедет после обеда; осталась только одна мизерная проблемка: Акулина.

* * *

Детдомовская воспитанница Акулина сразу, как только перебралась жить в стариковник, подписала небольшой крепенький дом свой Детскому дому, в котором она познавала науку безродительского существования, но добрую, отзывчивую, сострадательную, выжившую и сохранившуюся в израненных человеческих душах в послевоенные годы разрухи и голода.

Она была очень удивлена, когда заведующая бесшумно вплыла на мягких цветастых тапочках в спальню во время тихого часа и вежливо попросила ее пойти с ней для решения очень важного вопроса. Она помогла Акулине подняться с кровати и, поддерживая под локоть, повела к себе в кабинет.

Нотариус приехал раньше договоренного времени. Он не придерживался и не одобрял итальянской пунктуальности, но «время – деньги» стало его жизненным кредо, а сегодня ему пообещали двадцать процентов от заключенной сделки, и опаздывать ему было просто невыгодно.

Когда Акулину ввели в кабинет, там, кроме нотариуса, у окна уже сидели парадно разодетый Манилов и худенькая медсестра Танечка.

Все дружно встали и лица их расплылись в приветливых улыбках. На столе, к которому подвела ее Манилова, стояла большая тарелка с паровыми котлетами, уже открытая коробка шоколадных конфет, и струйки теплого пара витали легким ароматным облачком над чашкой чая.

Акулина перевела вопрошающий взгляд с продолжавших стоять гостей на заведующую. Та, испуская лучезарную улыбку, отчего полные щеки ее стали пунцовыми, а во рту стали видны все золотые передние зубы, усадила старушку за стол и, когда все остальные сели на свои места, медленно и важно проговорила:

- Поздравляем с днем рождения, уважаемая Акулина Тихоновна!

- Ох, а я и запомнила, - всполошилась старушка. - Надо бы стариков кликнуть...

- Ничего, ничего, - торопливо успокоила ее Манилова, - потом, потом. - А сейчас мне... нам нужно решить (она хрустнула пальцами, не зная, с чего начать) ...вопрос относительно... вашего дома. Последние слова она произнесла особенно громко, и Акулина перевела взгляд с паровых котлет, впервые видимых ею в этих стенах, на посерьезневшее лицо заведующей.

- Вот и нотариус здесь, - продолжила Манилова, указывая на человека в строгом черном костюме, белом галстуке и затемненных очках в позолоченной оправе.

- Я ж подписала документ. Аль ошибка какая? - Акулина сомкнула паутинки губ, ожидая объяснений.

Да нет, все было оформлено правильно... - чуть виновато начала Манилова и осеклась.

Выручил ее нотариус.

- Понимаете, Акулина Тихоновна, все очень признательны (он выделил последние слова) вам за безвозмездную, так сказать дарственную передачу своего дома детскому учреждению. Но... дом ваш находится не в черте города, староват, и детскому дому нет в нем большой надобности. Выпускникам сейчас дают однокомнатные квартиры, а в прошлом году и по холодильнику вручили. Так что, видите, забота о людях у нас первостепенная. - Он развел руки в стороны, поправил очки и продолжил:

- Гораздо нужнее, да и на территории совета, постройка ваша будет... Ирине Васильевне.

- Заведующей? - переспросила Акулина.

- Именно! - обрадовался нотариус сообразительности старушки. - Подпишите ей э-э... дарственную, а прежнюю мы изыдем.

Он подошел к столу и положил перед старушкой ручку и отпечатанный лист бумаги.

Акулина не все поняла из того, что говорил этот важный образованный человек, и потому заговорила недоуменно:

- Но у нее же есть два, а один - ну прямо дворец, зачем ей мой домишко ишшо, детишек нету: кошку в нем селить?

Пока Акулина говорила, лицо Маниловой побледнело и покрылось пятнами, и когда старушка помянула о кошке, Манилову прорвало:

- Я ж горшки ваши, сопли и вечные хныканья терплю, а тебе жалко развалюху свою мне подписать! Не все ли тебе равно: кошка в ней будет жить или собака. Ах ты (последовала пулеметная очередь матов)..

Она взвизгнула, подбежала к старушке и стала бить ее по рукам, приговаривая:

- Неблагодарная! Неблагодарная!..

Манилов тем временем рассматривал запыленную с висюльками паутины люстру под потолком; нотариус внимательно изучал сквозь окно цветочные клумбы; а медсестра Танечка, сообразившая теперь для чего ее сюда пригласили, плотно закрыла лицо руками.

Манилова с лицом, раскаленным до малинового цвета как конфорка электрической плиты, продолжала буйствовать.

Акулина от ужаса закрыла глаза и вдруг вспомнила: «не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...»

Дрожащими пальцами она взяла ручку и подписала документ.

Когда она подняла глаза от бумаги и ручка выпала из ее пальцев, звонко грохнув по столу во внезапно наступившей гробовой тишине, Танечка сорвалась со стула и вколола Акулине приготовленную заранее дозу, наверное, чего-нибудь успокоительного.

Комната искажилась, поплыла перед застланными слезами глазами старушки, и ей стало легко и спокойно.

Уже в спальне Акулина явственно почувствовала, что жить ей больше незачем. Ни о чем она не жалела, переживала только, что завял розовый куст. Видимо, от печали...

Лицо матери возникло перед нею из густого мрака. Она никогда не видела своей матери, но, увидев это ясное, чистое и

одухотворенное лицо, сразу догадалась: мама. Она взяла Акулину за руку, тихо и ласково проговорила:

- Идем домой....

* * *

Уже на следующий, день брат Манилова со всем своим семейством вошел в калитку осиротевшего дома Акулины. Хозяин, как и положено по старинному русскому обычаю, пустил на порог кошку. Но та выгнула спину и, истошно мяукнув, кинулась прочь. Пятилетний сын бросился было за нею вдогонку, но прямо тут же у порога растянулся и расквасил нос. Жена поспешила помочь сыну.

Хозяин мотнул головой и выдохнул:

- Не к добру это...

А розовый куст, что завял еще в прошлом году, ожил, выдавил из еще бледных стеблей мясистые листочки, готовый в скором времени явить на свет Божий пышные пламенные бутоны.

МЕДВЕДЬ – ЭЛЕКТРИК

Это было в самом начале зимы 1941 года. Я возвращался из госпиталя в свою часть. Левую ногу мне подремонтировали, еще в сентябре осколком перебило. Боялся, что отнимут, но Бог миловал.

Я уже знал, что после артиллерийской подготовки войска Калининского фронта форсировали по льду Волгу и начали бои

за Калинин. На следующий день перешли в наступление Западный и Юго-Западный фронты.

Только что Гитлер отдал директиву о переходе германских вооруженных сил к обороне на всем советско-германском фронте - в связи с сильными морозами. Но дело было не в них. Советские войска местами уже прорвали вражескую оборону и устремились в ее глубину. Впрочем, и холода сделали свое дело - у фашистов насчитывалось множество обмороженных солдат.

Итак, мороз крепчал, а одет я был явно не по сезону: легонькая шинелька да потертые кирзовые сапоги. Все зимнее обмундирование укатило вместе с батальоном разведки.

Я стоял на перекрестке дороги с указателем «Рогачев» и, чтобы хоть немного согреться, отбивал сапогами чечетку. Пока я грел ноги и рассматривал указатель, из-за поворота вырулила трехтонка. Когда машина поравнялась со мной, из кузова вынырнула маленькая голова в новенькой шапке-ушанке, и знакомый голос окликнул:

- Алешка, ты ли это, ядри тебя в корень! Это был старшина Турпанов. И я ответил:

- А ты, чай, каши объелся, что своих не признаешь?

Машина еще не остановилась, а чубатый Витька уже выпрыгнул из кузова и заключил меня в объятия.

Турпанову было двадцать лет от роду. Но, будучи моложе меня на два года, он уже успел понюхать пороху, да и в звании меня обскакал. Был он весь складный и бравый. Во все стороны совал свой хищный нос и не забывал высказывать свое мнение, пересыпая речь исконно русскими словечками.

- Леха, - заговорил он, выпустив меня из своих цепких рук, - шуранули мы фрицев, ядри их в печенку!

- Я уже в курсе.

- Ну, ты к нам, сержант, али как? - словно опомнившись, поинтересовался. Турпанов.

- К вам, родимые, - говорю, - к вам. Хватит бока належивать.

- Товарищ старшина, - послышался из кабины писклявый голос, а затем высунулось худющее лицо с огромными очками на переносице.

- Опаздываем, товарищ старшина. Комбат шкуру спустит. Старшина поймал мой удивленный взгляд.

- Это Оке, водитель-ас, заместо Соколова прислали, царство ему небесное. Он снял шапку и опустил глаза в землю. Я хорошо знал Соколова и тоже обнажил голову.

- Ну ладно, сержант, трогаем. Забраться сможешь? - спросил он уже из кузова.

- Смогу, - коротко ответил я, подтянулся и перебросил ноги через борт. Машина тут же рванулась с места, так что я еле удержался. Оке гнал машину на одной скорости, не разбирая дороги, и я уже начал сомневаться в словах Турпанов. Если бы в кузове не лежала солома, без синяков никак не обошлось бы. Машину кидало из стороны в сторону, и нас, конечно, мотало по кузову как в лихорадке.

Когда мы приехали, Оке затормозил так же резко, как и тронулся. Доложив о прибытии, я отправился отдохнуть с дороги.

Не успел я и глаз сомкнуть, как почувствовал, что меня толкают.

- Барков, Лешка. Спишь ты что ли? - тряс меня Турпанов. - Майор тебя срочно к себе требует.

Я тут же вскочил, протер глаза и побежал вслед за старшиной. Вхожу в землянку, а майор сразу спрашивает:

- Ты, сержант, до войны, кажись, электричеством заведовал?

- Было дело, - говорю.

Майор достал из полевой сумки карту и развернул ее на столе. Я подошел ближе.

- Смотри, Алексей, - снова заговорил он и ткнул пальцем в крупную зеленую точку на карте, - это лес. Здесь просека (его палец сдвинулся влево). Здесь идет высоковольтная линия. Она вряд ли уцелела. Но нас не она интересует. Здесь на одной из опор укреплен распределительный щит. На нем стыкуются кабели связи. Связь, понимаешь, пропала. Немцы в этом районе бомбили. А связь во как нужна, - он быстро провел ребром ладони по шее. - Тут километров десять, не больше. Идти придется одному. Инструмент, какой нужен, возьмешь у Турпанов. Все понял?

- Понял, чего ж не понять! Когда выходить?!

- Сейчас выходи. До темноты постарайся управиться.

Я козырнул и вышел.

Война, она и есть война. Одни приказывают, а другие исполняют.

На лыжах до перелеска я добрался быстро. Кругом лежал снег и стояли редкие, облупившиеся от мороза сосны. Некоторые деревья были обуглены взрывами бомб, другие выворочены из земли с корнем.

Совсем недавно, всего полгода назад, этот лес, сплошной и могучий, отдыхал в утреннем тумане, весело потрескивал шишками и наполнял воздух запахом спелой земляники. И самыми главными хозяевами в нем были лоси с рогами-ветками и медведи с маленькими печальными глазами.

Теперь лес был тих и мрачен. И хозяйничала в нем мертвая белая тишина. Война и его научила быть молчаливым.

Высоковольтная линия была почти вся разрушена. Столбы взрывами побросало, как спички, друг на друга, и они образовали что-то похожее на противотанковые ежи. На самом

краю просеки возвышался одинокий деревянный столб. Примерно посередине на нем висела перекошенная распределительная коробка. Из нее по обе стороны выползали черные змеи кабелей. Столб каким-то чудом уцелел после бомбежки, хотя один бок его все же был обуглен. Я снял карабин, лыжи, нацепил кошки и полез на столб. Один кабель был оплавлен и пережжен у самой коробки. Жил в нем было мало, и все они маркировались разным цветом, чтобы избежать путаницы.

Я застраховался цепью, открыл коробку и взял в руки нож. Руки быстро стыли, и приходилось делать перерыв, чтобы их отогреть. Я зачистил все жилы, скрутил их пассатижами, заизолировал и на место соединения наложил резиновую муфту. Примерно через двадцать минут кабель был готов к работе. Я еще раз проверил индикатором исправность линии, отогрел руки и отцепился.

И тут я услышал какой-то странный звук внизу. Гляжу вниз - и... мое сердце ушло в пятки. Вокруг столба, кряхтя и охая, расхаживал огромный бурый медведь. Я машинально взобрался на самую верхушку столба и впился мертвой хваткой в древесину.

Один бок медведя был обожжен. Шерсть совсем редкая, морда худая и вытянутая. Медведь ворчал, становясь на задние лапы, передними упираясь в столб. Я видел его светящиеся голодные глаза.

«Ну, Леха, кранты тебе», - думаю.

Карабин остался внизу. Медведь попробовал его на зуб, фыркнул и отбросил лапой в снег. Потом снова прыгнул на столб и стал медленно карабкаться вверх, все ближе и ближе подбираясь ко мне. Сердце мое бешено заколотилось. Я смотрел в его худую раскрытую пасть и дрожал, как кленовый лист. Оказаться в его зубах было страшнее, чем попасть под фугас.

Там хоть смерть мгновенная. А этот бугай будет рвать тебя на куски, пока дух не испустишь.

Я оглядел округу. Пусто. Звать на помощь бесполезно. А умирать-то кому же хочется в двадцать два года. Тогда я собрался с духом и заорал что было мочи:

- Пошел вон, тварь мохнатая!

Медведь замер на мгновение, но потом опять стал карабкаться за добычей. Я уже чувствовал его горячее дыхание и поджимал, насколько это было возможно, ноги под себя. Медведь уже трогал мою ногу лапой и пытался ухватить когтями штанину.

Тогда я стал бросать в него инструменты, и этим еще больше его разозлил. Остались только пассатижи. Медведю наконец удалось поймать мою ногу, и он потянул меня вниз. Тогда я размахнулся и изо всех сил шарахнул его пассатижами в нос. Медведь дико заревел, скатился кубарем вниз и замер. Через несколько секунд он поднялся и, пошатываясь, затрусил в лес, оставляя позади себя яркий кровавый след.

Я еще с полчаса просидел на столбе, не веря, что остался жив. Руки так заоченели, что уже можно было не держаться. Я с трудом разжал пальцы и спустился вниз.

На обратную дорогу я потратил вдвое меньше времени. Мне все казалось, что медведь гонится за мной и дышит в спину.

На бойцов мой рассказ произвел различное впечатление. Одни мне искренне сочувствовали, а некоторые остряки предлагали проверить мои штаны.

Рано утром меня разбудил Турпанов.

- Разведчики медведя притащили. Посмотри, не твой ли знакомый?

Увидев медведя, я вздрогнул, вспомнив о поединке. На худой медвежьей морде выделялся грушей нос с запекшейся на нем кровью.

И вдруг мне стало жаль зверя. И ему, бедняге, фашисты не дали спокойно перезимовать в теплой и уютной берлоге. Может быть, он хотел отомстить немцам за исковерканный родной лес и карабкался ко мне, чтобы подержать провода,- а я ему пассатижами по носу съездил!..

Жаль было зверя, который так же, как и я, хотел стать электриком.

НИЩЕТА **(от Москвы до самых до окраин)**

* * *

Женщина стояла на пустынном перроне, дожидаясь поезда. Осень, долго сохранявшая тепло незаметно промелькнувшего лета и с утра побаловавшая солнцем уже посеребренную инеем землю, к вечеру уступила, наконец, эстафету ожидавшей не пороге зиме, и ветер, резкий и порывистый, со свистом унес остатки тепла в смоляное чрево тоннеля.

Женщина втянула шею в потертое, но еще крепкое осеннее пальто, взяла под мышку лакированную кожаную сумочку, подаренную мужем лет пятнадцать назад по случаю годовщины свадьбы, спрятала ладони в рукава.

До долгожданного дня зарплаты оставалось два-три дня, каких-то два-три дня. Но в ее сумочке одиноко ютились на дне всего несколько монет мелочи. И она думала, как протянуть эти дни, досадуя на себя за то, что не смогла растянуть зарплату уборщицы на месяц, как это ей удавалось раньше.

По ступенькам к перрону спустился парень лет двадцати в кожаной куртке, нараспашку, беззаботно улыбаясь, рассеянно глядя по сторонам. «Молодость - вечная радость», - подумала женщина и снова погрузилась в свои нерадостные мысли.

Парень тем временем поравнялся с нею, резким движением выхватил сумочку и ускорил шаг, расстегивая на ходу «добычу», желая, видимо, отыскать внутри туго набитый купюрами кошелек.

Женщина растерялась лишь на мгновение, но когда увидела, что грабитель расстегнул сумочку и собирается выпотрошить все ее содержимое — последние копейки, она изо всех сил завопила:

- Там пусто!..

Парень сделал еще несколько шагов и остановился. Содержимое сумочки настолько поразило его, что он поднял на жертву удивленные глаза и воскликнул:

- Ну, блин, довели страну, уже и украсть нечего стало!

Потом достал из кармана несколько купюр, отделил одну пятидесятирублевку и положил в сумочку.

- Это тебе за моральный ущерб, тетка, - смущенно проговорил он, опустил сумочку на перрон и побежал дальше: искать жертву побогаче, или просто убегая от бредущей по пятам неопределенности настоящего и ужасающей перспективы будущего.

* * *

Вспахивая поле под озимые, тракторист выпахал безжизненное, исколотое ножом тело Варвары, пропавшей уже больше двух месяцев.

Погода стояла холодная и ветреная, и потому тучное тело Варвары не загнило, и в первый день в гробу она лежала

белая и розовощекая, словно только что уснула, но уже на другой день почернела как та земля, в которую легла раньше срока и не по своей воле.

К старику-отцу приехал участковый.

- Подпиши, дед, бумаги, что не будешь настаивать на возбуждении уголовного дела. Дочку все равно теперь уже не подымеешь, да и за «будь здоров» сегодня, сам понимаешь, никто в грязи копаться не будет, тем более, что она у тебя святошей не была.

- Святошей, прости Господи, не была, это ты верно сказал, и жисть свою непутевую не только слезами, но и водкой оплакивала. Но жить, как и все остальные, право имела...

Он вздохнул глубоко и подписал бумаги.

* * *

Двери автобуса с шумом распахнулись, выпуская теплый воздух из салона навстречу морозному уличному.

Надежда Егоровна протиснулась между ватнотулупными пирамидами рыбаков и опустила на пол между металлическими их чемоданами с рыболовными хитростями свои пухлые холщевые сумки.

Автобус тронулся, и ее поклажа глухо дзинькнула.

Один из рыбаков, услышав знакомый звук, лукаво поинтересовался:

- Никак «чаек» крепленный, мамаша, везешь?! Может выделишь парочку «пузырей», на льду без подогрева долго не усидишь.

- А чего же прешься в такую холодину на речку, сидел бы дома и попивал чаек!.. Пустая посуда у меня, в городе в ларек сдам.

- А в деревне, чего ж, в пустой посуде никто не нуждается?

- Да как же, ездят, спрашивают и по двадцать копеек скупают. Ну и отдают люди, все равно ведь годами у сараев бутылки валяются, бурьяном зарастают. А я узнала, что в городе по рублю принимают. А езжу я бесплатно – «ветеран труда» имею.

- Ну, знать скоро капитал сколотишь, чулок пошире готовь заране, - мужик беззлобно хохотнул.

- А что, и достану, только для начала куплю сыну ботинки, сколько можно в калошах морозиться...

«Заработала» Надежда Егоровна всего только сто рублей - не одна она предприимчивой оказалась. На ботинки сыну, естественно, не хватило. Но зато купила она три пары новеньких калош: для сына, для мужа и для себя. Так у нас их по тридцать пять рублей за пару продают, но ей, так как она взяла товар оптом, за сотню уступили.

Долго не носятся калоши по морозу, деревенеют и лопаются. Но зато в слабый мороз по льду в них передвигаться безопаснее, и ничего, что ноги подмерзают, главное - не покалечишься.

* * *

Лариса лишилась работы и мужа почти одновременно: совхоз расформировали, а точнее сказать - растащили, и никому не нужны стали ее потрескавшиеся, постаревшие в двадцать пять лет руки доярки-передовицы: муж умер от туберкулеза (!).

Первое время она держалась. Но потом такая неизмеримая тоска навалилась на нее, что она не выдержала и стала заглушать эту изматывающую душу тоску самогоном, который в деревнях русских испокон веку не переводился.

Односельчане стали чураться непутевой, ошалевшей от горя бабы с двумя детьми на руках.

Первой закашляла младшенькая трехлетняя Оля, а за ней следом - пятилетняя Оксана. Когда к Ларисе возвращался трезвый рассудок и ее исхудавшее синюшное тело кто-то невидимый с сильными теплыми руками ставил на ноги, она с остервенением принималась лечить дочек: растирала и поила травами, собранными еще при жизни мужа - большого знатока народных снадобий. Когда девочкам легчало, ее снова тянуло в забытье. И она пила, пила...

Перед самыми октябрьскими праздниками девочки окончательно слегли, у Ларисы хватило сил вызвать «скорую».

Машина пришла через полчаса. Врач безглаголиво морщилась, поднимая грязненькие детские рубашки.

- Вшей нет, надеюсь? - с опаской поинтересовалась она.

Лариса не ответила.

Увидев отрешенный взгляд матери, она взяла детей на руки, накинула на них тут же лежавшие пальтишки и повела к машине.

- Вещи возьми, мамаша! - крикнула она уже из дверей.

Когда выехали из села, врач, словно опомнившись, устремила на Ларису вопрошающий взгляд:

- Мамаша все взяла: «полисы», тапочки, щетки, пасту?

Лариса отрицательно покачала головой.

- Ну знаешь, дорогуша! - возмутилась врачиха. - Тормози! - приказала она водителю.

Машина плавно остановилась. Врач молча высадила девочек на дорогу и вытолкала следом бестолковую их мамашу.

«Скорая помощь» уехала.

Слева поле, справа тоже поле и обсаженный кленами и тополями гектар земли. На железной арке крупная надпись «Добро пожаловать». Это сельское кладбище.

Лариса долго смотрела на эти приветливые слова, хорошо знакомые ей со школьной скамьи, прижимая дрожащие тельца детей, и тут же сделала для себя величайшее открытие, что всегда рады ей и ее детям будут только здесь - на кладбище.

* * *

Как только наступает грибная пора, из города, вдоволь наглотавшись смога развитой цивилизации, на машинах и автобусах выбирается бледный люд не природу, приобщаться к кладоискательству вкусной здоровой пищи.

Но не все грибники выезжают на природу, некоторые грибники предпочитают «оздоравливаться» там, где им предназначено. Они тоже ходят с палочками, кошелками, сумками и даже мешками, также старательно разгребают... кучи мусора и листвы, отыскивая бесплатные дары Матушки Природы - остатки пищи, пластиковые и стеклянные бутылки. С такой же любовью они «осматривают» каждый сантиметр земли. Но у них есть одно единственное отличие от истинных любителей побродить по лесу: «грибной сезон» для них продолжается не два-три месяца, а круглый год.

* * *

Баба Нюра всех провожала в последний путь, не потому, что у нее было очень много родственников на этом суматошном свете, а потому, что на похоронах всегда поминали умершего и можно было задарма выпить и закусить...

Из дома ветеранов она сбежала. Заведующая матюкалась на чем свет стоит и била ее по рукам за то, что она отказалась подписать ей дарственную на свой еще крепкий дом...

Год выдался «урожайным» на покойников, и баба Нюра не пухла с голоду. Но когда отдала Богу душу последняя ее подруга, для нее самой нарушилась связь со временем, и воистину во благо ей осталась только смерть, присоединившись к которой она еще и существовала...

Она присела на холмик, перекрестилась, набрала полные легкие запахом свежевырытой могилы... и больше не поднялась.

* * *

Лена, самая старшая дочь в семье, заканчивала педучилище и на выходные собралась поехать домой, в деревню: картошки, лука и других мелочей прихватить, без которых просто невозможно выжить в городе; повидать четверых своих сестру и братьев, и самое главное, отметить двадцать первый день рождения.

Учеба девушке нравилась до безумия, и пожилой историк, известный археолог, все сватал ее в МГУ. Лена в разговоре с матерью как-то обмолвилась о своем намерении, но та, ни минуты не раздумывая, с горечью выдохнула: «Не потяну...»

Мать не видела, как Лена беззвучно плакала, завидуя тем, кто продолжит учебу в престижном столичном вузе и навсегда прощалась с мечтой о научной работе.

Денег, сэкономленных-пересэкономленных, оставалось чуть больше, чем стоил проезд, и Лена позволила купить себе самой подарок - мороженое, обожаемое ею не меньше книг и учебников.

Она не устояла перед соблазном, и это стоило ей нехватки двадцати копеек на билет. Контролерша выпучила глаза, пересчитав монеты, и, изменив цвет лица, запрочитала:

- Я вам что - миллионерша, за каждого по двадцать копеек доплачивать!.. Они деньги прожирают, а я плати!..

Автобус уехал без Лены. До последнего вечернего рейса еще было время. Она постояла немного на дороге, досадуя на свою слабохарактерность, и пошла на рынок, надеясь в свой день рождения отыскать у богатых прилавков торгашей так необходимые ей двадцать копеек.

* * *

Отрезали Андрею руки почти по самые плечи. И от рук, обугленных высоковольтным кабелем, который он хотел срезать с ЛЭП соседней подстанции, остались только две культишки.

В больницу к двенадцатилетнему пареньку-предпринимателю приехали телевизионщики, поинтересоваться, о чем он думал, когда шел на «дело», и чему его в школе учили.

Андрей отвечал на все вопросы и спокойно заверил присутствующих, что привыкнет к новой безрукой жизни.

- Ты знаешь, что за кабель, который ты хотел украсть, больше двух сотен тебе б никто не дал! - волновалась корреспондент местного телевидения, переживая за парня и наставляя его как своего собственного сына.

- Прикидывал... - также спокойно ответил Андрей и в глазах его промелькнула и исчезла, как сорвавшаяся с ночного неба звезда, искорка невозполнимой потери.

Телевизионщики «сделали» сенсацию и удалились.

Андрей никому не сказал, как весомо могли помочь эти двести рублей ему и его больной матери. Да если и сказал бы, то никому, наверное, не стало бы жутко, что с двенадцати лет (и раньше) дети приучаются взваливать на свои далеко не богатырские плечи совсем не свои заботы; что с детских лет русские пацаны приучаются держать в руках оружие... с самой

Великой Отечественной до сегодняшней чеченской бойни. И что даже там, где не распевают зауспокойные песни пули и не рвутся снаряды, они по-прежнему закрывают собою амбразуры чиновничьего безразличия к судьбе целого народа...

Андрей свято верит, что когда-нибудь оно придет - светлое будущее и жалеет только об одном: нечем ему будет поприветствовать Его Пришествие.

ШЕЛ СОЛДАТ ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ

Множество фронтовых дорог довелось исходить Ивану Степановичу КУРКИНУ. Многим наукам обучила его война: и связистам был, и строителем, и разведчиком. И хоть рядовым домой вернулся, на груди сияли орден Красной Звезды и множество медалей. Но никогда не нацепляет их Иван Степанович на парадный костюм, считая, что не в наградах счастье. Домой он вернулся молодым парнем без правой руки, так поначалу и жить не хотелось. Осчастливила его и новую жизнь в него вдохнула красивая девушка Акулина (Царствие ей Небесное), вышла замуж за него — безрукого и подарила шестерых детей: двух сыновей и четырех дочек. И детишки играли его боевыми наградами.

Сейчас у Ивана Степановича восемнадцать внуков и четырнадцать правнуков. А когда спрашивают его любопытные о наградах, он спокойно отвечает, показывая на пустой рукав: «Вот одна у меня награда на всю жизнь».

Перед строем

43-й год. Пришли мы в Курск. Да, именно пришли. Раскатываться много тогда не приходилось: техника военная

шла на фронт в эшелонах, и потому никакая обутка не выдерживала российской хляби и разлеталась в клочья, как немцы от нашей «Катюши». В какой-то институт нас определили на ночёвку. Я на табличке прочитал, что это вычурное здание — институт, а какой — не разобрал: темнело уже, да и табличка была наполовину отколота.

Нагнали нас много народу. Кто на полу лёг, кто к колонне ничком пристроился — так и я отключился. Я ещё подумал, что такую красоту творения мозолистых рук человеческих фашист враз разбомбить может и совесть его, сволочь, не замучает.

Когда чуть рассвело, разогнали нас всех: кого на стрельбище, а тех, кто 25-го года рождения, и меня в их числе, погрузили в товарные вагоны и напрямик в Пензу.

По дороге поезд кое-где останавливался. На станции Касторное я себе обутку поменял: из автомобильной камеры вырезал новые портянки, жестковатые, правда, получились, но всё же не босиком. На другой станции скирды недомолоченные попались, там мы их вмиг обмолотили и по дороге мамалыгу варили.

Пока ехали, ни обстрелов, ни бомбёжек не было и дыхание войны не чувствовалось; запустение да заброшенность какая-то кругом царили. Только когда подъезжали к Пензе, увидели вывороченные опоры и огромные дымящиеся воронки.

В Пензе, на станции, немцы разбомбили вагоны с сахаром, он спёкся с песком, с землёй, почернел, а мы кололи чёрную массу на куски и глодали их, слаще медовых лепёшек. Кормёжка-то неважнецкая была: яичный порошок, крапива, ложка каши да мёрзлая картошка, — вот и весь пищевой рацион. А ведь вагоны провизией загружали — сам видел. Но начальники наши продавали продукты, а деньги отдавали на постройку военной техники. А в газетах потом писали: ...тот

самолёт на «свои» деньги построил, тот танк... Выслуживались на солдатских желудках, дармоеды.

И в Пензе один такой ухарь — младший лейтенант — мне попался. Я по нужде выйти собрался, а он сверкнул своими чёрными цыганскими глазами и как по писаному резанул: «Знай расположение части!» Не могу, говорю, подперло. А он своё, как заевшая пластинка, талдычит: «Знай расположение части». А ведь такой же пацан, как и я. Ну я и послал его туда, где Макар телят не пас. Он меня на гауптвахту посадил. Я там пригарки с котла обскребал, тем и перебился. Вышел оттуда, вижу, совсем озверел взводный. А бойцы поговаривать стали, что он какую-то заразу подцепил.

Столкнулся я с ним снова. Он руку в штаны запускает и орёт во всё горло: «Вперёд! Бегом!» Солдаты от усталости замертво падают. Зло меня взяло, я и рубанул ему: «Ты чего орёшь, триперный, чего злобу на людях вымещаешь?!»

А тут, как на грех, командир полка мимо проходил и услышал, как я офицера величаю. Тут же всех построили и меня перед строем выставили, показательный суд, значит, решили устроить. «Ты чего это, Куркин, — спрашивает меня комполка, — такие слухи распускаешь?» А сам на кобуру положил большой палец и смотрит мне прямо в глаза. А мужиком он суровым слыл, на курок нажмёт — не дрогнет. Я и так, как лист кленовый, дрожу, не награждать ведь выставили. Оробел я сперва, а потом думаю, расскажу всё как есть, а там будь что будет. «Не вру я, — говорю, — товарищ полковник, он даже по нужде солдата не отпускает и гоняет безбожно, что мрут бойцы, и... заразный он...»

Полковник хмыкнул, и я уже ждал пули в сердце. Но он пробежал глазами строй и крикнул: «Взводного сюда». Лейтенант бойко выбежал и встал рядом со мной. Ну, думаю, ему поручит меня шлёпнуть, за оскорбление, так сказать,

достоинства. А комполка подошёл к нему вместо этого и приказал спустить штаны, чего я никак не ожидал. Лейтенант побледнел, но приказание исполнил. И тут все увидели, что всё его мужское хозяйство распухло и в кувшин превратилось, хоть обжигай в печи.

Тут же взводного увели, и я его больше не видел. А мне увольнительную дали на трое суток. И уж не знаю за что: за правду или за смелость.

«Музыкальные» способности

— Пришлось мне на фронте и в разведчиках побывать. Паренья был хоть и худощавый, но крепкий. Это теперь я мослы нарастил, — улыбается Иван Степанович.

На окраине Нижнего Новгорода это было. Понравился мне город, ухоженный, видать, раньше был, а теперь столько храмов и церквей искорёженными куполами и стенами в небо глядели.

Немец только что отстрелялся дальнбойными орудиями. На берегу Волги валялись растерзанные люди, свиньи. Месиво такое, что не поймёшь, где свой, а где чужой. И послали нас разузнать, где фрицы окопались. Идём мы тихо, крадучись. Я вперёд вырвался — молодой, горячий, товарищи сзади чего-то замешкались.

Иду я и вдруг слышу слабый свист у опоры моста. «Неужто сверчок, — думаю. — Эх, бедолага, кому песню колыбельную петь собрался?» Ступаю ещё тише, чтобы не спугнуть, и уж себе хотел слегка подсвистеть, как вижу: сидит, опершись на опору, фашист (я по каске определил) и сопит.

Вижу в полумраке, немец вроде шупленький, головой трясёт, контузило, наверное, только очухался. Возьму, думаю, языка, все подробности из него выьем. Кругом никого, товарищи отстали.

Немец собрался вставать, и тут я на него сзади и сиганул. Фриц только с виду костлявым показался. Скинул он меня со спины, как котёнка, сам сверху насел и к горлу тянется. Чувствую — не совладаю, не одолею бугая, хоть и контуженного. Кричать нельзя, и я, была не была, запустил ему обе руки под мышки и, как отец, когда подопьет, брал в руки трёхрядку, пробежался пальцами вверх-вниз по его рёбрам. Немец замер на мгновение, а потом как-то по-детски не засмеялся даже, а запищал. И пока он охал, я его изо всех сил в нос кулаком саданул, он юшкой залился и обмяк. Тут и товарищи подоспели.

Долго мне потом бойцы, как идти на задание, мои «музыкальные» способности припоминали.

Спор

Освободили наши войска Великие Луки и за город фашистов погнали. Но немцы ещё отстреливались, не хотели уступать занятые позиции. Я следом связь тяну, у сараишки полуразваленного остановился дух перевести и вижу: стоят у стены два командира со звериными лицами, друг на дружку пистолеты наставили и выясняют, кто первым деревню взял. Я передохнул и дальше с проводом побежал. И не знаю, чем спор у них закончился. Но только думаю, что не ради Победы они впереди всех бежали и людей за собой вели, а ради

металлических тятюшек старались. Потому-то много нашего брату и не пережило лихолетья.

Божий знак

Никогда я ни в какие предсказания не верил, и мать моя всегда меня шлепками угощала, когда я чего лишнее по поводу веры высказывал. Было мне двенадцать лет. Отец крепко выпивал, буянил, и я уже в который раз пошёл проситься на ночёвку до бабушки Лизы. Она знала моё «семейное положение» и потому молча уложила меня спать на печку вместе со своей горбатенькой дочкой.

Вижу я сон. Подходит мать, залезает руками ко мне в живот и всё моё нутро в лохань выкидывает. Я говорю: «Вот когда я буду мало работать, мало кушать». Проснулся, дрожь бьёт — уснуть не могу.

Наутро пошёл домой. Отец сидит с кумовьями за столом, выпивает. Я подошёл тихонько к печи и прижался к ещё тёплым кирпичам. И тут с потолка прямо мне на правую руку мутная вода потекла. У мужиков и хмель прошёл. «Это кошка нагадила», — говорит отец и тут же пробивает железным штыком потолок — больше никакой воды. А рука у меня потом с неделю болела. Но зажило — забылось...

Привела война меня в город Невель. Ротный говорит мне: «Связистов побило, бери, Ваня, катушку и айда на передовую. Парень ты прыткий — справишься». Ну я и потащил. Добрался до указанного места, поближе к вражеским окопам, и начал передавать, где и какая техника сосредоточена. И тут немцы меня заметили и начали сечь из пулемётов. Я залёт

под бугорок, а пули от него, как от заговорённого, так и отскакивают: камнем-валуном оказался. Но пули от него, как от заговорённого, так и отскакивают: камнем-валуном оказался. Но возвращаться-то назад надо. Только хотел я в воронку от бомбы сигануть и правую руку приподнял, как мне её тут же, как курёнку голову, по локоть отсекло.

Тут-то я и припомнил мутную водицу.

Одежда на мне в лохмотья превратилась. Что, думаю, делать: лежать — пропал и бежать — пропал, и побежал я на свою сторону, сжимая обрубок. Немец лупит, а все пули рядом ложатся. На полпути от большой потери крови выбился из сил я и упал. Ротный наблюдал за мной в бинокль и, когда увидел, что я упал, подполз ко мне и вытащил из-под огня.

Очнулся я в землянке, попросил воды. Сделал один только глоток и снова потерял сознание.

Потом нас, раненых, на подводах повезли в полевой госпиталь. Оттуда я попал в город Кувшинов. Там мне сделали три операции и дорезали правую руку почти до плеча. Перевезли в Улан-Удэ. Рана открытая, пять на шесть сантиметров, не заживала. Дальше — Воронеж.

Дали мне третью группу, одежду латаную-перелатаную, пенсию назначили 9 рублей 96 копеек. И дома я ещё два с половиной года долечивался.

Выходит, Бог заранее меня предупредил, что лишусь я правой руки, но выживу. И в благодарность за это я помогал изо всех сил церковь в соседнем селе строить. Пусть Господь знает, что до конца дней своих буду помнить я о Его милости.

СТУПЕНЬКИ К...

* * *

СНГ районного масштаба

Мужики - трактористы и комбайнёры - «забивали кол» по случаю окончания уборочной страды. Кто огурчиков малосольненьких принёс, кто помидорчиков, кто салца копчёного. Тут же и самогоночка была, и хлебушек родимый, выращенный собственными руками.

На опушке леса расположились работяги: свежий воздух, берёзки-красавицы ручками машут, - ну просто душа не нарадуется, хоть в пляс пускайся!

А через дорогу, метрах в десяти, начальство тот же «праздник» отмечает. У них - рыбка, колбаска, водочка и коньячок.

Мужики изредка поглядывают на разомлевших соседей в галстуках и наглаженных рубашках и не прочь бы тоже стопарик коньячку пропустить, так сказать, для пробы качества, но переходить через дорогу не решаются, потому как она - граница.

Единодушное решение

- Мне всего два мешка цемента нужно для ремонта фундамента! - умоляла директор школы главного бухгалтера сельского совета.

- Нет денег, я же вам уже сказала, - чуть повысив голос, пятый раз повторила бухгалтерша и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Директриса потупила голову и вышла из кабинета.

Через несколько минут в дверях показалось сияющее лучезарной улыбкой лицо главбуха, которая обратилась к остальным «спецслужбам» со словами:

- Девочки, у меня больше тысячи рублей остаток. На что потратим?..

- На нужды сельсовета! - хором ответили «спецслужбы».

- Вот и ладненько, - подытожила главбух. - Переклеим обои в кабинете - полгода уже ремонт не делали.

Накормила

Сноха невзлюбила престарелую свекровь. В кусочек колбасы, который специально для старушки оставили, она вприснула яд и спокойно ушла на работу.

Свекровь порезала эту колбасу на завтрак детям-школьникам. Не довезли до больницы: оба мальчика умерли. Муж узнал о случившемся, пришёл на ферму, где жена работала ветврачом, и прямо там её прибил, а сам повесился.

Старушка-мать жива до сих пор.

Светлые мысли

Председатель после «вчерашнего» проспал до обеда в «уазике», а нужно было мотнуться в город за запчастями.

Когда солнышко подтопило кабину и стало душно, он открыл глаза и увидел прямо перед машиной трактор со снятым двигателем и копошащегося около него механизатора. Тот рылся в металлоломе, стараясь, как Кулибин, заставить заново работать уже изношенные детали.

«Сеять же надо», - ёкнуло у председателя под сердцем. Он пулей вылетел из машины и навис над рабочим:

- Ехай в поле, ехай! Сеять надо, деньки погожие уходят, а ты целый день ковыряешься!

- Так запчасти нужны! - развёл руками механизатор. - Вот копаюсь в железках, может, чего отыщу...

- Дак ты сиднем не сиди. Походи, подумай, глядишь, и мысли светлые появятся. А то учёные утверждают, что от долгого сидения мозги разжижаются. Во!.. - ткнул он многозначительно указательным пальцем в небо.

Тракторист обошёл вокруг своего выдавшего виды трактора, почесал в затылке и молча пошёл домой обедать.

Снайпер

Стою на перроне, жду электричку. Мимо со свистом катит «южный» поезд. Окна открыты - музыка, улюлюканье; сразу видать, хорошо отдохнул народ, на морском песочке вдоволь належался.

И вдруг в одном окне появляется довольная физиономия, раздувает щёки, глухо выбрасывает воздух прямо в меня и тут же исчезает в гудящем чреве поезда.

Плевок «орденом» повисает на моём пиджаке.

«И даже не посмотрел, поразил ли цель», - подумалось мне.

Но в следующий раз он, может быть, гранату метнёт - далеко видать будет.

Покаялся

Из-за «слепого» поворота вырывается «ЗИЛ». Впереди стая гусей: гоготнули и врассыпную, а один - или самый смелый, или самый дурной - прямо под колеса кинулся. Шофер по тормозам, но поздно: крутануло гусака бумерангом и замер он, не колыхнется.

Шофер вылез из машины, тряхнул головой и пошел каяться перед хозяевами.

Через минуту слышится со двора: «Чтоб тебя перекосило, чтоб ты околел, чтоб тебе...».

Что поделать, не всегда бывает «сладким» прощение.

Талант

Сосед, обычно немногословный, принял лишнее «за воротник» и затянул свою любимую песню «Ой, мороз, мороз», которую он только в «подогретом» состоянии души и исполнял.

Слово «коня» он, не хуже Шаляпина, растянул на целую минуту, что я невольно подумал: «Какой талант пропадает!».

Обновка

Осенние ночки, как известно темные. И предприимчивые люди выставили окно на складе МТФ и снимали все алюминиевые крышки с баков для молока. Ночь не спали - прибавка к зарплате, о которой в деревне и слыхом не слыхивали.

А сторожил колхозное добро в эту ночь сам председатель, точнее сказать, должен был сторожить. Но под боком у жены, знамо дело, теплее и спокойнее.

Наутро подступили к нему доярки:

- Крышки где?

- А я за них не расписывался! - и глазом не моргнув, отрапортовал сельский голова. Потом запрыгнул в «газик» и привез из города новенькие крышки для баков, купленные на колхозные денежки.

Щеголь

По улице щеголял высокий, коротко остриженный парень с орденскими планками на груди.

Его остановил милиционер:

- Твои?..

- Не-е, дедовы. Это все, что от него осталось. В «комок» несу, только там таким барахлом еще интересуются.

Усвоил

Преподаватель института рассказывает студентам-филологам:

- Пошел я с сыном-восьмиклассником в выходной в баню попариться, и уж не то чтобы попариться, а просто помыться: дома вода горячая отключена на профилактику, а уже середина октября. Только у нас, в России, если чего строить или ремонтировать надумают, то обязательно в холод, в метель и пургу (может быть потому мы такие непобедимые!).

Паримся мы, а мужики рядом так и гнут матерщину на все стороны жизни.

Слушал я слушал и не выдержал, стал объяснять, что такое «мат», где и как его наши предки использовали. Мужики рты поразевали - ругань прекратилась.

Вечером готовлюсь к лекции: третий этаж, окно открыто. Слышу, кто-то «исконо-русским» фольклором внизу шпарит, да так складно. Дай, думаю, посмотрю, кто это там такой грамотный.

Высовываюсь... Сынок мой собрал пацанов и лекцию им читает.

Выходит, не зря в бане помылись.

Мода

Сейчас модно стало от всех и от всего отворачиваться: не видеть, не замечать, не примечать - так спокойнее; или просто смотреть в окно.

В автобус с трудом забираемся инвалид на протезе. Стоячие пассажиры брезгливо расступаются, кто-то из сидячих бубнит, потревоженный его неловким движением. Старик колтыхает на середину и свободной рукой судорожно хватается за поручень. Перед ним сидят две молоденькие девушки.

Автобус рыкает и с трудом трогается. Через несколько минут раздается звонкий голос с заднего сиденья:

- Место деду уступите!

- А сами чего?! - огрызается одна из пассажирок и снова возвращаемся к живописному сельскому пейзажу, мелькающему в окне автобуса.

Старик спокойно смотрит на тех и других, чуть улыбается и думает, наверное, про себя: «Не такое в войну выжил, и теперь, даст Бог, сдюжу...».

Вспомнила

По деревне, точно пава, шествует Лидочка. На дороге не попадайся, потому, как говорят в народе, легче перепрыгнуть, чем обойти. Не от «убойной» работы она, конечно, так «расхорошела». И Лидочка величают не потому, что молода да пригожа, а потому, что большего не заслужила.

За свою сорокапятилетнюю жизнь прижила Лидочка пятерых детей: одна дочка за мужиком где-то живёт, два сына в тюрьме отсидели и где они сейчас - только Богу ведомо.

Жила Лидочка всегда легко: костерок посреди двухкомнатной квартирки с выбитыми стёклами разводила - грелись в холода кленками, срубленными в школьном парке; детей в школу с соседней лежанки ногой будила, когда заходили учителя на побудку, и голодными в школу отправляла: питались они тем, что люди дадут и что Бог пошлёт; на работу не ходила: на току слишком пыльно, на ферме грязновато и запахи не те. Муж сапожничал по одной таксе - поллитра за пару обуви.

Двое последних детей - сын и дочь - школу заканчивали, когда их отец помер от туберкулёза. На прощание отчитала Лидочка и своего мужика, что рано преставился, даже картоху не помог посадить, и с горя, наверное, ушла жить к мужнину брату - забулдыге, когда у «родимого» ещё и ноги не остыли. Детей бросила.

Приютила сирот сестра мужа, хоть своих трое ртов, не считая мужа-алкаша, оформила опеку. И расцвели дети: одеты, обуты, накормлены. В школе хорошо учатся.

Тут спохватилась Лидочка (или сожитель надоумил), что картошку надо копать, а новый возлюбленный не в состоянии - каждый день в умат пьяный. И пошла она за дочкой - помощницей. Подошла к её новому месту жительства и выкликает, посармливает, что, дескать, родной матери не спешит помочь...

Вспомнила, однако, кто она.

Идём «голосить»

И грянули выборы.

Идём голосовать - долг или «должок» отдавать, а старухи говорят «голосить». И говорят это всерьёз, не с издевкой, не с насмешкой.

Может быть они и правы?

Перед выборами за многие, многие месяцы засияла на балконе второго этажа Дома культуры «полуторасотка», прикрытая от нежданного дождя измятой железной пластиной. И сразу стали видны солидные очертания длинного белокирпичного здания магазина и столовой - центра сельской глухомани. А соседние сбоченившиеся хаты и маленькие, обложенные кирпичом уже «новыми» жителями-хозяевами рубленки-сосновки как-то отодвинулись, ушли в темноту, слившись с мутными, расплывчатыми силуэтами не плодоносивших в прошлом году яблонь и вишен: не хватало накала вольфрамовой нити, чтобы и их озарить светом надежды.

Половина восьмого. Комиссия в сборе. Наблюдатели на местах. Скатерть расстелена, кофточки-брючки наглажены, бумаги разложены.

В фойе очага культуры уже собираются первые «жаворонки», но в дверь с крупной чёрной стрелкой не заходят, понимают: раньше срока не положено.

В комнату почти влетает баба Марья. В правой руке навытяжку она держит «командирские» часы. Останавливается перед самым столом и громко восклицает:

- Ох, сынки!

Комиссия в шоке: аль случилось чего перед самым началом непланового рабочего дня? Минута молчания. Никто не решается открыть рта. Наконец баба Марья, увидев, что переполошила избирательную комиссию, поспешно успокаивает:

- Да я... время узнать пришла! Внучка провожаю на автобус. А часы стали ишо ночью, ну я и прибегла к вам.

Все вздыхают с облегчением. Председатель заводит часы старушке, и вдруг она, словно опомнившись, вскрикивает:

- Ды я ж заодно и проголосить могу?! Лишний раз не заходить, ноги не бить.

Ближе к обеду появляется новорусское семейство Драновских. Чинно голосуют, размеренно. Потом глава семейства просит комиссию «прийти за голосом» его многоуважаемой тётчи (а живут они через дорогу от избирательного участка). Один из членов комиссии поясняет, что зайти не смогут, потому как на участке всего одна «выездная» урна, и она укатила в соседний хутор.

Глава семейства начинает волноваться, хвататься за телефон. А тот же член комиссии, ветеран войны, и говорит:

- Если тебе твоя тётца так дорога, бери носилки и неси её сюда! Прикусил язык новорусский. А как же: как аукнется, так и откликнется. Молодёжи почти нет. Другие проблемы и интересы. У них выходной. Кто в магазин придёт для детей

чего-нибудь вкусенького прикупить, тот заодно и многоклеточную бумажку в урну опустит.

Концерт обещали показать. Объявление, говорят, висело, тепер его нет. Кругом одна неясность и неуверенность: ни в сегодняшнем дне, ни тем более в завтрашнем.

Да, старики приходят «голосить», а не голосовать. Не понимают они, сполна и даже с безмерным довеском отдавшие все долги любимой стране и правительству «колосками» и палочками трудодней, какой ещё долг должны они исполнять. Но всё-таки приходят - больные и хромые - вместе с другими и спрашивают, где и чего поставить.

Наверное, по привычке приходят.

А лампочка в «центре» пока ещё горит.

Выходит, и в выборах есть что-то хорошее, светлое.

СЛОНЫ¹

Вагон сильно качало на поворотах, и Андрей постоянно просыпался. Он лежал на самой верхней полке и, чтобы не свалиться вниз, держался за складную сетчатую полочку не стене вагона.

Свободных мест не было, но проводник, увидев военную форму, посадил Андрея. Ни один шофер раньше не проезжал мимо, когда видел на дороге человека в военной форме. Не забыл эту традицию «старого» времени и проводник.

---

¹ Слонами в некоторых воинских частях называют солдат, прослуживших менее года.

- Пока только полку под потолком могу предложить, служивый! - невесело проговорил он, рассматривая засаленный камуфляж.

Вещей у Андрея не было. Он вез матери в подарок только платок, купленный им на остаток проездных денег. Больше ничего из положенного по закону жалованья он не получил.

Платок Андрей завернул в подшивочный материал и положил пакет под тельняшку, чтобы где-нибудь не оставить случайно.

Мать говорила: «Надо, сынок, Родину защищать. Кто, если не ты?»

И он не стал косить, пошел служить, хотя был у матери единственным сыном.

В деревне считалось за честь послужить Родине, куда бы она тебя не забросила. Ни одна девчонка не шла замуж за парня, если тот не служил в армии, считая его негодным.

В вагоне было холодно, но Андрей холода не чувствовал. Несколько последних месяцев он не снимал формы, и на его немывом, исхудавшем теле поселились вши. Они то успокаивались, то снова начинали кусаться, давая Андрею не более получаса сна...

Ему снились огромные неповоротливые слоны. Он часто видел этот сон, как попал из учебки в боевую часть.

В цветных бархатных накидках они играючи таскали огромные ящики со снарядами. Рядом с ними ему виделся одетый в форму дрессировщика лейтенант Вышегорский, который поминутно махал кнутом и орал во все горло: «Живее! Еще живее!»

Но слоны спокойно делали свою работу, лишь иногда вздрагивая от ударов кнута...

От резкого толчка в бок Андрей мгновенно проснулся и обернулся.

- Ты чего? - пробормотал проводник и отшатнулся, увидев остекленевшие глаза солдата. - Тут место внизу освободилось, перебирайся, удобнее будет.

Андрей успокоился, увидев, что он лежит в вагоне поезда.

Такую бдительность в нем воспитал лейтенант Вышегорский, который продолжал приходить к нему даже во сне...

Андрея вместе с другими пятнадцатью бойцами после трехмесячной стажировки в учебке под Москвой срочно перебросили в Чечню. Об этом они узнали, когда были уже в Грозном.

Не было слышно ни выстрелов, ни взрывов, а солдаты, побросав возле палаток одежду, играли в слона. Одна команда изображала слона, встав цепочкой, а другая - прыгала им на спины. Побеждала та команда, которая дальше всего провезет ношу.

Видя веселые лица ребят, Андрею не верилось, что здесь идет война, непонятная для него, неглупого деревенского пацана, учившегося в школе почти на одни пятерки.

Андрей задумался, как вдруг сильный удар в спину повалил его на землю. В глазах потемнело. Поднявшись с земли, он увидел высокого худого лейтенанта с тоненькими усиками. Расстегнутый китель, подшитый грязным подворотничком, мешком висел на его худых плечах.

Он подошел ближе, и на Андрея пахнуло перегаром.

- Ты что сюда на курорт приехал? - рявкнул лейтенант, - чего рожу скривил? Больно! - поцедил он сквозь зубы.

- Ты сколько прослужил, сынок?

- Три месяца, - еле переводя дыхание от боли в спине, почти прошептал Андрей.

- Ого-го! - развел руками офицер, - ты теперь, слон, понял? Сло-он! В зоопарке видал? И будешь им до тех пор, пока в маменьке не вернешься. Усек?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

- Смотри, твоя братва, - он махнул рукой в сторону солдат, которые уже сидели кучкой и чистили оружие, — балду гоняет вместо того, чтобы патроны в магазины загонять. Я не намерен за вас корячиться и вытрясу из вас душу, чтобы сопли не распускали!

Лейтенант снова резко ударил Андрея ладонью в грудь. На ногах Андрей удержался, но на глазах его впервые в жизни выступили слезы.

Так внезапно кончилась в его жизни тишина. «Разговоры» со взводным у Андрея повторялись, когда оружие не там стояло, или не там и не так лежала одежда...

Андрей очнулся.

- Браток, а браток! - пытался разбудить его проводник. - Попей чайку, согреешься!

Андрей сделал несколько больших глотков, коротко поблагодарил и снова отвернулся к стене...

В горы взвод шел цепью под прикрытием БТРов, которые с ревом шли не подъем, кроша траками камни. Куда они шли - никто не знал.

- Вперед, слоны, вперед! - не давал впадать в оцепенение Вышегорский. Прошли поваленную телевизионную вышку, вывороченные столбы высоковольтной линии. Потянуло гарью, и Андрей увидел впереди, совсем рядом, человеческую фигуру.

Они поравнялись.

Это была старуха лет восьмидесяти. Откуда она здесь взялась, только одному Богу было ведомо. Она сидела на камне и держалась за окровавленный живот. Старуха смотрела на солдат не мигая. Страха в ее глазах не было, но в них был один единственный вопрос: добьют или оставят умирать?

Потом был глухой взрыв. Один из БТРов подбросило вверх, как игрушечную машинку. Машина отлетела назад и накрыла сразу троих ребят. Они даже не успели понять, что случилось. У самого уха Андрея еще громче взрыва прогремело:

- Вперед, слоны, вперед!..

Поезд остановился на какой-то станции. В вагоне было тихо, и Андрею показалось, что он оглох.

Срок его службы истек три месяца назад. Он уже стал думать, что никогда больше не увидит свою деревню. Он сжился с войной, стал ее неотъемлемой частью.

Сутки назад Андрей получил почту и карты в штабе. Наверное Бог решил помочь ему.

Андрей шел по коридору полуразваленного здания, где временно разместился штаб. Из комнаты ему навстречу вышел майор и прямо спросил:

- Домой хочешь?

Андрей только пожал плечами.

- Пора тебе, отвоевал свое. Он помолчал немного и добавил:

- Следующего раза может не быть... Иди за мной. Андрей послушно пошел следом.

Майор открыл сейф в комнате, достал пачку военных билетов и положил их на стол.

- Ищи свой, - негромко сказал он, не сводя глаз с Андрея.

Андрей аккуратно переложил пачку билетов и протянул майору похожий на все остальные свой военный билет.

Майор достал из сейфа печать и сделал отметку в военном билете: «Уволен в запас». Потом вынул из кармана деньги и вместе с билетом подал их Андрею.

- Больше дать не могу, извини! - виновато проговорил он. - Скоро машина пойдет на железку, доедешь с ними, а там... Ну, солдат, живи долго! - хлопнул он по плечу Андрея и вышел из комнаты...

И вот уже вторые сутки Андрей ехал домой. Вместо багажа он вез с собой табличку на шею, висевшую рядом с крестиком, на которой не было ни его имени, ни фамилии, как их не было и у тех терпеливых и огромных слонов из его бесконечных снов.

Колеса отстукивали дробь. Но ни взрывов, ни раскатистого эха автоматных очередей Андрей не слышал.

Он ехал домой живой, живой, живой...

НАВОЗ С МИГАЛКОЙ

Иван Трудягин получил новый трактор: двухмостовый, с поворотами, с утепленной просторной кабиной; не машина – сказка! До этого счастливого случая он мерил глубину производственных отходов на молочнотоварной ферме лысыми колесами бездверного, совершенно черного - от пережитого и отъезженного сверх всякой нормы – «Беларуса».

Выпить Иван, как любой нормальный мужик без предрассудков, не отказывался, с хорошими людьми да за компанию - не грех! Но теперь решил попридержаться, чтоб машину ненароком по похмельной рассеянности не угробить. Везет-то в жизни один разок, не боле. И он решил это счастье растянуть по возможности до пенсии: на десяток лет. От прошлого трактора осталась у него неизгладимая память в виде

застуженной спины и прочно засевшей на щеке огромной шишки величиной с персик.

Хороший уродился мужик Иван, работающий, о таком смело можно сказать: где родился там и пригодился; никогда ни от какой работы не отказывался, поэтому механизаторы единодушно одобряли выбор начальства: заслужил...

Только рассвело, а Иван уже полный прицеп бурачков из соседнего колхоза в свой родной на подкрепление буренкам вез. Надои повысятся - зарплату подтянут; может быть и в лучшую сторону жизнь повернет, не все ж мордой в грязь, надо и передышку трудовому народу давать. Так думал Иван, щуря глаза от еще теплого осеннего солнца, пускающего шустрых зайчиков сквозь позолоченную листву придорожный тополей и кленов.

Как-то неожиданно в звук ровно работающего мотора и мысли о светлом будущем ворвался резкий прерывистый звук, дергающий за сердце и все нервные окончания любого человека, сидящего за рулем. В переднее зеркало Иван увидел милицескую машину с проблесковым маячком и хотел было ударить по тормозам, но, вспомнив, что с утра не похмелялся, вовремя опомнился и только чуть сбавил скорость.

Сзади оказался целый кортеж: на малой скорости Ивана обогнали милицеский «жигуленок», совершенно черная иномарка, такой же, как у Ивана, трактор-вездеход с прицепом хорошего слежавшегося навоза; замыкала колонну смоляная машина не известной Ивану марки. Из нее высунулась квадратная лысая голова, мельком глянула на Ивана и исчезла в мутном чреве.

Колонна скрылась за поворотом.

Как-то нехорошо стало на душе у Ивана. Неужто мужика повязали? - проявилось в мозгу. Но зачем такое сопровождение?..

Чудо-юдо невиданное Иван разгадал, когда миновал лесополосу, и начали проплывать вдоль дороги бледные кубышки дач и величественные сказочные многоэтажные замки. Знакомые машины он увидел у красного трехэтажного дома, с резной, как у средневекового замка, крышей, только милицейской машины не было. А пышнотелые бритоголовые мужички в спортивных костюмах шустро работали вилами, сбрасывая навоз с прицепа.

Глаза у Ивана округлились, словно он увидел весь уворованный золотой запас страны или попал в сказку, где воры перевоспитываются, а злые становятся добрыми. Где еще, если не в русской народной сказке, можно увидеть навоз в сопровождении милиции и бритоголовых братков с вилами на навозной куче; им-то всегда было сподручнее дерьмо после себя оставлять, а не самим его разгребать. Эдак они и на его новый трактор позарятся, чтоб милиции за сопровождение не отстегивать.

Разгадывать дальше этот неожиданный ребус он не стал. Представил только себя у печки и полтонны угля в сарае, до упора нажал на педаль газа, чтобы поскорее убраться от этого кошмара и не заплакать... от радости.

НЕПОДХОДЯЩАЯ ВНЕШНОСТЬ

После увольнения из армии почти два с половиной года работал в органах внутренних дел. Часто приходилось маскироваться под «гражданского». И когда для подтверждения своей государственно-исполнительной личности предъявлял красную гербастую корочку, собеседник невольно вскидывал брови:

- Вы в милиции работаете? Не будь документа - не поверил бы! Строгости что ли во мне маловато оказалось, ведь прическа была как и положено по уставу - короткая и аккуратная, в гражданами общался как учил капитан Чернышев: «Если надел форму и удостоверение получил, - не считай себя пупом земли»; пистолет прятал подальше, чтоб поближе взять.

И тогда я решил поменять работу, да и жена была не в восторге от моей ненормированной охраны общественного порядка, да ко всему прочему еще и готовилась пустить на свет Божий первенца, а частые волнения из-за отсутствия и задержек будущего папаши шли ей явно не на пользу.

И наказывать людей надоело, сам-то ведь тоже не без греха жил-поживал.

И предложила жена распрощаться со столицей и вернуться в родные пенаты к моим родителям в деревню, где хоть без сапог и калош не обойдешься, зато выстрелы и демонстрации только по телевизору услышишь и увидишь.

Она в школу пошла работать, согласно диплома, и меня с собой сманила.

Поступил заочно в институт, одновременно работал в той самой школе, где и самого не так давно уму-разуму учили. Новая работа хоть и нервишки расшатывала, но все ж, учить оказалось гораздо приятнее, чем в «обезьянник» людей таскать.

Как только получил высшее образование, зубы стали доставать: по учебе, видно, соскучились. Терпел два дня, и когда щеку разнесло аж до уха, не поехал, а прямо полетел в поликлинику. В регистратуре представился как положено. Молоденькая шустрая медсестра переспросила название моего родного села, я повторил по привычке (по учительской) по слогам.

- Вы мне как ученице диктуете, - улыбнулась медсестра.

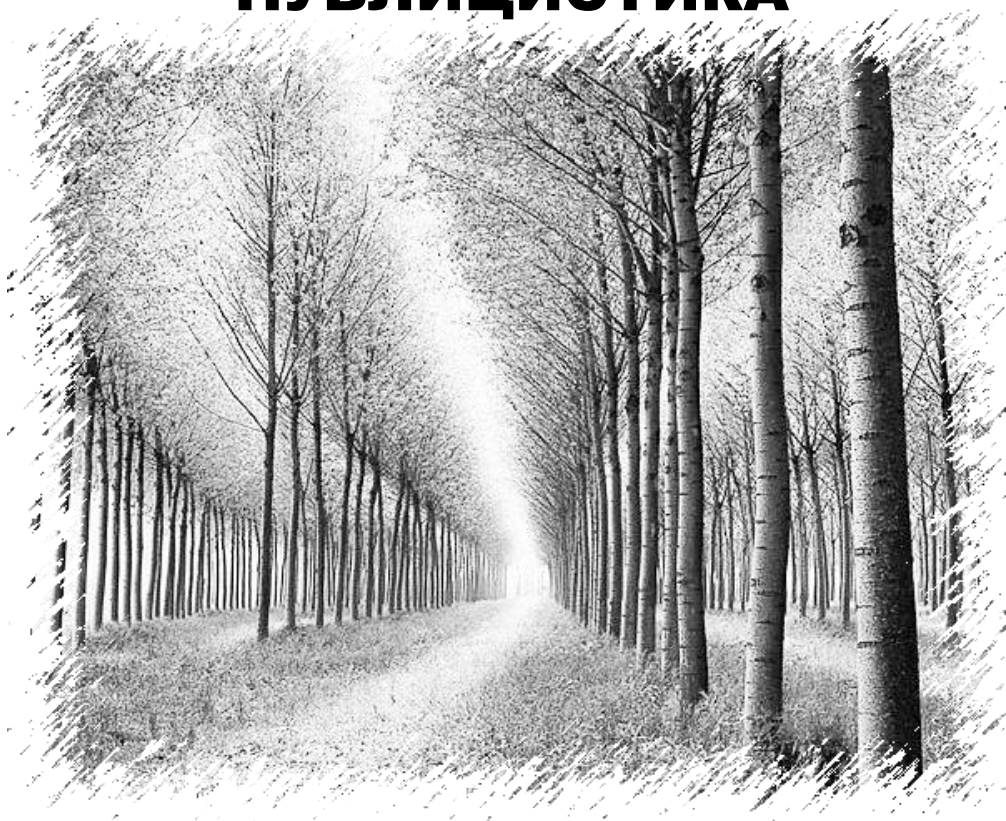
Взяв талончик, который нашелся для меня по причине острой боли, перекосившей мою физиономию до неузнаваемости, я двинулся за исцелением. Стоявшая за спиной женщина проговорила недоуменно:

- Он учителем работает? Никогда бы не подумала!.. Интеллигентностью что ли я не блистал, или прикид учительскому шику не соответствовал?..

Дама в норковой до пят шубке и опушенной тем же дорогим зверьком шляпке с загнутыми по-ковбойски кверху полями видимо не знала, что на учительскую зарплату особенно не пошikuешь.

А сам подумал: «Интересно, какая вновь освоенная профессия подошла бы к моей внешности, чтобы ни у кого не было сомнений, и вместо недоуменного вопроса я услышал утвердительное «Я так и думал(а)!...»

ПУБЛИЦИСТИКА

ЧУТКО СЛУШАТЬ

(Заметки о поэзии Анастасии Харитоновой)

1

Стихотворную речь, т. е. исповедь души, очень сложно почувствовать и, соответственно, понять и принять. И тут не нужно обижаться на явное непонимание окружающих, порою близких тебе людей. Свойство понимания, сочувствия, сопереживания и, в наивысшей степени, участия даровано, да, именно даровано как раз людям тихим, скромным, неприметным. И от этого их величие становится ещё больше и чище. Ибо кичиться тем, что даровано тебе Богом, пусть даже за твоё старание, усердие и смирение, грешно. Только великий человек может написать гениальные строки на салфетке и тут же выбросить в мусорную корзину. Но оттого, что написанное не было никем прочитано, оно не исчезло, оно было написано или, можно сказать, как раскаяние, озвучено. Написанное уже не вырубить топором, у него теперь появился хозяин, давший слову новую жизнь, потому и бессмертно Слово.

Нельзя толпой читать стихи, как нельзя толпой исповедоваться. Остановить стих, или хотя бы замедлить, притормозить, тоже нельзя. И дарованное свыше никто не сможет отобрать, похаять может, но отобрать – никогда!

Многое открывается ищущему, «стучащему», очень многое: открывается, что упадешь, «замерзая и воя, прямо к ночи ноябрьской на дно»; открывается, что «догореть не дано». Но это не Божье наказание, не кара Его за спешность обретения жизни, за слишком глубокое её восприятие и ежедневный поиск точки опоры в ней.

Многие таланты дотягивают до седин, но так и не подходят вплотную к осознанию вечности в себе и необходимости земного труда для единственной цели, дарованной всем нам в равной степени. И это вовсе не тяга к незабвенности, не причастность к великому таинству понимания и взаимопонимания – это итог всей жизни. И тогда выражение «господня собака» не читается как метафора и, тем более, оскорбление, потому что истина не может быть метафорой. Стихотворение уподобляется молитве, осмысленному и прочувствованному канону земного бытия.

Уже в детские годы Анастасию посетила недетская тоска. Отсюда и поиск «доброты во вселенной» и боязнь, что:

Когда я, плача, призываю Бога,
Никто свечи не держит надо мной.

С годами эта боязнь не проходит, она становится осознанной, заставляющей выверять каждый шаг, каждое малейшее движение души и... раскаиваться за нетерпимость и скоропалительность, ведь ушедшее время не имеет обратного вектора, оно может только сохраняться на полках памяти, долго пылиться и болезненно возникать в минуты озарения или безудержного падения. Только тогда «головой о бессмертье стучась», приходит «отвага умереть» и нисходит благодать от трудов праведных, хотя и «исполненных на треть», но которых «на многие столетия хватит миру».

Все мы приходим в этот суетный мир одинаково, с той лишь разницей, что один приветствует первым благодарным криком явление света в хлеву, а другой – на бархатном ложе многоэтажного дворца. И уже с самого момента рождения начинает развиваться «зрячесть». Но разнеженная мирскими благами душа не может вдохновенно вознестись к прозрению. Анастасия это знает:

На сырой, непротопленной даче,
Где рябина стучит в окно,
Жизнь является чуть иначе...

Никогда не постучит рябина в окна шикарного дворца, потому что за толстыми стенами отчуждения и равнодушия никто её не услышит. Да и само дерево никогда не соседствует с роскошью, некому ведь оценить её безудержного горения накануне смерти. И вот эта «иначесть», хотя её и «чуть», позволяет достичь вершин познания окружающего мира и необходимости в нем богоподобного «я», без ханжества и лицемерия.

И совершенно напрасно Анастасия волнуется:

Что же, сядут или не сядут
Три пришельца за поздний обед?

Они с нею, Они в ней, и теперь уже навсегда.

Отголосок Притчи о блудном сыне не случайно возникает в стихотворении Анастасии:

О блудный сын! Не месяц и не год
Скитался ты по отдаленным странам.
Пришел к себе. Пришел в себя – и вот
Кровь от шиповника на пальце безымянном.

Жажда познания мира и тяга увидеть его красоту и великолепие зачастую уведут нас далеко от того места, где нам предначертано находиться, где нам заранее уготовано место. Но человек так устроен, что только после долгих скитаний и поисков он рано или поздно возвращается в родное лоно и делает для себя запоздалое открытие, как это сделала Анастасия:

Чудесный сад. Побудь немного с ним.
Он, как ты сам, красив и молод.

Мы необходимы там, где рождены, и убежать от этого невозможно. В принципе, конечно не столь важно, где перебирать «четки мудрости святой» (Пушкин). Но когда в тебе остается последняя, безымянная капля и имя ей – оставшейся жизни – давать тебе и только тебе, а «душа качается, как огонь на длинном фитиле», готовая выбрать любое, указанное тобой направление, родной сад ощущается как «самый лучший», необходима только самая малость: вслушаться. И тогда искомое становится явью:

Я приду домой, и благодать
Волнами нахлынет отовсюду...

Умение чутко слушать сродни умению красиво говорить, даже не столько красиво, сколько доходчиво до любого смертного. Слушать не только рядом стоящего, а и отнесённого на многие километры пространства, но только пространства. Внешний телесный слух не значит для нашего духовного развития ровным счетом ничего. Шелест листьев, шёпот ветра, плеск воды – это притягательно, заманчиво, но... Это уловка природы, а может быть не только природы, чтобы отвлечь нас от самого важного самого главного: чуткого слушания души. И голосу этому не могут препятствовать ни время, ни пространство.

Молящийся, и за себя, и за весь мир, мир, погрязший в грехах, но ещё живой, от которого он себя не отделяет ни на одну молекулу, становится вечным родственником слушающему эту молитву. И в голове слушающего не может возникнуть какофонии от смешения звуков, ведь молящихся много, а слушающих и слышащих – очень-очень мало.

Кто спит, кто молится – ты чутко слушай.

Это наивысшая точка духовного совершенства поэта. Ибо сказано: «Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Умение слушать и слышать окружающий мир, облаченный зачастую в «зеленый, розоватый чудный сад», дурманящий, затуманивающий, крадущий реальное ощущение пространства – времени, и приходить в себя, не поддаваясь обманчивому велению природы цвести вечно и искать что-то манящее, призрачное впереди. И, наконец, открыть:

Мы слишком мало жили на земле
И не достойны муки полновесной.

Тогда остается последнее страдание – путь в себя:

А мудрый – по одной строке узнает,
Чем для меня земная жизнь была.

Анастасия не договаривает, потому что каждый, идущий по земной жизни, должен прийти к этому сам, один на один с собой, чтобы воочию увидеть

Над страной, над нами всеми –
Золотистый небесный луч.

Увидеть и чутко слушать, слушать, слушать... тех, кто молится.

КРЕСТ КРЕСТЬЯНСТВА

Крестьянин (см. «Толковый словарь» С. Ожегова) - тот, кто занят обработкой земли как основной профессией (выд. автором. - А.М.). Кто поспорит, что поднимать хлеб от зерна до колоса, как детей, - это не профессия?.. Профессия! Но профессия единственная, за которую раньше платили палочками трудодней, а теперь, когда палочки вышли из моды, насчитывают крестьянину благодатную кубышку год от года, которая может перед ним так и не открыться, а запросто исчезнуть по мановению волшебной палочки государства.

Но деревня жива и живёт, точнее сказать, выживает; и так было всегда: во времена Карамзина и Чехова, во времена Ленина и Андропова, во времена Ельцина и теперь Путина. В брежневские времена, когда я заканчивал школу, то подрабатывал летом тем, что бегал с соседом за трактором и цеплял длинные тросы волокуши, сбивающей стожки соломы в огромные кучи, из которых потом сельские мужики-умельцы выводили высоченный стог на подкрепление зимнего содержания бурёнок, и техника новая в родном совхозе появлялась; механизаторы получали бесплатно до двух тонн зерна. Ленты алые на их чумазые шеи вешали, на Доску почёта снимали, премировали, концерты ставили прямо в поле. И улыбались крестьяне ширше лент «Победителю соцсоревнования», а потом работали от заката до рассвета, даже двигатели машин чуть ли не до красна разогревались.

Урожай зерна не убавляются и теперь, что несомненно говорит о золотых руках хлеборобов, но зерно почему-то тем, кто его холит, выдавать бесплатно перестали, даже в качестве премии. Дают желающим под зарплату, а она, как известно, не

резиновая. Резиновая только всесезонная крестьянская обувка: калоши, сапоги. Дёшево и удобно. И тащит, согнувшись, как старуха, ещё молодая по годкам, а не по внешнему виду доярка сумочку фуражного зерна, чтобы подкормить квохчущую и хрюкающую домашнюю животину. И коровке, мычащей в дырявом сарае, немного перепадёт. Никак жирку хозяйка к зиме решила нарастить на мослах? Поднарастить - да, но только не на своих. И воровством это ношение язык не поворачивается назвать.

Посмотрите, а лучше - рассмотрите повнимательнее руки сегодняшнего сельского вола-механизатора: непонятного цвета, с вьёвшимися на всю оставшуюся жизнь отходами нефтепродуктов, исколотые, изрезанные, избитые всевозможными механизмами от молотка до кувалды. А ведь руки эти были ювелирно, с чёрточками, кружками и ямочками судьбоносного начала, задуманы Творцом не только для того, чтобы ишачить денно и ночью, а для того, чтобы дарить радость дорогим, единственным, любимым...

Крыша дома, перешедшего по наследству от отца, почернела и потекла. А за здорово живёшь не починишь. Три банки краски - вся зарплата. Помочь детям - важнее. Они не самые высокооплачиваемые, но нужные специальности в городе осваивают: учителей, ветеринаров, агрономов... А потом работают, учёные степени и заслуженные звания получают, не купленные за доллары, которых никто в деревне и в глаза не видел, а заработанные собственным умом, руками и примером родителей.

А дом подлатывается подручным хламом, отчего вид его становится больше похож не на жилое сооружение, а на стоящего посередь дороги молчаливого нищего в лохмотьях в ожидании Божьей милости. А Бог терпелив и милостив...

Весной, как только снег мелкими шажками съезжает с бахчи, взлетают к солнцу стрелки чеснока и прошлогоднего лука. Витамины в сучок. А много ли их надо крестьянину?!

«А чего вам унывать? - жмут плечами городские заезжалы на «Газелях», наполненных всевозможным товаром. - Картошка своя, зелень, мясо». Молчит хозяин домика в деревне, не скажет, что на прилавке вырезка всегда красивее смотрится, но когда каждый день машешь возле неё вилами да лопатой... Молочко селянам предлагают закупать по 2,80 руб. за литр. А в магазине оно сколько стоит? Видели, знаете.

К зиме только немного поубавляется работы, снег прикрывает недоделки, и глазком успеваешь в телевизор заглянуть. А там... Эх, мать честная! - всякие део-дезодоранты показывают, и Канары, и Таити, и важничают по поводу с неба свалившегося домика напрямиком в деревню, со скарбом и дюже разговорчивым крылато-копытным хозяйством. Ничего, кроме бешенства, это зрелище не вызывает. Но крестьянин не знает такого чувства.

Сам я только один раз ноги в Чёрном море помыл, в семь лет, когда младший брат колено наколол грушевым шипом и полтора года пролежал на больничной койке в Алушке. Не было б радости, да горе помогло... Вымытые до блеска ракушки и камешки, прозрачная толща воды, кипарисы, фонари - до сих пор перед глазами миражом возникают, когда включаешь телящик - недосыгаемое хранилище благ и удовольствий для всего человечества.

А тут в домах светит всё та же лампочка Ильича, а в некоторых глухих (!) отдалённых (!) селениях и она, чего греха таить, не теплит надежды на лучшее. Телефон - роскошь. Смерть не вовремя к порогу подступит, «скорую» не вызовешь. Вода в дом до сих пор, как при царе Горохе, попадает из колодца или в

лучшем случае из колонки, а до неё ещё топать нужно, и в жару, и в стужу.

Газифицируют сёла. Но уголёк люди берегут, на всякий случай. А старики восклицают: «Как заново на свет народились. Вот теперь пожить бы!..»

И хоть профессия у крестьянина кубышечная, за свет, за газ заплати вовремя, иначе контролёры пени грозятся насчитывать; и не обижайся, у них такая работа-профессия государственная - изымать за услуги. И сегодня бы Щедрин восхитился: «И откуда они, шельмы, всё только берут?» Знать, Бог даёт.

Христианская вера в её изначалии живёт только в сельской местности, другой причины объяснить ежедневное хождение крестьянина на работу задарма я лично найти не могу. Только здесь несут свой крест, пока держат ноги.

Тепло в домишке, но на свежий воздух, хочешь не хочешь, выходить по нужде приходится: канализация-то не предусмотрена...

А за окном другие блага: загаженный курами и утками двор, обрезки столетних брёвен и досок, сыпучий кирпич, корыта, поилки, сарайчик. А стоит чуть приподнять глаза, не до самого ясного неба только, видна труднопроходимая в распутицу даже на резиновом ходу дорога и ершистая кособокая изгородь-прабабка.

В стороне, над берёзками, как маковка сгоревшей в войну церкви, возвышается пролетарского цвета крыша двухэтажного домика директора колхоза, без живности, правда. Это его дача. Вот кто в нашей стране поближе к солнцу тянется. Для них, наверное, та самая радость от владения домиком в деревне, отгороженным от полугнилого деревенского быта железобетонными плитами.

Вспомнился юморист: «Дать бы каждому крестьянину по земельному наделу (то есть паю), а каждому председателю по морде (а она у них, в основном, широкая да грузная, хоть поросят бей), и всё в стране переменится». Вряд ли! Ну дадут мужику несколько га земли, и что он с ними делать станет, ведь годки уже не те, а деньжонки последние со сберкнижек государство, как корова языком, слизало. Из техники - два комбайна, три трактора с неродными моторами, давно уже выслугу лет заработавшие, месят сельские выгоны, подвозя солому на ферму, обрабатывая, засевая и убирая поля; и всё это одновременно. А управляют ими сказочные Иваны-дураки, но только не в парчовых халатах и сафьяновых сапожках, никому не известные ни при жизни, ни после смерти Герои с большой буквы, работающие без выходных и отгулов, обычные русские люди, но чья профессия - растить и убирать хлеб. Профессия, которой учит только земля. И оседает на обветренных, загорелых лицах золотистая хлебная пыльца - посмертная отметина Божьего предназначения. И улыбаются после нечеловеческого труда лица: белозубо, добро, душевно; поются старинные русские песни за столом, чтоб побольше нарадоваться жизни, а то ведь мужики на деревне сейчас не успевают и пенсию оформить - помирают... не дожив, недорадовавшись, недолюбив... И не кричит, не вопит крестьянин о своей рабской жизни, а если и посудачит, так с соседом или с таким же работягой, как и он сам; и не выходит права качать на демонстрации с лозунгами, потому что кормить всю страну - это святое дело, пусть даже и зачтётся ему это только на том свете... не хлебом насущным.

ПУСТЬ СЕБЕ БУДЕТ МЕНЬШЕ

Взросление всегда начинается с детства, когда всё кажется родным, близким, понятным и доступным, и к детству же возвращается, но только уже в немощи и старости.

Идешь в ногу со временем (раньше шагали!), или, по крайней мере, стараясь не отставать от него, тем более что писанные и неписанные зарубки-отметины сделаны задолго до тебя, а тебе остаётся только перемалывать от А до Я в меру своего ума да Божьего позволения болезненные находки идущих далеко впереди, в будущее, как дар для карабкающихся к истине отстающих, не школьных «двоечников», идущих в ногу со временем, рождённых в нужное время, в нужный день и час.

Многие из идущих в ногу считают творчество Андрея Платонова труднодостижимым, настолько сложен, многообразен философски и нравственно глубок стиль его творчества. И я с ними полностью согласен, потому что и сам небольшой его рассказ «Корова» постигал в течение нескольких лет.

Я не сразу понял, что меня в нём взволновало. Обычный рассказ о мытарной деревенской жизни, только написанный суховатым неритмичным языком, так что кажется, что это вовсе не художественное произведение, а серая, как высохшая былинка, реальная жизнь забралась на белые листы бумаги, не желая быть поправленной и выхолощенной. Но Платонов и не пытался, похоже, приукрасить эту самую жизнь, тянущуюся к свету даже из праха. И потому какой-то непроходящей тоской и печалью тянуло со страниц его книг...

Трудна была судьба его произведений, а некоторые из них увидели свет только в конце 80-х, то есть почти через сорок лет после смерти создателя-родителя.

«...Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу...» — это строки из «Автобиографического письма».

Память детства отпечатывается в мозговых клетках нестираемо, как на фотографии, и потому всегда кажется, что это было только вчера.

С потной работой сам я был знаком с семи лет, когда рано утром вместе с родителями под нестройное, протяжное мычание коров и звонкие щелчки пастушьего кнута отправлялся на косовицу. Родителями опыт обращения с косой был наработан в лесничестве; а как я мог отстать от отца, если мне доверили такое ценное, добытчивое крестьянское орудие труда. Я бил сплеча, валил траву как топором, окропляя её семью потоми, но зато был горд сопричастностью с общим семейным трудом.

Может быть, и задело меня то, что я — деревенский от пяток до ушей — не смог понять такого же мужика из Ямской слободы, пусть и большого писателя. Но мы не можем выбирать (и слава Богу), где и когда нам родиться, поэтому и судьбу ворона не накарает.

Писательские судьбы складывались и складываются по-разному, но зачастую, по велению времени и мирских катаклизмов, они отражают в себе судьбу личности, возвращённой в годы революции, гражданской войны и послевоенного восстановления, личности, чей социально-нравственный опыт стал неотделим от общественного в целом. Но такой опыт грозит перерасти в буйную стихию. У Платонова он взлетел до всечеловеческого. Потому-то некоторые критики находили в его творчестве утопические фантомы, не умея постичь и почувствовать микроскопическое движение атомов в пыльных

камнях под ногами, являющихся необходимой и неотъемлемой частью живого образа мира.

С убедительной естественностью звучали лозунги: «Царство рабочего класса длится только год. Сделаем его вечным!», «С врагами борись, с лишениями мирись — победа будет за нами!» Были и призывы идти в последнюю «мёртвую схватку». И это было начало начал не только для Платонова. Но был ещё и девиз: «Один за всех — все за одного». И именно эта причастность к общему делу давала людям силы строить светлое будущее. Вера в это была неколебима.

Сейчас такое безоглядное самоизнашивание кажется смешным, но Платонов не смеялся: «Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою Богородицу. Сознание, что на небе есть благая Богородица — роднее и ласковой матери, даёт сердцу мужика любовь и силу, и он веками ходит за сохой и работает и живёт как мученик».

Радость от мученичества уже с малолетства испытывает и Семён из рассказа «Государственный житель», оно впитывается во всё тело с материнским молоком и даёт неоспоримое право жить. Он знает, что «есть время в жизни, когда невозможно избежать своего счастья. Это счастье происходит не от добра и не от других людей, а от силы растущего сердца, из глубины тела, согревающего своим теплом и своим смыслом».

Знал об этом и Вася Рубцов, потому и был «с малолетства полный человек».

Платонов не витает в облаках, он здесь, рядом — сокровенный человек, «с каждым спаяно» его «сердце». Он не оглох к чужому горю, научился (а может быть, и имел этот дар) чувствовать малейшие колебания человеческой души, но не остановился на достигнутом, а шагнул дальше и возлюбил ближнего своего гораздо больше себя самого.

Безусловно, трудно постигать сейчас «приземлённую» платоновскую прозу, когда душевная щедрость любителей приближения к небесной благодати (без лишних хлопот) не выходит зачастую за верхний этаж коттеджа и даже не выглядывает из окна скоростного авто на мелькающих за тонированным стеклом, копошащихся и теперь уже рвущуюся к другому светлому будущему людей, не рука об руку с сотоварищами, а одиночно, с высоко поднятой от сознания собственного Я головой, лишь на ночь утихомиривающихся в глухих стенах своего дома-крепости, без добрых радужных: снов, только чтобы поднабраться сил для нового рывка сквозь крепкие локти и спины несомневающих Макаров. Рвётся родство душ, с такой любовью воспетое Андреем Платоновым, и теперь любой попутный ветерок перемен и благих посулов может бросить озверевшую толпу на баррикады, и вовсе не ради общего дела, а ради неприкосновенности кубышки и охранника поплечистее, чтобы, не дай Бог, кто не запустил в неё руку.

Каждый хочет стать непременно хозяином своей судьбы, забывая о том, что все мы живём в одном мире, под одним небом и равно тёплым ко всем солнцем.

Ещё в 1922 году В. Келлер отметил «главное достоинство Платонова» — «его близость к земле, к зелёному миру», провидел слитность писателя и рождённого им мира: «Всему он свой, близкий, и не поймёшь - он ли вышел из этих трав, облаков, деревьев, или они из него». Он непременно идёт с близким ему героем, «спаивается» с ним в единое сопереживающее существо, не возносясь и ни на шаг не отдаляясь даже от его душевного одиночества.

И потому Вася написал в сочинении: «Как я буду жить, я не знаю, не задумался ещё. У нас была корова. Когда она жила, из неё ели молоко отец, мать и я. Потом она родила себе сына— телёнка, и он тоже ел из неё молоко, мы трое и он четвёртый, а

всем хватало. Корова ещё пахала и возила кладь. Потом её сына продали на мясо, его убили и съели. Корова стала мучиться, но скоро умерла от поезда. И её тоже съели, потому что она — говядина. Теперь ничего нету. Где корова и её сын-телок? Неизвестно, а всем было от них хорошо. Корова отдала нам всё, то есть молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я тоже хочу, чтобы всем людям нашей Родины была от меня польза и хорошо, а мне пусть меньше, потому что я помню нашу корову и не забуду».

Он не мог написать иначе. Он постиг великую тайну счастья, когда тебе будет хорошо оттого, что ближним своим, нет, не кровным, а всем живущим под одним с тобою небом, ты отдал больше, чем оставил себе. Он «тихо» прозрел, что дорога у нас у всех одна и одно у всех предназначение...

ЗЕРКАЛО МИРА

мешающие и отвлекающие

Молодежи перебирали нежные перышки и перемывали еще хрупкие косточки во все времена, при разновозрастных правителях и разноуровневом устройстве государственной системы. И это, в принципе, объяснимо: пожившее-повидавшее поколение с надеждой, и в то же время с опаской и недоверием всматривается в свою подрастающую смену. Именно этой смене, и никакой другой, явившейся вдруг чудесным образом с другой планеты, передавать очень нежные рычаги управления огромным, беспокойным и трудноуправляемым государством. И тут необходимо отметить, что в середине канувшего в лета двадцатого века доверия молодежи было побольше, поэтому и ехала молодежь с песнями «за туманом» и «запахом тайги».

Время, конечно, было тяжелое. И стремление улучшить серую жизнь уже сегодня не что иное, как естественное желание успеть пожить самим в разноцветном мире уже в ближайшее время, а не тешить себя сладкими надеждами на то, что в прекрасном будущем будут жить их дети или внуки.

В обществе же, где попасть за закрытую дверь можно, пройдя только определенную процедуру проверки благонадежности, и не с первого захода, ни о каком душевном порыве с сиреневым туманом в голове и речи быть не может. А можно за дверь и вовсе не попасть даже самым благонадежным: все зависит от настроения и занятости застольными проектами отгороженных толстыми, тяжелыми дверями и пустующими приемными отцов-властелинов судеб целых народов.

На мешающих и отвлекающих от насживания кожаных кресел смотрят с презрением и враждебностью. А мешать и отвлекать без особого на то сановного разрешения свойственно только молодым. Этим отчасти можно объяснить стремление молодых суперменов переплюнуть пересидевших все сроки несгибаемых и труднодосягаемых директоров и начальников, ведь сегодняшняя рыночная экономика разделила бытие на спрос и предложения. И речь идет не столько о возрасте последних, сколько о вжившейся и ввевшейся в их плоть и кровь привычке жить чудненько, не высовываясь, но за счет других. У них свои, строго ограниченные «кружки» по количеству и качеству интересов. В них делаются перестановки-обмены на договорной основе. Но цель у них у всех одна: усидеть любыми способами. А новым, свежемыслящим кадрам вход и прием в них строго воспрещен. Уходят же из них только по воле Господа Бога.

В период расцвета советской власти молодым везде была дорога: и в учебе, и в обеспечении рабочими местами. И было это одним из главнейших пунктов политики партии и

правительства. С одной стороны энергия молодых сердец наращивала блага цивилизации, а с другой - накапливала золото для этой самой партии, для ее жрецов, в низах которой костями ложились за лучшую жизнь действительно целеустремленные и честные ее члены.

Ряды партийных кружковцев десятилетие за десятилетием редели, и на свет Божий, благодаря гласности и американизированных веяний стали выплывать интересные сведения о тайных доселе мирных и военизированных операциях многолетнего оболванивания народа.

Пошла энергичная перестройка старых кабинетов на новый лад. А тут молодежь подвернулась с ее вечным стремлением сделать побыстрее и с пользой для настоящего и будущего, а не для прихорашивающихся бывших. Но это же прямая угроза покушения на теплые места! В лагеря бы сопляков за их чрезмерную поспешность, введливость, неуважение к старшим. Но время уже не то, и оно не застаивается, не закичивается на надуманных идеалах прошлого. И в то же время оно ничего не стирает, не сбрасывает со счетов, заставляет задумываться и формировать иные установки взаимоотношений с людьми и окружающим миром. Иногда они кажутся агрессивными или даже таковыми и являются. Это защитная реакция на бездумное вдалбливание аксиомы «жить, как мы жили». Да, жили, по хитро спланированной земными божками схеме. И появился страх, что молодежь, идущая по своему собственному непроторенному пути, может заблудиться и потеряться, подгоняемая бунтующими генами акселерации.

Но это реальность, сегодняшняя действительность, и от нее не убежать, не скрыться. Маленькие проблемы взаимонепонимания между поколениями могут расплзтись в бесконечные пропасти отчуждения, и тогда светлое будущее, в

котором так хочется пожить каждому из нас, перестанет даже маячить на горизонте.

В жизнь на цыпочках

Можно долго размышлять, анализировать всякого рода опросы общественного мнения, собирать пухлые тома, по многоэтажности превышающие самые запутанные долголетием уголовные дела, но вся эта изнурительная, отвлеченная от жизни мозготерапия приведет к написанию научных диссертаций, составлению графиков и сложнейших схем и к простой трате драгоценного времени, потому что жизнь молодого поколения уже нельзя вписать в планы пятилеток и взгляды партии и правительства: о пятилетках речи давно не ведутся - дожить бы до очередной зарплаты; единой, крепкой партии нет, а правительство смотрит или подсматривает не в ту сторону и частенько сверху вниз.

А молодость не может ждать долго, она ведь умная и видит, и слышит, что завтра может быть хуже, чем сегодня. И по этой на первый взгляд простой, но на самом деле очень страшной причине она спешит, торопится жить сегодня так, как будто этот день может стать последним: зарабатывать достаточно для нормального существования (никто, думаю, не будет спорить, что автомобиль и компьютер - это непозволительная роскошь), учиться качественно и тому, что пригодится в жизни, а не что взбредет в голову заумному любителю экспериментов на подрастающем поколении; видеть и внимательно рассматривать сегодняшний мир, без розовой вуали, называя все своими именами, не философствуя, - это и есть правда жизни, зачастую горькая и страшная, но правда, а ее, как известно, надолго не скроешь, не спрячешь. Взрослым как-то неловко, совестно, стыдно, а молодежь рубит правду матку, не зирая на лица. И в этом стремлении ей можно позавидовать.

Она изучила и изучает горький опыт старшего поколения и понимает, что время не только лечит, но и неизлечимо калечит, и не хочет с неопределенностью ждать, что же будет через неделю, а что свершится через год. Молодые видят преуспевающих, жизнеспособных сверстников и изо всех сил тянутся за ними. Я не имею в виду зеркально выбритых братков, хотя и среди них встречаются люди, уважающие свою Родину больше некоторых костюмированных правительственных особ.

Мы живем ныне как на вулкане, зная, что он может проснуться, прыснуть огненными струями, куда ему вздумается, не интересуясь ни возрастом, ни партийной принадлежностью. Старшие успеют посетовать: «Мы - то пожилы, а вот молодые...»

А молодые не сетуют, потому что у них нет багажа прошлого, может быть это и плохо, они не разделяют политических ценностей олигархов - сюрреалистов, собранных вместе для создания нескончаемой, непредсказуемой мыльной думской оперы. Только Жириновский из старшего поколения вызывает в молодежной среде сочувствие и уважение по той простой причине, что изъясняется резковато, но четко, без долгоразжевывания мирских проблем и неурядиц. До сих пор красуются на заборах начертанные белой и красной краской лозунги: «ЛДПР победит», «Голосуй за ЛДПР».

Бывшие и настоящие боссы разноцветных партий уверяют, что современная молодежь окружена теплотой и заботой, благодаря их (боссов) изнурительному труду. И все, что ни пожелает молодой гражданин, перед ним, как в сказке, на блюдечке возникает: работай, где хочешь и кем хочешь, зарабатывай столько, сколько в тебя влезет; учись, хошь дома, а хошь - за бугром, отдыхай, развлекайся по полной программе. Свобода выбора, свобода безразмерной жизни, без отягощения мозгов политическими амбициями по поводу постоянной борьбы и горения. Входи в жизнь с любой стороны без всяких

секретных кодов и паролей и пользуйся, пользуйся - все ведь оплачено!

И идут, и пользуются, но только единицы, те, у кого желание быстренько схватить вертлявую жизнь за куцый хвост и урвать от нее все возможное, чтобы хватило с лихвой на быстротечную молодость и неминуемую старость. Это сейчас называется молодежным карьеризмом. Но основная масса молодежи входит, вкрадывается в жизнь на цыпочках, потому что хозяйничает на всей территории страны не президент, а всемогущий доллар. А его вечнозеленого да молодежавого на всех, к сожалению, не хватает. И поэтому выросшее из школьной формы поколение устраивает свою жизнь не там, куда их влечет светлая голова и дар Божий, а там, где потянут родители, воспитанные на бесконечном уважении и доверии к государственной машине. И по-прежнему они сидят на изнемогающей шее родителей. И стыдно им, и совестно, но не их в том вина. Не их вина в том, что в подарок они получили установку на одиночную, а не на коллективную жизнь в якобы равноправном обществе. И они начинают завидовать тем, кто лишен туманных иллюзий и общепринятых идеалов, всегда готов выслуживаться перед начальством, не забывая о себе дорогим. Холопья жизнь? Нет, холодный расчет, перенимание опыта собственного жизнеустройства у перекрасившихся бюрократов со всеми их звериными повадками.

Завидуют и затуманивают свои еще не окрепшие мозги алкоголем и наркотиками, сводят счеты с жизнью. И не из-за слабости они это делают, нет. А из-за нежелания быть соглядатаями преступного отношения государства к своему молодому народу, во все глаза смотрящему на непробиваемые стены безразличия.

Советская система рухнула перед самым носом поколения 80 - х. И это не было для него шоком, потому что

жизнь только начиналась, полная надежд и обещаний. Конечно, хотелось, чтобы новый человек был свободен от всяческих демагогии, что он сразу начнет изменять жизнь к лучшему. Но человек, живущий в мире, где все есть и все можно, нередко затягивается в сети сиюминутных соблазнов, и это становится нормой его жизни. И бесполезно вытравливать эту заразу модными кружками, секциями. Рыночная экономика на первое подала сладчайший пирог с емким душещипательным названием «Крутись-вертись и не оглядывайся». И пусть все вокруг тебя горит синим пламенем. А живущая по-прежнему одними надеждами интеллигенция пока безуспешно пытается вытащить этот легкоусвояемый продукт эпохи из молодых желудков прежними культурно-досуговыми интересами.

В мгновение ока снесен столп коллективной крепости народа, единства и преемственности поколений. А на его месте начертано коряво: «Каждый сам за себя».

По этой причине и стареет общество, потому что молодые, узнав сладость размножения раньше всех сроков, оставляют за собой право только на сладость, а размножение - слишком хлопотное дело, да еще и невыгодное в нашем государстве мероприятие, такая операция «Ы».

разбазаренное время

Сельская молодежь...

Такого понятия в настоящее время просто не существует. Самым молодым сельским труженикам далеко за тридцать. И тех единицы. Не буду утверждать категорично, что именно так обстоит дело по всей матушке Руси, где-то, возможно, и держат еще на плаву парни и девчата ветшающие деревеньки. Но такие явления в нынешнее разбазаренное время единичны.

А что делать молодежи на селе? Раньше агрономы, доярки, механизаторы ехали на село с радостью. И угол найдут,

и почет, и уважение. А теперь им только на поминки можно ехать. Целые комплексы разобраны почти до фундамента. И тянется горькая полынь к пустым, гниющим глазницам окон, из которых с каждым дуновением ветра расточается запах могильного тлена.

Идет укрупнение технического оснащения хозяйств, за счет гибели мелких. Уходят из села последние тракторы, теперь и дорогу от непроходимого снега нечем будет почистить, а через десяток лет уже и не для кого.

Закрывают основные и начальные школы, с легкой руки бывшего министра просвещения, мотивируя тем, что невыгодно содержать малое количество детей, последних сельских детей, и несколько работающих на одном энтузиазме учителей. С первого класса дети в мороз и слякоть терпеливо ждут автобус на дороге, который может и не доехать. И это ежедневное ожидание скорее всего в математической пропорции отразится не только на успешности образовательного процесса, но и на простом человеческом желании усердно учиться, чтобы потом отплатить государству за спокойное, комфортное и радостное детство. Может быть, скоро станет модно запаливать свечу у окна. А ведь все может стать! И жизнь вернется на круги своя.

Негде себя проявить, разве что принять внутрь огненной воды и побить темные окна в закрытом доме культуры. Или фирму открыть по ускоренному изготовлению этой самой улучшающей настроение микстуры. Предпринимателем себя почувствуешь, новым русским в районном масштабе, свободным и независимым негосударственным жителем. И государству нет потребности до твоего патриотического желания жить и умереть там, где прожили и отдали Богу душу твои предки.

Ушли династии, словно их никогда и не было; ушла привычка просыпаться с первым лучом солнца, с детства дарящим искорку неповторимого творческого потенциала; и

как-то уж очень быстро уходит молодость, и не хочется мечтать и спорить о будущем, потому что оно не обещает быть светлым.

у последнего порога

Опечаленные и расстроенные легковесным восприятием жизни своими чадами родители тащат их в церкви и воскресные школы, как к последнему порогу надежды и отчаяния. Больше опереться не на кого. Но ведь всех не запихнуть под Божий покров. Господь принимает самовольно пришедших овец, а не загнанных рьяным погонщиком.

Тут конечно многое зависит от священников, которые и сами, понюхав пороху на территории собственной страны и прочувствовав всеми своими клеточками руку государства, надели черные ризы. И пусть говорят, что священнослужителями сегодня становятся голубые, зеленые и неопределенные молодые люди, я уверен абсолютно в том, что Богу не столь важно, какого цвета был в прошлом раскаявшийся грешник и какой породы. И все мы вообще-то приходим в церковь не к священнику, а к Богу, для общения с Творцом. И если церковнослужитель, бывший националист, скинхед или любой другой неформал, сможет отвлечь молодежь от алкоголизма, наркомании и тупого глядения в ящик, то честь и хвала ему. И за это ордена нужно давать, потому что только церковь бережно относится к каждому своему прихожанину, и вовсе не из-за лишней копейки в казну епархии. Но наряду с этим ведется непонятная государственная политика отворачивания подрастающего поколения от задумчивости и усидчивости. Как вы себе представляете третьеклассника, читающего по рекомендованному министерством просвещения учебнику «Житие Сергия Радонежского»? Да он слова «жизнь» еще не осмыслил, куда уж до житийного жанра.

Гораздо проще прийти поставить свечку, чтобы не выглядеть белой вороной на фоне одухотворяющегося правительственного аппарата, и со спокойным сердцем поглощать сладострастие жизни дальше.

зеркало мира

Молодежь всегда была и остается зеркалом мира, четким отображением существующей жизни, и все негативное и страшное в ней (молодежи) - это прямая вина породившего ее поколения.

Так было и так будет всегда. И пока мы не научимся сначала семь раз подумать, а затем только сотворить, горемычная жизнь наша не переменится к лучшему. Только великая духовная революция сможет отвлечь молодежь от бездумного потребления низменных радостей и благ сегодняшнего времени. Но революция не в молодежной среде, а в ядре старшего поколения, щедро пичкающего молодые умы извращенной собственным эгоизмом продукцией.

Кто возьмется ее свершить?..

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ОЛИМП

«Просите и дано будет вам, ищите и обряцете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ждущий обретает, и стучащему отворят»

(Мф. 7, 7 – 9)

Вместо предисловия

Восхождение на Олимп – это не подробное сказание о том, как можно без больших затрат и потерь подняться на всем известную вершину, с которой неусыпным оком взирал на жизнь простых смертных могучий Зевс, возвыситься над остальным миром, чтобы присоединиться к горделивому величию богов, - это маленький эпизод повествования о трудном, ежедневном, порою мучительном восхождении на Олимп духовный, чётко очерченной дорожки на который никто не укажет. Её ищет каждый самостоятельно, индивидуально для себя, пусть и прислушиваясь к советам друзей и знакомых, и только в этом случае неутомимый поиск цели жизнепробывания на земле, стремление подняться над собственным эгоистичным «я», увериться в своих силах станут поистине благостным движением-восхождением на всю сознательную жизнь и непременно приведут к пониманию и осознанию собственного предназначения, такого быстротечного на грешной земле и необъяснимо вечного в мире духовном.

День первый. Утро. Немного пасмурно. Серое небо с редкими белёсыми просветами окружает мутно сияющие купола храма Покрова Пресвятой Богородицы, четыре года назад построенного в селе Бобровы Дворы и сразу же зажившего полноценной духовной жизнью, как только его настоятелем стал

отец Алексей. Он-то и стал инициатором покорения почтенного Дона на байдарках. Дело это довольно хлопотное и с организационной, и с финансовой точек зрения. Но организаторским способностям батюшки может позавидовать любой мирской чиновник, а вот финансами и транспортом экспедицию поддержали Глеб Рафаилович, Еськов Сергей Леонидович, Черемисин Игорь Анатольевич, Зензин Андрей Венедиктович, Татьяна и Владимир Алексеенко.

Похоже на дождь. Путешественники с рюкзаками, спальными мешками, палатками и другими не менее необходимыми в походе мелочами собираются у ограды. К восьми часам подъезжает на автобусе, который довезёт нас до Воронежа (места начала пути), отец Алексей. Быстро и дружно загружаем вещи и запакованные байдарки и плот в автобус. Отец Алексей ведёт всех в храм на молебен, от души окропляет святой водой, и мы отправляемся в путь. Дойти на байдарках мы планируем до Павловска, но в расчёты вкрадывается досадная ошибка, и по Божьей воле всем нашим чаяниям и устремлениям не суждено будет до конца сбыться.

Едем. Лето, как и должно быть, располагает к отдыху, а молодости просто не свойственно ложиться спать рано, поэтому путешественники немного хмурятся, зевают, щурятся, но уже начавшееся путешествие скрашивает внезапное нарушение вольного режима летнего отдыха, быстро и почти незаметно протекающего. Хорошо, если протекающего с пользой, но зачастую его всецело поглощает безудержная «новорусская жисть»:

Над поникшими хатами
месяц блёстко остёр,
пересыпанный матами,
тесен сельский простор.
Замаячит под звёздами,

сытной волей пьяна,
беспризорная молодость
с рюкзаками вина, -
про тюрюгу поющая
на свободе такой,
сытно жрущая, пьющая,
не знакома с тоской.
У старушки три курицы.
«Не богатый улов!» -
собутыльникам щурится
хилый внук – «зверолов».
Порасселись, как мухи,
костерок разгорается,
живность бедной старухи
в закусон превращается.
Парни, девочки томные
перегреты вином.
Ночка долгая, тёмная,
небо в речке – вниз дном.

Небо по-прежнему хмурится, только на горизонте толпятся густо пушистые молочные облака. Отец Алексей рассказывает весёлые жизненные притчи, а по обе стороны дороги тянутся спокойные ряды пышных тополей, осинки. Кроткий ветерок изредка нарушает спокойствие утра лёгким трепетом листьев на их макушках. Рябинки, ещё не созревшие, бледно-розовые, готовятся вспыхнуть к осени пунцовой спелостью гроздьев. В голове невольно возникают строчки стихов Сергея Есенина:

В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Конечно, не сможет согреть того, кто не видит и не хочет видеть этого чудесного природного огня, этого великого предсмертного горения ради вечного торжества жизни на земле и весеннего её обновления.

Поля. Бесконечные поля с пограничными полосами тех же тополей, осин и берёзок, - русских берёзок, без которых просто немислимо представить великую Русь, русское раздолье, русскую свободу. Они резко выделяются среди других деревьев белизной стволов, напоминая об исконно русской чистоте, святости и широкой щедрости души, уважаемой и почитаемой нашими предками, но теперь почему-то похаянной мелочностью мирской суеты нами, сыто и праздно живущими во благо чего? – неизвестно.

Поля. Созревающие солнечные подсолнухи. Русские поля: в них сытость и жизнь всей жизни, но теперь так резко редуемые, вымирающие и численностью, и мощью трудовых рук. И за всю дорогу до Воронежа не встретилось нам на пути ни одной церкви, ни одного храма. Обезбожела деревня, обезбожела Россия, но не потому, что народ отрёкся или позабыл веру нашу православную, а потому что разрушенные, сатанински стёртые с лица православной земли русской церкви некому теперь восстанавливать, - не те сейчас приоритеты, взгляды и устремления; бояре да купцы безвозвратно канули в лету, а переродившиеся в их подобие наместники думают-радеют теперь не о спасении души, а о сытости желудка и улажении рыхлости ненасытного тела, потому и растут-возвышаются, как на дрожжах, на святой белгородской земле среди редких вновь построенных или восстановленных Божьих обителей угрюмые улицы разномастных многоэтажных дворцов, и народ русский-великомученик тянется теперь чаще не к сохе, а к стакану с горькой сивухой, после употребления коей беспросветная жизнь не кажется в тягость, хотя и не в радость,

но становится безразличнее, спокойнее, бесппроблемнее хоть недолгое время действия спиртного одурения-помутнения. Может быть, именно так и было на Руси до пришествия советской власти, но тогда вера не тяготила смиренную русскую душу, а помогала ей держаться, выстаивать, выживать, что и делало её несломимой, непобедимой для любого иноземного врага. Теперь этим врагом стал собственный, обогатившийся изворотливостью ума и цепкостью рук малочисленный люд, прячась от праведной людской молвы и хулы в шикарных толстостенных дворцах, неминуемо сокращая единожды дарованную Богом жизнь и не желая осознавать это.

Голубые ручейки цикория, бесконечные поля созревающего хлеба – бесконечность и величие России, о котором начинаешь задумываться только глядя длительное время из окна автобуса, а другого времени почему-то не находится, чтобы понять-ощутить своё нерушимое единство с природой и Россией, в чём не сомневались наши мудрые предки, отчего и жизнь кажется зачастую безрадостной и серой, как небо над июльской дорогой.

Овраги, как морщины от боли и страданий, глубоко врезавшиеся в тело земли молчаливым напоминанием о великом мученическом предназначении русского православного христианина, сопровождали нас до самого Воронежа...

Окраина города. Мы въезжаем под высокий двухрядный мост, часто и гулко вздрагивающий от резво проносащихся по нему машин. Вот он – Дон, так любовно и пронизательно воспетый Михаилом Шолоховым, а теперь и мы сможем слиться с его размеренным, вековым течением. Выгружаем всё из автобуса. Он уезжает, а мы остаёмся как бы один на один с Доном. Примет ли он нас?

Сыплет мелкий дождик, но на него никто не обращает ни малейшего внимания: все всецело поглощены сборкой байдарок

и плота. Большинство делают это впервые, поэтому внимательно наблюдают, как ловко и уверенно работают руки отца Алексея и Андрея, в прошлом году успешно покорявших на байдарках Архангельскую область.

Байдарки наконец собраны, поставлены в ряд. Обед. Об аппетите и говорить не стоит. Консервы и тушёнка на природе, да ещё после приятной, интересной работы идут куда лучше любых заморских деликатесов. Почти все подходят за добавкой, позвякивая ложками в пустых тарелках, бросая короткие взгляды на мелкую рябь на воде. Убраны остатки пищи и упаковочные пакеты. Байдарки спущены на воду и окружены гребцами. Одна за другой грациозно отходят они от берега, принимаемые в радушные объятия седого Дона. На плоту самые опытные. Загруженный вещами и продуктами, он завершает вереницу. Некоторые байдарки начинают кружиться на месте, сбиваемые с курса неслаженной работой гребцов, но уже через полчаса все идут более-менее ровно. Плот с грузоподъёмностью в одну тонну отстаёт. Сначала две, а потом три байдарки берут его на буксир: грести становится тяжелее.

Глубоко врезавшееся русло Дона часто и резко петляет, поэтому никогда заранее не знаешь, что ждёт тебя впереди. По берегам, почти на всём протяжении пути, старые, очень старые тупоносые лодки-плоскодонки, большею частью затопленные и брошенные в воде за ненадобностью или бесхозяйственной лёгкостью жития нынешнего поколения. Крутые берега, в некоторых местах отороченные почерневшим дубом, камышовые заросли с песчаными прогалинами. Редкие рыбаки с удочками и сетями, преимущественно женщины, совмещающие своё извечное предназначение продлить род человеческий теперь и с его прокормлением. Вымирает русский мужик-добытчик, а иногда, чего греха таить, и мельчающий, и женщина занимает его место, ведь свято место не может пустовать.

Пройден десяток километров пути. Первая понтонная переправа через Дон. Идём в самый широкий просвет. Всё быстрее надвигается и грозно нависает железная громада, и голова невольно склоняется набок. Самые младшие переносят байдарки по берегу. Одна байдарка входит в проём боком и переворачивается. Кто плавал, тот знает, что из перевёрнутой байдарки не так-то просто быстро выбраться. Но всё обошлось, только вещи намокли и утонул фартук. Вторую переправу прошли удачно. Двадцать пять километров позади.

Отойдя ещё немного от переправы, причаливаем к берегу, потому что уже стемнело. Обязанности были распределены заранее, поэтому тут же был разожжён костёр. Пока готовится ужин, выгружаем вещи на берег и разбиваем палатки. Почти все промокли, и нужно подсушиться, чтобы не замёрзнуть. Ужин. Песни под гитару и бурные воспоминания первого дня. Глубоко за полночь лагерь затихает, у костра остаются только дежурные. Потрескивают сухие ветки в костре и назойливо жужжат невидимые комары – неперенные спутники любого путешествия.

День второй. Ночь пролетела скоротечно, тем более что почти половина её была проведена у костра. Жарко горит костёр, грея воду в ведре для чая. Разгорается тихий солнечный день. Лагерь постепенно просыпается, облачается в высохшую за ночь одежду и скучивается у костра. Немного постанывают с непривычки плечи и руки. Сегодня решаем подналечь на вёсла, иначе не сможем пройти и трети запланированного пути. Лёгкий завтрак, быстрая погрузка, и вот уже летят на фартук крупные брызги от вёсел. Стараемся сразу же взять ускоренный темп. Сверяем по карте маршрут: проходим село Гремячье, но за высокими деревьями его не видно. Идём к берегу.

Перед переправой выделяется добротный на высоком фундаменте домик с резными, давно не крашеными

наличниками; ещё крепкий многодверный мазаный сарайчик, не подающий абсолютно никаких признаков жизни в нём, как и сам дом, молчаливо обращённый бледно-голубыми глазницами окон в мерцающее рябью течения лоно почтенного старика Дона. Сразу за домом – асфальт и повседневная мирская суета, от которой мы совсем недавно сознательно отрелись, хоть и на небольшой срок, но всё-таки такой необходимый и не только из-за близкого общения с природой, но и полезный каждому человеку, чтобы испытать свои силы, прислушаться к зову своего сердца и, может быть, именно здесь принять очень важное для себя решение, которое изменит всю дальнейшую жизнь.

Пополняем запас питьевой воды. Недалеко от берега неторопливо проходит длинный старенький катер «Спасатель» с новеньким, гордо развевающимся российским флагом на корме. Очень хочется, чтобы и Родина никогда не чахла, как этот верно служащий многие годы катер; хочется, чтобы она всегда оставалась сильной, процветающей и молодой, а это зависит от каждого из нас, только нужно понять это и не ссылаться на различные житейские трудности. Не решаемых проблем не бывает. Бывают лень и безразличие не только к судьбе великой державы, но и своей собственной, такой незаметной, но такой бесценно значимой; нужно только очень захотеть, чтобы жизнь твоя не прошла даром, чтобы горение, а не тление двигало твоими помыслами и устремлениями, и тогда на многое Господь откроет тебе глаза, и чуточку ближе станет вершина Олимпа, а дорожка чётче и прямее.

Плывём дальше. Солнце жарко печёт. Оскари покорно склонились к воде, словно радушно приветствуя внимательного и чуткого человека-созидателя. Красивый песчаный берег по левому борту. Единодушно решаем именно здесь остановиться на отдых и обед. Пока готовится пища, купаемся, ведь

неизвестно, когда ещё доведётся омыть брненное тело своё в тёплой воде Дона...

Снова налегаем на вёсла. Тишина и покой кругом, одним словом – Божья благодать. И не понимаешь, почему и за что люди ненавидят друг друга, убивают, ведь окружающий мир так прекрасен, что даже на мгновение не хочется вспоминать о вражде и ненависти, чтобы не тревожить понапрасну ожившую, оттаявшую на природе душу.

Крутой поворот. Из-за крон деревьев внезапно вырастают семь огромных конусообразных башен: это Воронежская АЭС. Всё ближе и ближе подходим к ней, и башни, как русские великаны, всё выше устремляются в небо. Начинает смеркаться, и по контуру выделяются красные сигнальные огни. Молочные клубы пара испускают открытые жерла в чистое голубое небо. Поражает величие ума человеческого и творение неустанных рук его, только бы во благо были они использованы. Через полчаса башни-великаны исчезают за поворотом.

Планируем дойти засветло до села Первое Сторожевое. Плот буксируют уже пять байдарок. Два часа гребём на одном дыхании. Начинают предательски ныть от усталости плечи, но это только первое время, а потом боль отступает, и ты работаешь, как сверхпрочная машина, единственная задача которой – грести.

Одинокий огонёк на берегу. Это рыбаки остались на ночёвку. Весь окружающий мир сливается в смоляную муть, когда мы, ведомые течением, причаливаем к берегу. Моросит дождь. Мокрые от дождя и усердного налегания на вёсла ускоренно выгружаемся и – к спасительному костру, под кроны высоченных деревьев. Промокшие до нитки сушатся у костра, остальные устанавливают палатки. Напряжение дня, пятьдесят пять километров пути сказываются, и некоторые

путешественники сразу забираются в палатки, даже не поужинав. Лагерь быстро затихает, только мелкий дождь шуршит в густой листве, но и он скоро затихает или уносит свою монотонную шуршащую мелодию дальше в непроглядный мрак ночи.

День третий. Утро, как ни в чём не бывало, снова тихое, тёплое и солнечное. Лагерь просыпается только к девяти часам. Дежурные уже вскипятители воду. Теперь уже никто не отказывается подкрепиться, отдохнув и изрядно проголодавшись за ночь. Ужинаем и завтракаем одновременно. Осматриваем местность, потому что ночью этого нам при любом желании сделать бы не удалось. В десяти метрах на берегу лежит изрядно поржавевшая угловатая туша парома с подгнившим деревянным настилом, привязанная толстым тросом к тем самым деревьям, под которыми мы разбили лагерь. Паром величественно, но неброско высится из травы, ожидая, когда его порежут и сдадут на металлолом предприимчивые люди, одним махом вырезав солидный отрезок времени жизни села Первое Сторожевое, от которого осталось теперь всего несколько дворов, и незачем преодолевать стометровую водную ширь, чтобы попасть на противоположный берег дона, отмеченный почерневшим и заросшим камышом дубовым причалом. Жизнь замирает, только Дон неутомимо несёт свои спокойные воды в будущее, будем надеяться, - более светлое, чем нынешнее двойственное и разбазаренное.

Просчитав пройденный и предстоящий маршрут, понимаем, как это ни прискорбно, что до Павловска нам не дойти, поэтому решает идти до ближайшей Урыв – Покровки и высаживаться на берег. В десять часов отплываем, прежде сфотографировавшись на память.

Стараемся держать ускоренный темп. Правый берег, как и всю дорогу, выше и круче левого густо зарос кустарником и

столпившимися, сжавшимися, как от холода, дубами и редкими соснами. «Вот бы здесь подвизаться в монахи и основать скит,»- произносит вдруг задумчиво семинарист Миша. Но ему никто не отвечает. Все заняты своими мыслями. Но это и хорошо: где ещё удастся подумать о своей жизни.

Впереди меловые курганы десяти – двадцатиметровой высоты, очень часто встречаемые нами на пути, как скалы подступающие почти к самой воде. Один из таких по правому борту. Замечаем у его подножия узорчатый крест. Очень кстати оказываются рыбаки на берегу. Интересуемся происхождением креста. «Это альпинист сверху свалился», - весело кричит молодой парень. Нас не устраивает такое объяснение, спрашиваем рыбаков на левом берегу. И один нам рассказывает, что здесь святые места: во время войны фашисты взорвали подземный монастырь, и теперь на одном из срезов скалы отчётливо выделяется икона Божьей Матери. «Но не всем она показывается, - горестно заключает он, - я вот сколько ни смотрю – ничего не вижу». Мы тут же устремляем заинтересованные взоры на курган. «Я вижу! – восклицает семинарист Миша. – На втором срезе, вверху». «Не каждому дано», - вертится в голове. Остальные молчат. Кому-то кажется, и он говорит об этом робко, что Божья Мать стоит в полный рост, покорно склонив голову. Но никто ведь не может взглянуть на чудо глазами видящего: такое нужно заслужить. Течение медленно, но неумолимо уносит нас от таинственного кургана, а мы всё не решаемся взяться за вёсла.

Поднимается порывистый ветер. Идём на волну, и кажется, что стоим на месте. Нас обгоняет уже знакомый катер. «Вот бы на буксир», - возникает мимолётная мысль. Но мы гоним её и дружнее налегаем на вёсла. Снова курган. Дети наверху машут нам руками. Мы машем им в ответ. Не часто, видимо, приходится видеть им вереницу разноцветных

байдарок, и потому они долго смотрят нам вслед, желая по-детски бескорыстно доброго пути.

Впереди последний понтонный мост. Вереницей входим в более узкий проход, чем были ранее. Течение отжимает от берега, байдарки проходят свободно, а плот приходится почти проталкивать под низкой железной громадой.

Делаем небольшую остановку на длинном песчаном берегу, сплошь усеянном моллюсками. Стадо рыжих коров разлеглось в тени акаций, громко пыхтя от усердного пережёвывания травы. Пастухи молча рассматривают непрошенных гостей. Спрашиваем у них о нашем местонахождении и тут же отплываем. Ветер не прекращается и бьёт как раз в лицо.

Дотягиваем до замершего у берега цельнометаллического парома. Это и есть Урыв – Покровка. Пройдено ещё тридцать километров. Выбираемся на берег и вытаскиваем из воды байдарки и плот. Дежурные хлопочут у костра, остальные разбирают и пакуют байдарки. Не верится, что путешествие заканчивается, но трёхдневная нагрузка даёт о себе знать, поэтому хочется отдохнуть.

Как раз к накрытому столу подъезжает автобус. Начинает моросить мелкий дождик, омывая прохладой наши загоревшие тела и раскрасневшиеся лица.

Навещает нас Глеб Рафаилович и вместе с нами разделяет скромную трапезу: волновался отец за двоих своих сыновей, которые, хотя и помоложе остальных, но за всё время пути ни разу не захныкали.

Ещё раз окидываем прощальным взглядом неспешное русло Дона, втайне надеясь в следующий раз пройти запланированный маршрут до конца. Отец Алексей сообщает, что в селе есть старинный Свято - Никольский храм. Конечно же едем туда, петляя по переулкам и угадывая родные дороги по

тряске и качке на ухабах. Храм стоит на возвышенном месте, как всегда было принято строить на Руси, чтобы далеко окрест несли колокола Божью благодать. Он закрыт, да и понятное дело: смеркается. Фотографируемся на фоне храма и ждём настоятеля отца Сергия. Он появляется немного растерянный, видя неожиданную подростковую делегацию да ещё во главе с бравым батюшкой. Мы вкратце рассказываем ему о нашем путешествии. Он впускает нас внутрь, где сразу же чувствуется особенная умиротворяющая прохлада и целительная лучезарность намоленных икон. В храме отец Сергий, как человек, бережно сохраняющий историю родных мест, подробно рассказывает нам о том, что сам он родом из этих мест, является сопредседателем общественной палаты района, председателем комитета по воспитательной работе среди молодёжи, председателем районного общества православных врачей. Кроме того он ещё краевед и археолог. Ожидая его на улице, мы заметили, что на храме отсутствует колокольня, и отец Сергий поведал нам о том, что во время войны в этих местах шли жестокие бои, которые по описаниям сравниваются со Сталинградскими. Так вот, на колокольне укрылись два советских снайпера и вели прицельный огонь. Когда фашисты их всё-таки засекли, то ударили по ним из орудия. Колокольню снесло, но оба бойца выжили. Они приезжали сюда уже в мирное время, потому что до конца дней своих не смогут забыть место, где они как бы заново родились.

Строился храм пять лет. Жителям очень хотелось закончить строительство на праздник святителя Николая, но не хватало средств. И тогда с благословением пошли они по соседним сёлам просить помощи. И одна большая семья, у которой уже два года лежала в немощи молодая женщина, отдала на храм все свои сбережения, попросив только, чтобы их позвали на открытие храма. Храм открыли, привезли болящую,

и семья эта, стоя на коленях, слёзно молила Николая Чудотворца о помощи. Видя такое, все прихожане тоже встали на колени и молились вместе с ними. Через некоторое время молодая женщина выздоровела. Слезоточила и мироточила икона Марии Египетской, купленная учительницей для болезненной дочери Марии; мироточили в храме иконы Казанской Божьей Матери и Спиридона Трифутского.

Отец Сергей в миру несколько лет проработал в школе и сейчас ведёт кружки. При храме работает воскресная школа. Ребята посещают святые места, оказывают помощь в археологических раскопках и являются одними из лучших.

Смотришь, слушаешь и окончательно убеждаешься в том, что ищущий – обрящет, только нужно хоть чуточку любить окружающий мир и не замыкаться в своём собственном житейском мирке.

Отец Сергей показывает нам целебный источник. По вделанном в склон оврага ступеням спускаемся к ухоженному, накрытому деревянной крышкой колодцу, из приподнятой над землёй трубы набираем в пластиковые бутылки бегущую резвой струёй воду и тут же пробуем её на вкус: не очень холодная, но чистая и мягкая. Не иссякают благодатные источники, не забывает, милосердно радеет о своих заблудших овцах Господь, неся с целебной водой жизнь и здоровье.

Уже начинает терять чёткие очертания ближайшая лесополоса, когда мы прощаемся с радушным и говорливым отцом Сергием.

Едем домой, освещаемые яркими фарами встречных машин. Всю дорогу отец Алексей отвечает на вопросы путешественников, что говорит о том, что разбередил поход молодую, неокрепшую душу, и она начинает искать ответы на многие, далеко не житейские вопросы. И тут же получает их от человека, выбравшего своей жизненной стезёй не только

служение Богу, но и бескорыстную помощь всем людям от мала до велика, о которых вряд ли кто-то позаботится лучше.

Побольше бы таких людей, как отец Алексей и отец Сергей, посылал нам Господь, чтобы не оскудели человеческие сердца любовью и состраданием к ближнему, чтобы с каждым днём становилось всё больше и больше стучащих, ибо истина одна, но так трудно отыскать её в одиночку...

ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ

Меня воспитывали на том, что человек человеку - друг, товарищ и брат (сестра), а уж потом — «врачи рекомендуют - для дома, для семьи» - приложился и алкоголь. Но с кем попало ведь веселить и без того шаткое тело не станешь, хотя тут можно и поспорить: идёшь по улице, никого не трогаешь, а тебе из-за угла эдакое писклявое комарино-доходяжное: «Как выпить хочется!». Мороз по коже, и от неожиданности, и от того, что перед твоим испуганным, изумлённым взором выплывают из полумрака две худенькие женские фигурки с синюшными лицами и тусклыми безразличными глазами. Присматриваешься: не женщины перед тобой, совсем девчонки, выброшенные на улицу жестокими играми взрослых в догонялки и перегонялки, в которых к финишу приходят только дети-калеки. А милиционеры проходят мимо, потому что это стало нормой жизни конца двадцатого и многообещающего начала двадцать первого века, потому что они благополучно влетели в курятник повыше и попросторнее, где условия жизни, если ты никому «не мешаешь», получше и почище.

Зло и искать-то не нужно в изломах жизненного лабиринта, оно плавает экскрементно-непотопляемо на первых полосах центральных газет и всех телевизионных каналов в безразмерных костюмах и мундирах. Можно и поплевать густо на их сытые, довольные физиономии, но легче от этого вряд ли станет, только разве что нервное напряжение снимется да мозговые извилины не перегреются.

Игры в порядочность и добропорядочность стали модной современной бесперерывной шоу-программой, в которой все мы сделали невольными участниками.

Когда же тебя бьют или только зубками цокают в твою сторону - это, безусловно, прекрасно, потому что, когда русского мужика мутузит - одного, худого и хлипкого - пара мускулистых амбалов-дегенератов, - он от этого только крепчает.

Зачем-то же поставлен этот «Юшка» на белый свет Всевышним. Но теперь «Юшка», когда терпеть боль ему надоедает, выхватывает огнедышащую штучку окрепшей рукой и палит налево-направо, и встаёт окровавленный, но не побеждённый: терминатор делает своё дело, у которого и лицо теперь не стало иметь чёткого пола.

Вот и в армии служить некому, а оставшимся на свободе желторотым юнцам только и остаётся играть в папки-мамки.

А вот коротенькое, но ёмкое слово «любовь», мне кажется, заменили сочетанием «заниматься любовью», потому что занятия меняются: сейчас ты занимаешься любовью, а через пять минут будешь бить витрину, плевать с балкона на разномастные макушки прохожих, орать: «Менты - козлы», читать одноразовую книжку, колоться одноразовым (на всех) шприцом... Всё один раз, другого может уже не быть. Весь мир скоро станет вопить: «Живём один раз!» Потому, наверное, молодёжь сейчас один раз женится, а два раза разводится. И

никаких тебе обязанностей, законов и правил. Игра без правил. Живи одним днём, а там - будь что будет.

Так рождается безразличие, так рождается равнодушие. И некому будет взглянуть в глаза зла, в ясные под добродетельной маской, что и уличить их, ой, как нелегко будет!

Зло царствовало раньше, когда бились с глазу на глаз тяжёлыми двуручными мечами и лёгонькими гибкими рапирами, когда булавами дробили головы невинных стариков, женщин и детей, и мозги их, разлетаясь во все стороны, становились удобрением для земли и пищей для червей. Зло имело лицо, и побеждал в битве тот, кто не боялся в него заглянуть. А теперь оно, сообразно с новым веянием времени, переквалифицировалось в подлость, и глаз его воочию не увидишь, потому что оно разит из-за угла любыми подручными средствами от кирпича до разбитой бутылки, или втихаря продаёт за одну понюшку или блестящую полушку кому что по душе, - душе, ещё с начала двадцатого века обитающей в заячьих пятках.

И не стоит сердиться на старушек, которые охают по поводу безвозвратного исчезновения тимуровцев, бесплатно продливших жизнь слабым пенсионерам, - мы ведь все такими когда-то будем, и вовремя поданная кружка воды манной небесной покажется. Я до сих пор не могу забыть, как однажды ехал домой после учебной недели в техникуме на мягком «Икарусе» на выходной. Ничего не хотелось и потому сладко дремалось. Внезапно обнаружил рядом с собой двух старушек во всём чёрном. Одной уступила место девушка, сидевшая позади, а я подумал: «Чего это я должен ей место уступать, если купил законно билет с номером этого места, выстояв целый час в потной очереди в кассу!» Я повернулся набок, а старушка осторожно, чтобы меня не потревожить, пристроилась в ногах, на полу. И молча сидела и ехала, и я только раз увидел её

печальные, но такие чистые глаза: и не было в них ни злобы, ни зависти, что я - розовощёкий кабанчик - вальяжно «растёкся» по креслу, не желая уважать старость. Она давно уже осознала, что никто ей в этом мире ничего не должен, а, напротив, она, как и все мы грешные, должна Создателю за то, что Он пустил нас поганить землю, бить друг другу просто так морды, по горячему норову после вкушения запретного плода из эдемского сада.

Вот чему нужно учить. То, что ты живёшь,- это уже благо. И не нужно таскаться по кабинетам, обтирать пыль, качая свои права, которые у тех, кем они писаны, не меряны и не считаны.

Телевидение верещит: БЕРИ ОТ ЖИЗНИ ВСЁ. А что брать-то кроме прожиточного минимума да прыгающей пробки от пива. Всё из жизни высосала кучка колобков-акселератов, катающихся до сих пор по сусечкам российской экономики, где уж там вражеский портрет с них успеть срисовать.

Все ценности перекорёжены. Слово «патриот» звучит теперь почти как ругательное. А ведь похаяли его именно те, что были когда-то (в прошлом веке) улыбчивыми картавыми октябрятами, красногалстучными пионерами, волевыми комсомольцами и, наконец, зорко глядящими партийцами. Была размеренность, плановость в жизни: ступенька за ступенькой человек поднимался всё выше и выше прежде всего в собственных глазах; основная масса народа находилась в тени, но она, как сейчас говорят, кучковалась общностью жизни, и молодёжь верила в своё светлое будущее, даже в страшных снах не помышляя, что их «старшие товарищи» в одночасье разрушат все их надежды и устремления и, не оставив выбора, бросят в бездонные пасти наркоты, газированного дурмана и нескончаемого телевизионного кровавого месива.

Со злом «тет-а-тет» работают единицы, и вовсе не сосед-подмастерье, что вроде покрасивее жизнь свою прожигает, а те,

чьих истинных лиц мы никогда не видели. А если кто-то осмеливается указать издалека на них пальцем, то срок его пребывания на земле резко сокращается.

Нынешнее молодое поколение не тешит себя надеждами на безоблачное будущее, облизывая сникерсы и баунти без райского наслаждения, когда в переломные годы двух веков при поступлении в Воронежский медицинский институт спрашивали 25 тысяч рубликов, а в этом году моей коллеге по работе пришлось бы выложить за обучение дочери на факультете информатики Белгородского госуниверситета без малого 50 тысяч рублей за три года вперёд (пришлось бы залезать в долги), но деревенская девчонка выдержала напор наглых денежных мешков и поступила бесплатно, благодаря собственному уму. А сколько одарённых подростков учатся за «позолоти ручку». И министр образования ещё в прошлом году выступал всенародно и предлагал легализовать все платежи за обучение. Вот тогда полностью старые дореволюционные времена вернуться из небытия, а кое-кому из рьяных любителей наук придётся пешком идти, как Михайло Ломоносову, на чужую сторонку за знаниями.

Зло ходит всегда рядом, и не нужно кричать, чтобы тебя с ним познакомили. Оно в приличном костюмчике, эдакое франтовато-безмятежное, вертится под ногами, тебе нужно только повнимательнее всмотреться в вызывающее слюнявую зависть благополучное создание перед глазами, содрать с него маску и запомнить на всю жизнь, чтобы оно и показаться боялось перед твоими чистыми, ясными глазами.

А добро, истинное добро, лица не имеет: оно творит своё благое дело тихо, непоказушно.

Конфликт, безусловно, всё дальше отодвигает человека от обезьяны. Но конфликт не поколений, партий, группировок, а внутренний конфликт с самим собой. Вот тогда и появится

возможность прийти к истине без лишних потерь, и не нужно будет никуда «смотреть сквозь розовые очки». Реши для себя, че те надо: хочешь бить морды - иди в бокс, хочешь квасить их незаметно для других - место тебе в разведке, автомат хочешь помацать - беги в военкомат, строчи заявление и... дави на гашетку по врагам народа, чтоб аж рубаха заворачивалась.

Всё решаемо. И как ни трудно сделать правильный выбор, сделать его всё же придётся, потому что даже в этой игре без правил ничейного счёта быть не может: только 1:0.

СОСТОЯНИЕ НЕВЕСОМОСТИ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ НОВОРУССКОГО ЧИЧИКОВА

Пролог

Все началось с того, что председателю Совета директоров гремящего по всей России ОАО «Стойленский ГОК» Федору Ивановичу Клюке стало скучно работать на родном комбинате, когда заговорили в нем «ненормальные» гены сельского мужика.

До 14 лет жил он при частной собственности в Западной Беларуси. Знает, что такое поле и как «приятно» собирать колоски с торбой за плечами. А тут ещё СМИ зудят: в 1999 году инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве в нашей стране составили 26,3% от уровня 1991 года. Положение сложилось такое, что большинство предприятий не в состоянии наскрести средств на развитие: долги в бюджеты различных уровней. Зарубежные инвесторы подтягивают производство, но в основном только сладкой водичкой, пивом да конфетками.

Выходит, что надеяться нужно только на себя. «А что?! Есть личный «Белгородсоцбанк». Есть еще два московских, начнем сотрудничество со Сбербанком России...» - так размышлял Ф.И. Клюка о начале реформ на селе.

Было, правда, еще предложение занять пост министра промышленности. Но Евгений Степанович Савченко (губернатор Белгородской области) тогда сказал: «Мне такая «корова» самому нужна».

На том и порешили.

Передал все свои дела Федор Иванович в надежные руки - сыну, Олегу Федоровичу, и...

Хождение в народ любимой «коровы» губернатора

«В ворота... въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, - словом, все те, которых называют господами средней руки».

Так начинал свое «крестьянское дело» господин Чичиков. Но он интересовался только «душами», и притом - неживыми.

Клюка прекрасно знал, что и сейчас, с самой революции, от крестьян мертвечиной пахнет, и потому решил переплюнуть недалековидного помещика и начал не с «душ», а с земли...

Въехал он в село Роговатое не на скрипучей безбортовой телеге-разлетайке, а на пятидверной «Ниве».

Но это вовсе не из-за нелюбви к основному транспортному средству селян после «одиннадцатого номера» (основного). Кто-то из селян подумал, что свадьба-гулянка на

селе намечается и даже причмокнул от предвкушения предстоящего празднества. Но когда по сельским ухабам с ревом поплыли громадные «БелАЗы», то некоторые старухи под стол полезли с перепугу. Завертелись колеса, огромные и малые, - движители века, цивилизации. Но порою становится просто страшно, на каких неземных скоростях влетают ново-экономические и лево-право-политические машины в спокойно текущую, а точнее сказать, держащуюся еще на ногах и на расшатанных всякими реформами колесах телег и полозьев саней-козырок братию добытчиков хлеба, молока и мяса.

Так начала работать агропромышленная корпорация (АПК) «Стойленская нива», которую возглавил Ф.И. Клюка.

На глазах жителей выросли зерносушилки, бетонный завод, крытый ток; ждут золотых рук десятки новых машин и тракторов. Если возникнет необходимость, будет построен и свой сахарный завод. Растут корпуса восьми коровников под высокопродуктивных иноземных коров: своих-то уже загубили.

Сейчас корпорация «Стойленская нива» насчитывает 34 хозяйства, 150 тыс. га земли, 10 тысяч работающих на этой земле людей, т.е. 10% населения области.

Губернатор сказал, что «наша область одна из первых в России пошла по пути организации вертикально интегрированных структур. Они уже испытаны в Яковлевском и Ракитянском районах, где объединились мясокомбинат и сельские хозяйства, а также комбикормовый завод и пять птицеводческих хозяйств. В результате такого взаимодействия они увеличили объемы производства в два с лишним раза. Создав такие мощные агропромышленные формирования, можно вести разговор о фактически новом уровне производства сельского хозяйства, не имеющего мировых аналогов. И если вся Россия пойдет по такому пути, значит наша страна станет

самой конкурентоспособной на мировом продовольственном рынке».

Председатель областной Думы А.Я. Зеликов отмечает, что «благодаря Ф.И. Клюке на селе у людей наконец-то появилась уверенность в завтрашнем дне».

А заместитель министра сельского хозяйства так прямо и заявил: «В России есть примеры, когда предприятия берут землю в аренду и отдача однодневная, эффект слабый! То, что увидел у вас - это в России впервые, и мы будем вас поддерживать».

А теперь посмотрим, все ли поддерживают хозяйственную «корову» губернатора.

8 декабря прошлого года Клюка, выступая по местному радио, огорчился, что заволновался народ и не попер лавиной в новую организацию. Выходит, кумекать помаленьку начинает русская «головушка садовая» и не перед каждым барином рука спешит шапку ломать. Научен и намучен русский люд деноминацией и ваучерной приватизацией. И еще эхом звучит в голове: «заводы - рабочим, земля - крестьянам».

К примеру, АО «Скороднянское», как пишут жители с. Скородное в статье «Нас опять грабят?» («Белгородская правда», 17.01.2001 г.), «налоги все заплатило, зарплату и дивиденды выплачивает, урожай собрало неплохой. Но нас силой власти заставляют вступать в корпорацию, угрожая тем, что в 2001 году нечем будет платить непомерные налоги. Ими задавят, сделают хозяйство нерентабельным».

Опять зашла речь о паях. И в который раз зубами вцепляется крестьянин в свой пай, пытаясь хоть на этот раз не прогадать.

Ф.И. Клюка предлагает за безвозмездную передачу ему земельного пая (примерно, 6 га, включая пастбищные угодья) 6 центнеров фуражного зерна, которое может оказаться и сырым,

и с гнильцой, и ежегодную бесплатную вспашку 25 соток огорода, но за пользование пастбищами и привоз сена придется платить не одну сотню рублей. И при этом не забывает повторять, что земля, т.е. паи, не возвращаются и по наследству не передаются.

6 центнеров - маловато!

Губернатор Е.С. Савченко по телевидению рассказал о своей недавней поездке в Чехию, где частная собственность на землю давно уже процветает. Там гектар земли стоит примерно 800 долларов. Но земля там - не чета нашей. Наш маслянистый чернозем, по мнению Савченко, потянет на 1000 дол., т.е. примерно на 30 000 деревянных рублей. Но эти суммы, баснословные для сельских тружеников, станут реальностью, если Дума утвердит закон о купле - продаже земли. Всяко бывает! И немало «чудес» и на нашем веку совершилось.

Вот тогда новорусский Чичиков - Клюка станет единственным собственником земель-паев. Хотя, в принципе, он уже сейчас является их собственником, называя себя во всех интервью «хозяином». Переплюнул - таки Клюка Чичикова, вкладывая сотни миллионов рублей в заведомо беспроигрышное предприятие.

Ответным огнем на заявление скороднян тут же появилась другая статья «Не в разор, а во благо» («БП» от 30.01.2001 г.), которая подписана: Генеральные директора акционерных обществ:

«Казацкая нива» - А. Карпущенко,
«Ивановская нива» - М. Дергилев,
«Осколецкая нива» - Н. Сергеев,
«Коншинская нива» - В. Шатохин,
«Истобнянская нива» - С. Пешеханов,
«Сергиевская нива» - С. Орехов.

Я привожу все фамилии для того, чтобы Родина знала своих «героев».

В своем ответе они напоминают жителям Губкинского района, что в отдельных хозяйствах кредиты в 1,5 - 2 и более раз превышают стоимость основных средств. Отсутствуют ГСМ, удобрения, затраты на электроэнергию не оплачены. Но, однако, пальцем они не указывают, по чьей вине или бесхозяйственности возникли эти самые переборы, и безразмерное местоимение «мы» им больше по душе, нежели многоответственное «я».

А Клюка уже выдал хозяйствам 3 тыс. тонн удобрений, и столько же имеется еще на складе. На базе Старооскольской «Сельхозхимии» совместно с аппатитским заводом Мурманской области развернуто строительство предприятия по производству 120 тыс. тонн туковых удобрений в год. 80 тыс. тонн использует корпорация, остальные 40 тыс. тонн будут предложены сторонним хозяйствам.

Все долги заплатил и оплатил Клюка, приведя в совершенный восторг и умиление бывших и настоящих руководителей разоренных хозяйств, и теперь они по ночам поезживают по новоиспеченным хозяйствам, отрабатывая зарплату в 30 тысяч рублей, которую любезно назначил им Федор Иванович за сотрудничество.

И в с. Роговатое просятся теперь механики из Белгорода, прошедшие обучение на американской технике. Пишут из Тамбова, Воронежской области. Дом в селе раньше стоил 20 тысяч, а сейчас – 150 - 200 тысяч. Попробуйте устроиться туда на работу, надо пройти конкурс. Зарплата доярки около 10 тысяч, двухсменная работа. Практически в каждом дворе - машина.

И центром вселенной чувствовали себя роговатовцы, когда расплескался разноцветьем красок праздничный салют над селом. Такого уж точно не было ни в одной российской деревне.

Но такие чудеса творятся только в «сердце» АПК «Стойленская нива». А на периферии, например, в «Казацкой ниве» зарплата - 900 рубликов и такого разноцветья стройки нет. В гараже «Малотроицкой нивы» за долги обрезали газ, в мастерской «Бубновской нивы» шестой год (и по сей день) в помещении холоднее, чем на улице, и крыша худая – протекает. Но зато не потечет крыша в построенном за 15 дней (!) офисе «Федосеевской нивы» и у Н. Шалайкина не будет авторучка к рукам прилипать от жгучего холода. В чем же дело?

В рулетку что ли хозяйства (и хозяева) деньги щедрого Клюки разыгрывали?

Ответ напрашивается сам собой: «молочком» поить «корова» будет, как и прежде, только избранных...

«Нивы» – козырки новорусского Чичикова не доехали до моего родного села, не потому, что скоростные колеса не донесли, а потому, что не может, он, и это вполне естественно, заехать в каждую мизерную деревню, которая, как и моя родная, в ближайшем будущем может быть смело переименована в хутор, учитывая количество оставшихся жителей, в основном пенсионеров; а им ведь тоже хочется жить получше и подольше. Речь держать за него приехал, вернувшись с «земельных» курсов, теперешний директор УПХ (учебно-производственное хозяйство) «Бабровское» В. Кривошеев. УПХ включает в себя несколько хозяйств, именуемых отделениями.

Поведал он всем собравшимся в просторном холодном зале сельского Дома культуры о намерениях и планах на будущее президента корпорации «Стойленская нива» Ф.И. Клюки. Рассказал о всех благах (о них было сказано выше) и сообщил, что пай, около 5 га (4,5 га пахотных земель и 0,5 га

пастбищ) будет отмерен каждому, кто оформился как положено и проработал хотя бы один день в хозяйстве. А разные там учителя, ныне работающие и пенсионеры, медработники и другие бюджетники пай получают только в том случае, если для них останется земля и если сход граждан решит выделить пай и им.

Учителя-пенсионеры не указаны в списке «имеющих право» за то, наверное, что учили в свое время не русских, а советских детей, к коим когда-то гордо относил себя и Федор Иванович.

Отец мой, 35 лет проработавший в хозяйстве агрономом, теперь по болезни «сидящий» дома, тоже «выпал» из дележа.

Потом, правда, директор милостиво предложил ему вписаться в отдельный список до особого разбирательства.

Однако, он не вспомнил, что завелись и помаленьку укрепляются в нашей области фермеры. Это, несомненно, заслуга губернатора Е.С. Савченко, который не только Клюку поддерживает. Савченко вообще руководит областью спокойно, уравновешенно и обстоятельно, за что и был избран на второй губернаторский срок большинством голосов избирателей. Конечно, и у него не все идет так гладко, как хотелось бы, но это тема уже другого разговора.

Так вот, фермер Дергилев, возделывающий землю на территории УПХ, предлагает за тот же пай тонну зерна (5 ц. пшеницы и 5 ц. ячменя), мешок муки, естественно - бесплатно. При таком раскладе сил и дураку понятно, кому выгоднее передать свой пай, если, конечно, сам обладатель вручную не захочет его обрабатывать, зачиная в новом веке эпохальную эпопею кулачества. И, кроме того, фермер берет участок в аренду на 3-5 лет, а не насовсем, как Клюка.

Представьте себе такое действо: работника по какой-либо причине (например, напился по случаю развода с

женой) увольняют с работы. Куда ему теперь деваться? На чью травку голову склонить? Вся земля кругом чужая. Хоть в омут головой. Но и он теперь природе не принадлежит. Кинешься - и на том свете не рассчитаешься. И по этой причине теперь голова болит.

Эпилог

В родной и дорогой моему сердцу Белгородской области появилась, а может быть и надстроилась на сказочных богатствах Стойленского ГОКа новая АПК «Стойленская нива», которая берет под опеку еще крепкие, еле дышащие на ладан и не дышащие вовсе хозяйства.

В экстренном порядке составляются списки акционеро-в-сдатчиков своих, отмеренных им бывшими колхозами и совхозами земельных паев. Т.е. из «бывших» они уже выпали, но новый хозяин их еще не взял под свое широкое крыло, и захочет ли взять - неизвестно. И по этой простой причине они, пайщики, существуют теперь только в «ревизской сказке», между небом и землей. И еще неизвестно, когда и на чью землю опустятся, наконец, чтобы окончательно и бесповоротно, невесомые «бумажные» крестьяне щедринским мякинным роем. И дай-то Бог, чтобы опустились, а не перешли, как в мультике про Незнайку, из состояния невесомости в состояние невидимости.

Тогда воочию предстанет перед нами прорицательность великого Гоголя, лучше Нострадамуса предсказавшего бесценность жизне-бытия русского мужика в свете эпохальных переделок и перестроек...

ПОЛУЧИЛ КРЕСЛО - ОТРАБОТАЙ!

... Привезла Лидия Ивановна, заведующая сельской библиотекой, вдову-мать пятерых сыновей, погибших в Великую Отечественную, строившую день и ночь в годы войны, с первого и до последнего дня, железную дорогу Ржава – Старый Оскол, в район для вручения ей подарка (радиоприёмника) по случаю Международного года пожилых людей. Привела она её в здание «евро» - администрации города и района, где место зама главы местного самоуправления по культуре занимал бывший её воспитанник - Сашенька, а теперь Александр Михайлович...

За книжками чуть ли не каждый день прибежал Сашенька в библиотеку. Помогал мероприятия готовить, сам сценарии писал. Когда он читал стихи, у неё слёзы невольно на глаза наворачивались. Потом и сам стал стихи сочинять, да так ловко, что сначала районная газета охотно их печатала, а потом и в области обратили внимание на талант молодого паренька.

Отслужил в армии Сашенька, закончил с «отличием» литфак пединститута, и ему предложили занять место зама по культуре. А тут и в Союз писателей России приняли.

Лидия Ивановна была просто счастлива. «Теперь он горы свернёт!» - вдохновенно думала она...

Показали односельчане Лидии Ивановне новое Сашенькино жильё, когда она приехала в город по своим библиотечным делам. Это был трёхэтажный особняк с сияющей оцинкованным железом крышей, обнесённый высоким забором из «итальянского» кирпича.

«Что ж, - подумала Лидия Ивановна, - таланту - достойное житьё-бытьё. Но как же можно убраться в такой башне?!»

Александр Михайлович вышел к ним раздобревший, лощёный, с сальными губами, что-то старательно пережёвывая;

не ответив на приветствие, посмотрел на часы и деловито заявил:

- Вы опоздали на полчаса.

- Автобус запоздал, - виновато проговорила Лидия Ивановна и хотела было назвать его Сашенькой, как в былые времена, но, увидев нахмуренные брови, передумала.

- У нас сейчас банкет, прерывать его мы, сами понимаете, не будем. Заходите часика через два-три.

- Так автобус же уйдёт, а мы...

- Сами виноваты! - отрезал Александр Михайлович и растворился за дверью, откуда доносились негромкая музыка и звон посуды.

Баба Маня всё время молча стояла рядом и улыбалась. Она впервые стояла так близко с таким важным человеком. Слышала она плохо, но понимала, что разговор идёт о ней. И когда важный чиновник исчез за дверью, она вопросительно посмотрела на свою провожатую.

- Опоздали мы с тобой, Мария Кузьминична, - громко сказала та и развела руками.

До рейсового автобуса, идущего в родное село, было ещё полтора часа, и это время они скоротали в парке на скамейке прямо напротив красочного стенда «Честь и слава человеку труда»...

А через несколько дней Лидия Ивановна прочитала в районной газете статью её бывшего любимца Сашеньки, где он предлагал «для сохранения бюджета района закрывать нерентабельные сельские библиотеки».

Всю ночь она проплакала и, когда уже, измученная, засыпала, подумала с горечью: «Пишет ли он теперь стихи?»

Утром она написала заявление «по собственному желанию»...

Стихи Сашенька ещё писал, правда, всё реже и только на политические темы.

С высоты своего поста он теперь смотрел «через леса, через моря» в областной центр, куда его переведут, если он будет себя хорошо вести. Он, бывший «краснодипломник», сразу смекнул, что ширина его начальственного кресла будет зависеть не от душевной его широты, а от умения слушать и выполнять то, что велют более «высокие» его со-чиновники. Он стал теперь частью вавилонской башни. Но он, наверное, забыл, а может быть, никогда и не знал, что однажды Господь разрушил одну такую башню. Он забыл о бесценном бесплатном даре, который, опустив персты Свои, Господь вручил ему под опеку, доверяя самое сокровенное достояние на земле - человеческие души.

И он, как и уважаемый А. Сегень, до сих пор, наверное, не осознал, что дар может быть так же быстро отобран, как и дан. Но таких людей теперь, кроме блестящей таблички на двери кабинета и мягкого удобного кресла, никто и ничто не волнует. Для них теперь самая наиглавнейшая цель - удержаться в кресле-седле, чтобы не смыло «случайной» шальной волной. А для этого нужно залить грязью все тропки-дорожки вокруг себя, «чистоплотные» люди в грязь-то не полезут.

Но самое главное правило: отработай - они усваивают без лишнего напоминания, как говорили в том фильме с дядями в одноцветных робах: «Получил удовольствие - отработай!» А Сегень не токмо «удовольствие» получил, но ещё и высоко стоящее кресло, поэтому ему скажут несколько иначе: «Получил кресло - отработай!»

Поэтому и популивает он теперь грязными «булыжниками» в бывших своих собратьев по перу.

Досталось от него «на орехи» и другому чиновнику, только не просто чиновнику, а писателю-чиновнику -

Владимиру Ерёменко. Он тоже занимает ответственное кресло, но не просиживает в нём штаны, а пишет, пишет, печатается и снова пишет. И не посылает одним только мановением руки «вперёд» своих подчинённых, как это делал бо-ольшой чиновник с неполным русским алфавитом, в «горячие» командировки одних, где пули шальные полётывают, а едет вместе с ними, потому как иначе поступить он не может. Рядом с ним не просто его подчинённые, а собратья по «огненному» перу, ради которых он и занимает кресло чиновника. Он прежде всего писатель, а потом уже чиновник. И для него это кресло - не очередная ступенька к высшему «пьедесталу». Как и любой другой Писатель, он собирает крупницы истины, разбросанные и растерянные по всему свету околотитературными мытарями. И можем только догадываться, сколько ещё открытий предстоит сделать читателям «Литературной России».

И кто же нас приведёт к этим открытиям?.. Нет, не «откатные» чиновники-писатели, живущие на кривотолках и по принципу: ты - мне, я - тебе.

Завидует А. Сегень Литературно-Российскому-Братству, где все равны и едины.

Надёжную команду «сколотил» Владимир Ерёменко. Он не стал отождествлять своего «обидчика» ни с какими «народными» шутками-прибаутками, не стал выискивать подходящую рифму к его фамилии, а спокойно и вежливо разложил его «горе-злосчастье» по полочкам, и остались от «шедевра» только «рожки да ножки».

«ЛР» стала мощным щитом для поэтов и писателей, взращённых на каменистой почве. Подзабыл А. Сегень о том, что когда бьют настоящего русского мужика, он от этого только крепчает. И ещё Андрей Платонов написал в рассказе «Неизвестный цветок» о том, что только на каменистой, а не на задобренной почве растут прекрасные живые цветы.

Хочется верить, что «досадную» ошибку допустил писатель Сегень, но не чиновник Сегень. Хочется верить, что не забыл он основную христианскую заповедь - покаяться.

Иначе невозможно будет отыскать на страницах его «трудов» благословения Божьего, ибо оно покинуло его уже тогда, когда он поднял с земли грязный камень лжи и схоронил его за пазухой - до «лучших» времён.

НОВЫЙ РЫБАК У РАЗБИТОГО КОРЫТА

В первой четверти нашего столетия проблема «отцов и детей» не возникала.

«Отцов» - то у нас сначала, как таковых, не было. Был один ОТЕЦ ВСЕХ НАРОДОВ, диктующий нормы и правила жизни по статусу стояния «пред лицом».

И не нужно сдувать пыль со старых газет, потому как не «отцы» изображены там на скрижалях истории, а ростки и атавистические отростки генеалогического древа коллективизации, реформации и прихватизации: по-нашему — «паханы» или, точнее сказать, «папаши» (паханом-то был ОТЕЦ ВСЕХ НАРОДОВ).

И уже тогда были скоренько сплетены крепкие сети из колючей проволоки для отлова инакомыслящей рыбёшки. Вреда от неё — немного, да дешёвая рабсила нужна для «процветания» нации.

И война Отечественная не помешала вести «колючую» путину. «Отцы» землю пахали, гнили в бараках на лесоповале, а «папаши» их штыками калёными подгоняли.

И «отцы» вместе с «дедами» воевали, хотя и малы и неразумны ещё были, и одной винтовкой на пятерых Родину защищали.

А «папаши», вооружённые до зубов, оглядываться им не давали.

И назад, и вперёд — пекло.

А «папаши» и пороху не нюхали, ног не мочили и вшей своей кровью витаминизированной не кормили.

И получалось: «кому война — милая работа, кому война — беда».

Но тут на зеркальной до того глади слегка заштормило. И пошла «крупная рыба» ближе ко дну, к тёплому и тёмному илу.

Лежа — оно как-то сподручнее: землетрясеньице переждать «на костях» легче, да и волной «шальюю» не смоешь, и лежачего, как известно, не бьют. А коли встанешь в полный рост, так в тебя сначала поплёвывать начнут, а потом и постреливать.

Поутихла буря. Разжирели «папаши», брови замохнатели, и пошли «толстолобики» на нерест. Да столько «икры» наметали, что на все «страны с жарким климатом» хватило.

Новорусская «икорка» пошла. От одного, того самого, предка - «ОТЦА-ПРОИЗВОДИТЕЛЯ».

И иссякла на этом «мужеская» их доблесть, потому как возбуждаться стали только от телефонных звонков да от неуёмно прыгающих «зелёных лягушат» на фондовых биржах.

Раньше пионеры руки к небу тянули, теперь же «однойцовые икринки» зуб «на отсечение» дают, уже с детства готовя себя не к светлому сказочному будущему, а к реальным тёмным делишкам.

«Папаши», тоскуя по далёкому «светлому дедовскому» прошлому, организуют сначала подпольные, а потом и легальные «кружки» со звучными названиями: «Солнцевский» или «Лунный» (это кто в какое время суток больше любит «работать ручками»).

Хорошо ухаживали «папаши» и за своим «садом»: свежей кровушкой поливали да землицей прикапывали.

А выкорчёвывать его теперь техники не хватит, а зубки слабеют от иностранной пищи, которую отбраковывает «барский» стол.

Русский желудок привык к сухпайку, железу да свинцу, а иноземная снедь его только слабит: вот вам и универсальное «слабительное» средство; но оно ещё и мозги расслабляет.

Красиво говорить научились «толстолобики» и мыльные пузыри пускать поднаторели. И льются теперь радужные пузыри на наши головы, как из рога изобилия.

Став на старорусский манер «баринами», «папаши» ожаднели, реформировались. Коли губернии и волости возвращаются из небытия «светлого дедовского» прошлого, почему ж «боярам» да «опричникам» не явиться на свет Божий?!

Только раньше бояре капитал в российский рынок вкладывали, радея о пользе и процветании Матушки России, теперь же всё больше «чулки» у своих жён таскают да «проживчиком» их набивают. И глазки на Запад скашивают, дескать, «за бугром» на «чулках» жить сподручнее: всё ведь одноразовое.

И поиграть в войну им снова захотелось.

А свой-то лоб под пули подставлять не резон.

И пошли в полымя «дети» «отцов», что в Отечественную еле винтовку поднимали, но с отчаянным воплем «За Родину!» умирали. Комсомольцы-«афганцы» и беспартийные теперешние воины в Чечне — «дети» — отдавали свои бесценные жизни не

из-за просчётов «отцов»: они были с ними — последние, выжившие, не вымершие, как динозавры, на разнотравье «кружковой» поруки.

Некогда им теперь билеты получать, и бумаги «папаши» не выделяют — нет лишней; да и ни к чему они теперь: не бумажка у них всегда в чести была — совесть.

И командуют ими опять же «папаши», отсидевшиеся в Отечественную в погребках да на чердаках.

И снова получилось: «одним война — милая работа, другим война — беда».

И тут на рубеже двух веков и тысячелетий появился у «разбитого корыта» новый Рыбак — Путин.

Поползли верх по кривой цены на водку. Понятно: товар не первой необходимости.

Это первое желание молодого, полного сил и энергии Рыбака.

Будут ли пить меньше?..

Нет, не будут!

И потому разноцветными ручейками потекут в казну монеты. Только в чью казну? в какие «закрома Родины»? в какое «дырявое, но бездонное» корыто?

Не получится бы половодью. Тут-то и «рыбку» ловить тяжелее, несподручнее: подкормки больше уйдёт.

«Папаши» пока ещё спокойны: жены ублажены, «икорка» на прилавках держится (не дешевет) и, как инфузория-туфелька, отпочковывается, сохраняя основной инстинкт выживания в уже помутневшей воде.

Один только мэтр «ясности и однозначности» переживает за страну и неутешительный прогноз выдаёт: Россия вступит во главе с новым Рыбаком в период застоя (простоя) всей вытекшей из высших эшелонов власти «воды, водочки и водицы», а нас (то бишь простых смертных) ожидает ничем не

приметная скукотища — таскание за волосы выйдет из моды, а сама мода станет «ближе» к телу и карману народа.

Нелёгкую думу Рыбак думает. Жить лучше по-старому, или жить хорошо, но по-новому. Оно-то не грех, конечно, коль о пользе государства радеть.

Эх!

Как закинет Он невод «по-дедовски» да как вытянет на свет Божий вместе с тинной морскою и «мохнатых толстолобиков». Да не станет слушать гадателей-прорицателей у «разбитого корыта».

И запахнет «палёным». И начнут зарываться в ил чудом уцелевшие «паханы». И «икорки» сразу больше на прилавках появятся, и, следовательно, подешевеет.

Но это тоже пока всего лишь прогноз.

А так хочется! — хоть немного пожить в «светлом будущем», о котором так мечтали и за которое жизни на плахе клали наши великие и мудрые «деды».

В ХАКАСИИ

Уже начавшее однажды изведывать потаённые, скрытые от невнимательного, беглого глаза уголки родной земли сердце не сможет в дальнейшем успокоиться. Оно непременно должно теперь расти, крепнуть, и в вере, и в собственных силах. А лучше, чем путешествие, этому ничего не способствует.

Неутомимый отец Алексей снова собрал команду. На этот раз всего из одиннадцати человек.

Отправиться покорять реки Хакасии на байдарках он задумал ещё тогда, когда вернулся в родные места из годичной миссионерской командировки. Неспешно спланировал маршрут по карте, высчитал необходимое время: получилось две недели вместе с дорогой.

С финансированием поездки, как всегда, помогли добрые люди, понимающие, что копить и прятать деньги в тайную кубышку бесполезно и, по крайней мере, просто глупо. Уверен: зачтётся им сей вклад на праведном Божьем суде...

Утро. Село Архангельское. Храм Архангела Михаила. Отсюда решено отправляться в неблизкий путь. До начала службы все собрались в храме, исповедовались и причастились, чтобы не тянулись чёрным хвостом грехи в дальнюю сторонку. Даже водитель Сергей исповедовался, по его признанию, впервые в жизни. Всё когда-то бывает впервые, но далеко не всё – во благо...

После службы трапезничаем в доме настоятеля храма отца Владимира. Хлопотливая матушка потчует нас борщом, пловом и киселём.

Перед самым отъездом, как и в прошлый раз, начинает накрапывать дождик. Видимо, Господь подаёт нам знак, что на благое дело собрались...

Едем на двух микроавтобусах. Дождь усиливается. В машине тепло и уютно. За разговорами быстрее проходит время. Дождь постепенно прекращается.

Ближе к Москве автомобили замедляют ход и начинаются длинные пробки. Смотрим на часы. К вечернему поезду можем опоздать, а билеты-то уже на руках.

Замечаем впереди, почти перед нами, «скорую помощь». Отец Алексей идёт к машине, недолго разговаривает с водителем; тот включает мигалку с сиреной, и мы следом за ним продираемся сквозь длинную пробку. «Перед Москвой, - сообщает наш водитель, - это происходит ежедневно».

Все вздыхают с облегчением: теперь успеем...

В Москву приезжаем за полтора часа до отправления поезда, немного всё-таки поколесив по столице. Перетаскиваем вещи на платформу. Ожидаем. Сколько людей суетливо проходит мимо, даже не взглянув на нас. И многие даже не догадываются, что хоть один раз в жизни нужно остановиться и оглядеться кругом: жизнь-то одна, и нельзя пробежать всю её вроде бы и длинную дистанцию бегом, чтобы найти в самом её конце только пустоту и такое несвоевременное осознание бесцельно потерянного драгоценного времени...

Радостно грузимся в фирменный поезд «Москва – Абакан». Байдарки – под крышу, на самые верхние полки, рюкзаки – под нижние. Трое суток пути. Почти все едут так долго впервые. Ужинаем и ложимся спать: волнения дня и дорога до Москвы дают о себе знать...

Поезд идёт тихо и плавно, поэтому на следующий день просыпаемся поздно. Солнце уже высоко и печёт по-летнему, но в вагоне работает кондиционер, поэтому и спалось сладко.

Ночью проехали Ярославль. Теперь всматриваемся в пролетающую за окном местность. Кажется, что мы и не уезжали из дома. Постоянно мелькают серые одноэтажные

домики, а то и покосившиеся хатёнки, ворохи дров: никак не доберётся сверхприбыльная газовая индустрия до каждого российского жителя, дороги, видимо, наши прямоезжие и окольные не позволяют. И названия у селений такие же безрадостные, словно обречённые на нищенское существование: Кончинка, Борщевое, Барабаново, Никулино...

Дальше местность становится болотистой, и в мутноватом окне вагона вдруг возникают целые семейки мёртвых берёзок, с голыми сухими ветками, когда кругом цветёт и благоухает жизнь, а они умирают, так и хочется сказать, стоя по колено в воде.

Начинает постепенно сказываться разница во времени. У нас дома ещё ночь, а за окнами поезда солнце уже всю греет землю и зовёт радоваться новому дню и самой жизни.

На второй день встретилось селение с непривычным названием «Нея». Чувствуем, что всё дальше уезжаем, удаляемся от родимых мест...

В Абакан прибываем в два часа ночи по Москве и в шесть часов по местному времени. Ещё бы спать да спать, но за окнами уже разгорается день и медленно просыпается город.

Выгружаемся на ещё пустынный перрон, где нас встречают отец Андрей (Ермаков), дьякон Спасо-Преображенского собора города Абакана, и будущие наши проводники Табакаевы Сергей Николаевич с сыном Александром. Оба жилистые, подтянутые. Сразу видно, знакомы с тайгой не понаслышке.

Грузим поклажу в старенький остроносый автобус, и отец Андрей начинает краткую экскурсию по городу Абакану. Улицы ещё пусты, встречаются редкие автомобили, большей частью такси.

Отец Андрей подвозит нас к своему родному Спасо-Преображенскому собору. Ещё слишком рано и он закрыт. Мы

не можем попасть внутрь, но любимся его грациозной красотой снаружи.

Город небольшой, поэтому очень скоро он остаётся позади. Начинаются степи, уходящие за горизонт, ровные и бесконечные, словно кем-то специально разглаженные и выровненные. Вдали виднеются отвалы открытого угольного карьера. Никаких селений. Только изредка попадаются потрескавшиеся, угрожающе торчащие из земли плиты древних захоронений.

Из-за горизонта медленно, но величественно вырастают Саянские горы. Пока они ещё далеко и поэтому не кажутся такими могучими и старыми.

Сворачиваем посмотреть на великое творение рук человеческих – Саяно-Шушенскую ГЭС. Пройти на саму дамбу нас не пускает охрана, но и издали завораживает бетонная громада. Водосброс закрыт, и ребристая плотина, строившаяся на века, молчаливо взирает на любопытных посетителей.

Фотографируемся и едем дальше. Над дорогой нависают рваные, измученные дождями и ветрами рыжие скалы. Выныриваем из лесного массива на довольно большое открытое пространство. Негромко бубнит узенькая горная речка. А прямо перед нами, на взгорке, переливается белизной стен Мраморный храм, названный так не из-за ослепительной белизны стен, а потому, что построен он из настоящего мрамора, специально сюда привезенного, известным борцом Александром Ерыгиным в память о своей матери Евдокии Павловне. Служит в храме иеромонах Никанор (Павлов). Он удивляется неожиданному визиту и ведёт нас под прохладные мраморные своды, показывает внутреннее убранство верхнего и нижнего залов. Показывает маленький, ухоженный свой домик в нескольких метрах от храма и особенно оживлённо рассказывает о винограде, им самим выращенном. Так хочется подольше

пообщаться с этим душевным человеком, добровольно ушедшем от мирских страстей, расспросить его о жизни и о многом другом, но время не ждёт, и нам нужно двигаться дальше: всё расписано по часам.

Теперь Саяны уже по обе стороны, как благородные седые великаны сопровождают нас всю дорогу.

На пути попадаете крохотная деревенька, которую называют «Пьяной деревней». Прямо у дороги стоит облупившееся здание магазина, без окон и дверей, с первой и последними буквами когда-то яркой вывески. А теперь местные жители топят сладость бытия в сивухе, а в бывшем магазине скрываются от палящего зноя коровы и свиньи...

Позади остались пять с половиной тысяч километров пути по бескрайним просторам России, и через пять часов после прибытия мы въезжаем в город Абаза, который больше похож на посёлок городского типа. Сложенные из почерневшего бруса редкие двухэтажные здания, узкие улочки и бесцеремонно гуляющие прямо по проезжей части коровы. Они важно стоят или лежат посреди улицы, не обращая внимания на объезжающие их машины.

Остановка. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, в котором служил во время своей миссии отец Алексей, а теперь служит немногословный отец Вадим.

Храм деревянный, старинный, с первого взгляда кажется совсем крохотным. Но когда мы проходим дальше, то видим, что он вытянут в длину. Здесь же, на территории, размещается воскресная школа и баня, настоящая русская баня с парилкой и берёзовым веником. Нам после четырёх суток жары и пыли стало даже не до еды. Так как нас здесь уже ждали, то баня была натоплена и встретила гостей крутым паром.

После бани, разомлевшие, посвежевшие (недаром на Руси испокон веков ценилась живительная сила бани) собрались

в просторной, обшитой вагонкой трапезной. Стол весь был заставлен всевозможными яствами. И такой вкусной показалась еда, словно мы неделю не ели.

Сразу же после вкусного ужина – спать. Сон лечит и помогает набраться сил. На новом месте обычно плохо спится, но после баньки мы уснули как младенцы...

Но как ни хорошо живётся по соседству с парилкой и веничком, а цель нашего путешествия была в другом. И ближе к обеду, по горному серпантину, по изгибающемуся острыми глухими поворотами «тёщиному языку», с крутыми обрывами и тёмной зеленью молчаливой тайги, с нависающими над дорогой скалами Саянских гор мы доехали до деревушки Кубайка, с населением в пятьдесят два человека, но зато с довольно солидной турбазой, на которой даже иностранцы не гнушаются погостить.

Как только водитель заглушил мотор, сразу же услышали непонятный шум.

- Это Она, - многозначительно и загадочно проговорил наш проводник Сергей Николаевич.

И мы поняли, что филонить нам не придётся.

На полянке, облюбованной задолго до нас проводником почти у самой воды и где ещё остались угли от костра и возможного пиршества на лоне природы, мы выгрузили вещи и стали собирать байдарки. Перед этой долгожданной операцией конечно же пошли посмотреть на шумную горную речку, которую мы приехали покорять. Неглубокая и не очень широкая, она слишком быстро, как нам показалось, несла свои чистые, прозрачные воды по отшлифованным ею же веками разноцветным камешкам и неохватным валунам навстречу старшему, давнему своему приятелю, более спокойному Абакану.

Засомневался проводник, что наши байдарки выдержат такое течение и камни и, как оказалось в дальнейшем, не напрасно...

Мошкара... Кто с ней хоть однажды встречался, тот не забудет об этой встрече никогда. Нет, она не впивается в тело так же болезненно, как комары, она, как серая пыль, обволакивает тебя кругом с наступлением сумерек и даже днём, если уйти от воды в лес, забивается в рот, нос, уши, за ворот и выстригает своими невидимыми зубками-клешнями кожу, так что потом на теле появляются бурые пятна, как при закупорке вен. Отбиваться от неё бесполезно, потому что бить, собственно, некого и не по чем. Всё равно, что выгонять веником поднятую с пола пыль. Припасённые нами заранее спреи и кремы на неё не действовали: она липла ещё больше и противнее. Спасались только, облачившись в камуфляж с мельчайшей, совершенно чёрной на вид лицевой сеткой и дымом костра. Перед сном продымливали и палатки...

Утром Сергей Николаевич поднял нас рано, когда туман уже начинал прятаться меж стволами сосен и кедров, а вершин Саян ещё не было видно.

После сна и тёплой палатки сразу же обдало холодком, но костёр уже горел, а в эмалированном ведре заваривался чай.

Туман окончательно рассеялся, когда мы спустили байдарки на воду. Ради этого момента мы проехали через всю Россию больше пяти тысяч километров. И вот этот момент наступил.

Напрасно мы надеялись, что резвая Она позволит нам спокойно плыть вместе с её течением и любоваться окружающим пейзажем.

Уже после первой сотни метров лёгкие и длинные лодки закутило течением, и они одна за другой стали переворачиваться. Невозмутимы были только проводники, отец

с сыном, плывшие на маленькой юркой резиновой лодке с короткими вёслами.

Не очень-то приятно, доложу я вам, внезапно очутиться в ледяной проточной воде вниз головой. Дыхание перехватывает настолько, что когда выныриваешь на поверхность, то начинаешь дышать не сразу, а несколько секунд барахтаешься с открытым ртом, как будто очень удивлённый случившимся и ещё не осознавший до конца произошедшее. К тому же и устоять на скользких камнях на одном месте затруднительно. Течение так и норовит тебя повалить и ещё разок окунуть в холодную воду.

Лодки остановились по обе стороны реки. Из них выливали воду, заодно ловили уплывшие вёсла, рюкзаки, сланцы. Холодная мокрая одежда сковывала тело, но никто не заболел. Солнце уже стало припекать, и одежда высохла довольно быстро.

Решили больше не испытывать судьбу, послушаться проводников и вернуться, пока не уплыли далеко, на стоянку...

Как приятно было снова оказаться в радушной Абазе и в обжигающей баньке после холодной, строптивой Оны.

Переночевали в воскресной школе. Утром служба. Приход небольшой, но к алтарю свободно не пройти...

Снова собираем байдарки, ремонтируем и своим ходом, через лес, спускаемся к Абакану. Он шире Оны и спокойнее.

Спускаем на воду байдарки. Прощаемся с проводниками - здесь они нам не нужны – и отплываем. Так как одна байдарка разбилась на Оне, то вместо неё с нами теперь резиновая лодка, которую байдарки тащат по очереди.

Теперь уже можно немного расслабиться и полюбоваться пейзажем. Тайга и горы кругом. Никаких поселений, только мы и природа...

До вечера прошли тридцать километров. Неплохо, если учесть, что вышли из Абазы во второй половине дня. Останавливаемся на каменистом берегу. Ставим палатки, разводим костёр. Этот день прошёл без происшествий. Начинает накрапывать дождь. Предупреждающе гремит гром, дробясь гулким эхом в вершинах гор и откликаясь со всех сторон. Где ещё такое услышишь?

Прячемся в палатки...

Встаём, как только солнце показывается из-за гор. Густые белёсые облака обтекают вершины гор, на который всегда лежит снег, видный и нам. Небо проясняется, значит будет жарко.

Река Абакан, показавшаяся нам сначала такой спокойной, начинает расходиться множеством рукавов с каменистыми мелями и довольно бурными перекатами. Издали, чтобы не снесло течением, выбираем русло пошире и поспокойнее. Но иногда лодки течением всё же сбивает на мель и приходится выбираться из байдарки и вытаскивать её на более глубокую воду.

Солнце печёт. Некоторые, рискуя обгореть, обнажаются. Те, что поопытнее, - смачивают одежду.

Впереди виднеются домики. Это город Аскиз, а точнее – его окраина. И тут прямо на глазах небо чернеет, резкий ветер поднимает волны. Такого байдарка точно не выдержит. Спешно причаливаем, вытаскиваем лодки на берег. Успеваем поставить две палатки, как тут же срывается ливень. Но такая резкая смена погоды, как правило, бывает недолгой. Минут через пятнадцать дождь постепенно стихает или уходит дальше, и чернота нехотя уплзает вслед за неожиданным дождём.

Опускаемся на воду и решаем миновать Аскиз как можно дальше: вдруг погода опять испортится.

На очередном перекате байдарку с резиновой лодкой на буксире сносит в правый рукав. Мы идём налегке, поэтому у нас хватает сил справиться с течением и выйти в левый, как мы и планировали. Ну ничего. Впереди рукава сойдутся, и мы снова пойдём все вместе.

Плывём час – нет нигде нашей байдарки. Выходим на самую широкую излучину, в которую сходятся рукава, останавливаемся и решаем дожидаться, потому как байдарка с «прицепом» не могла нас обогнать.

После двух часов ожидания начало темнеть, но встреча так и не состоялась. Либо они ушли по другому руслу, либо тоже остановились.

Беда была ещё и в том, что в резиновой лодке лежали все наши палатки. У нас же были только спальные мешки. Ну и это не беда. Не на курорте же!

Разожгли костёр на косе, чтобы было далеко видно, разложили рядом прямо на камнях спальные мешки, с трёх сторон загородились от ветра байдарками. Поужинали консервами и легли пораньше, чтобы пораньше встать и искать своих...

Встали ещё до восхода солнца и сразу же тронулись в путь...

Встретились мы уже ближе к полудню. Отец Алексей, как чувствовал, остановился на берегу, и тут как раз и мы показались из-за поворота. Оказалось, что когда мы их ждали, они по другой излучине обошли нас и ушли далеко вперёд: и такое бывает, карты-то всех рукавов реки нет и вряд ли она когда-нибудь появится.

Здесь уже мы все вместе отобедали и единодушно решили до темноты прийти в город Абакан, потому что на следующий, на семнадцать часов, у нас были билеты обратно до Москвы. Нужно будет хорошо просушиться и плотно упаковать вещи и байдарки...

Долго мы ещё петляли по извилистому руслу, пока не увидели впереди купающихся и загорающих людей и длинный железнодорожный мост, соединяющий оба берега. Это был город Абакан. С трудом верится, но вплавь прошли двести километров. Отошли на пару километров от города и в последний раз сделали остановку на высоком берегу одноимённой с городом реки, даже и не догадываясь, что совсем недалеко покорённая нами река впадает в Енисей. Но это может быть уже другое путешествие. А пока впереди нас ждёт последний ночлег в Хакасии, и завтра домой, домой, домой...

МАЛЕНЬКИЙ ПОДВИГ

Далеко не каждый человек верит в чудеса, но каждый, безусловно, хочет, чтобы жизнь его складывалась гладко, размеренно, без всяческих неразрешимых ситуаций и потрясений. Но манна небесная не сыплется с небес просто так - заслужить нужно: молитвой, постом, добрым делом или просто от души изречённым добрым словом. И когда человек это понимает, а, точнее сказать, чувствует каждой клеточкой своего бренного тела, тогда только он начинает совершенно по-иному созерцать окружающий мир и смотреть на себя драгоценного в этом мире. Именно поэтому, наверное, люди верующие и сочувствующие в любую погоду выходят на улицу и идут десятки и сотни километров пешком.

11 сентября. Утро. Вся территория вокруг Спасо-Преображенского собора заполнена народом; с иконками на шее и в руках, с рюкзаками и пакетами. Некоторые пришли в шесть часов утра.

Столетие – это значительная дата в жизни мирского человека, а в жизни святого – особенно.

Никто не заставляет и не может заставить человека выйти на улицу и идти несколько километров пешком, смиренно забыв о своих застарелых болезнях и болячках. Просто так идти, без зарплаты и премии. Пусть это кому-то покажется банальным, но когда человек по собственной воле выходит на улицу и вместе с другими людьми идёт, идёт, идёт... без просьб, требований - это подвиг, пусть очень маленький, но подвиг. Именно с этого маленького подвига, с этого преломления собственной лени и собственного эгоизма и начинается новая жизнь, новая светлая жизнь.

Суетятся священники. Волнуются кадеты в камуфляжной форме, которые совсем скоро возглавят торжественную процессию. Переглядываются, облачённые в полную военную форму, поправляя кожаные ремни, казаки: не каждый день выдаются такие знаменательные даты. Они выпадают на долю каждого человека только один раз в жизни, и каждый решает сам, как ему этим событием распорядиться.

Погода ясная, но очень ветреная, словно природа лишний раз испытывает на выносливость и выдержку. Пойти или остаться?..

Природа бессильна, когда люди объединены общей целью, общим замыслом.

От собора колонна человек в триста бодрым шагом выдвигается в сопровождении машин полиции и скорой помощи к выходу из города. Люди идут спокойно, переговариваются, хотя до первой ночёвки – двадцать один километр пути.

Кадеты несут впереди колонны хоругви и икону святителя Иоасафа с его драгоценной частичкой. Ветер рвёт из рук хоругви, словно противится массовому шествию людей.

А люди идут; старики с кривыми деревянными палками, молоденькие девушки на высоких каблуках. Идут, меняют обувь на более удобную, заворачивают задники туфель, чтобы не стереть ноги в кровь.

Колонна движется по крайней правой полосе, чтобы не мешать движению транспорта, не выходя за дорожную разметку; следят за этим кадеты и казаки, которые идут по краю колонны, по белой полосе разметки.

Пассажиры проезжающих мимо машин внимательно и удивлённо всматриваются в лица идущих, не понимая, наверное, зачем? ради чего?..

А люди идут, поют молитвы, несут рюкзаки и пакеты с самым необходимым.

Маленький подвиг может исправить грешную жизнь, наладить, решить житейские проблемы. И так оно будет, потому что нет на белом свете слова сильнее и значительнее бесхитростного слова «Верую».

И это простое слово, вмещающее в себя великую силу, ведёт людей вперёд к победе над мирской суетой, к победе над самим собой.

Продолжительный подъём. Село Сергиевка. Кое-где у дороги появляются зеваки. Некоторые порываются войти в колонну, но так и не входят. Другие непонимающе взирают на огромное скопление людей.

Первая часовая остановка. Старушки кряхтят и усаживаются прямо на траву. Суетятся организаторы и священники, приглашают людей потрапезничать в кафе; заказано на девяносто человек. Тут же раздают свежие яблоки. Люди заводят разговоры, улыбаются, радуясь тому, что половину пути они осилили, выдержали, не отступили.

Тем, кто не уверен в своих силах и просто устал, организаторы предлагают пройти в автобус и вернуться в город.

Пусть они не дошли до конца намеченного пути, но маленькую победу над собой всё же одержали.

В теле начинает чувствоваться усталость, когда звучит команда: «Продолжаем крестный ход!» И крестный ход продолжается. Немного поредевшая колонна так же бодро и уверенно идёт дальше.

Время течёт своим чередом, но совершенно не заметно для идущих.

Впереди отчётливо виден знак «Бобровы Дворы». Пятнадцатиминутная остановка у памятника Вдове и Матери солдата, и снова в путь.

В половине пятого торжественная процессия подходит к храму Покрова Пресвятой Богородицы с. Бобровы Дворы, где её уже ждут местные жители во главе с настоятелем храма о. Евгением.

Паломники входят на территорию храма на молебен.

Теперь можно и отдохнуть. Длительная остановка расслабляет тело, ноги становятся ватными. Но это никого особенно не волнует, потому что первая часть пути пройдена и можно отдохнуть и набраться сил для очередного отрезка пути Бобровы Дворы – Скородное, а это восемнадцать километров, для очередного маленького подвига, очень важного для всей последующей жизни.

Содержание

ПУСТЬ ЛУЧШЕ МНЕ БУДЕТ ХУЖЕ	3
I.....	4
II.....	12
III.....	17
IV.....	21
V.....	27
VI.....	34
VII.....	39
VIII.....	42
IX.....	49
X.....	52
XI.....	63
XII.....	65
XIII.....	68
XIV.....	83
XV.....	87
XVI.....	93
XVII.....	96
XVIII.....	102
XIX.....	103
XX.....	105
XXI.....	107
XXII.....	111
XXIII.....	112
XXIV.....	121

РАССКАЗЫ	125
ЛЕБЕДИ	126
ЗВЕЗДА ГЕРОЯ.....	144
НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ.....	163
ИГРУШКИ.....	171
ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ	201
КОНТРОЛЬ НА ДОРОГЕ.....	209
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ	213
МЕДВЕДЬ – ЭЛЕКТРИК.....	224
НИЩЕТА (от Москвы до самых до окраин)	230
ШЕЛ СОЛДАТ ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ.....	238
Перед строем	238
«Музыкальные» способности.....	241
Спор.....	242
Божий знак	243
СТУПЕНЬКИ К... ..	245
СНГ районного масштаба	245
Единодушное решение.....	245
Накормила.....	246
Светлые мысли	246
Снайпер.....	247
Покаялся.....	248
Талант.....	248
Обновка.....	248

Щеголь	249
Усвоил	249
Мода	250
Вспомнила.....	251
Идём «голосить».....	252
СЛОНЫ	254
НАВОЗ С МИГАЛКОЙ	259
НЕПОДХОДЯЩАЯ ВНЕШНОСТЬ.....	261
ПУБЛИЦИСТИКА.....	264
ЧУТКО СЛУШАТЬ (Заметки о поэзии Анастасии Харитоновой).....	265
КРЕСТ КРЕСТЬЯНСТВА.....	271
ПУСТЬ СЕБЕ БУДЕТ МЕНЬШЕ	276
ЗЕРКАЛО МИРА	280
ВОСХОЖДЕНИЕ НА ОЛИМП.....	290
ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ	304
СОСТОЯНИЕ НЕВЕСОМОСТИ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ НОВОРУССКОГО ЧИЧИКОВА.....	309
ПОЛУЧИЛ КРЕСЛО - ОТРАБОТАЙ!	318
НОВЫЙ РЫБАК У РАЗБИТОГО КОРЫТА	322
В ХАКАСИИ	327
МАЛЕНЬКИЙ ПОДВИГ.....	337

Литературно-художественное издание

Малахов
Александр Евгеньевич

Пусть себе будет меньше

Сдано в печать 20.10.2016

Компьютерный дизайн: **Русакова** Светлана Альбертовна,
технический редактор

309181, г. Губкин, ул. Мира, 22
МБУК «Централизованная библиотечная система №1»
e-mail: gubkniga@yandex. ru

